

ISSN 0042-8779

ДВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

2

2015

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2/2015

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г. 3

СТАТЬИ

- И.В. Омелянчук** — Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в. 13

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- К.А. Юдин** — Матвей Федорович Шкирятов 36

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Ю.А. Пелевин** — Казус Засулич 52

СООБЩЕНИЯ

- Н.С. Ватник** — Организация военной подготовки учащихся в 1915—1917 гг. 71

- В.В.Трепавлов** — Царские путешествия по этническим регионам России 85

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

Л.А. Кирилина — Словенский политик Б. Вошняк о России. 1904—1917 гг. 98

Ю.В. Куликова — Власть и государство у кельтов 111

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

С.Б. Панин — Панисламизм в Средней Азии перед первой мировой войной 121

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

А.С. Манойленко, Ю.Е. Манойленко — Процесс по делу Ш. Конарского и судьбы польских ссыльных 137

Е.Н. Шумилов — Русь в период распада в 40-е гг. X в. ... 144

И. Рождественский — «Новая Вандея». Феномен образа врага 152

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Н.А. Иванова — Приходские училища в Смоленской губернии в XIX в. 160

ИСТОРИОГРАФИЯ

М.А. Виноградов — М.А. Полякова. Усадьба Поречье Уваровых в культуре России 168

А.А. Егоров — Л.И. Ивонина. Мальборо. Жизнь знаменитого полководца и политика на фоне его эпохи 170

В.В. Орлов — Р.Г. Ланда. Судьба морисков 172

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке
Федерального Агентства по печати и массовым коммуникациям.

Конференция Пражской группы партии социалистов-революционеров 1931 г.

Заседание от 17 марта 1931 года

Присутствуют гг. Милашевский, Марков, Минахорян, Лозовой, Лазарев, Архангельский, Якушев, Воронович, Новожилов, Ригана, Кобяков, Сталинский.

Прения по докладу т. Сталинского.

Т. К о б я к о в. Просматривая тезисы т. Сталинского, я был несколько удивлен той осторожностью докладчика при подходе к разрешению вопроса о восстановлении в побольшевицкой России частно-капиталистических отношений. Этот вопрос для каждого социалиста, даже не столь ортодоксального, как Е.А. Сталинский, — шепетилен. Роль социалиста, как борца за обобществление средств производства, как борца с режимом капиталистов и с самим классом капиталистов, как будто противоречит подобному рода защите восстановлений частно-капиталистических отношений. Однако т. Сталинский на этот путь стал и с рядом оговорок принял необходимость для России допущения развития частно-капиталистического хозяйства, как туземного, так и иностранно-концессионного. Мне кажется, эти мероприятия действительно необходимы для России, и некоторая застенчивость, проявленная докладчиком в решении этого вопроса, мне представляется излишней, и те оговорки, которые сделал т. Сталинский — напрасны, ибо капитализма в классическом смысле этого слова нет нигде в мире, и потому специальная оговорка для России не имеет существенного значения (см. §11 тезисов). Надо прямо прокламировать. Надо прямо прокламировать допущение, всерьез и надолго, уничтожения начала принуждения в экономической жизни, т.е. частно-хозяйственной инициативе должна быть представлена свобода деятельности. Это — одно. Второе — иностранные концессии. В этом вопросе, мне думается, должна быть проявлена наибольшая осторожность, увлекаться ими не следует. В первое

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2014. № 8—12; 2015. № 1.

время после большевиков, настороженная в отношении России Западная Европа и Америка не рискнут направлять в нашу страну, страну социальных экспериментов, серьезных сил. Туда набросится хищный спекуляционный капитал, в отношении которого следует применять не систему поощрения, а наоборот, поставить всевозможные рогатки в целях недопущения его в Россию. Я откровенно заявляю себя сторонником таких мер, чтобы если уже необходимо в России восстановление частно-капиталистического хозяйства — пусть оно проводится нашими отечественными силами, и категорически возражаю против допущения каких-либо особых, т.е. льготных условий для иностранного капитала.

То, что есть в России — не социализм. Госпромьшленность есть система государственного капитализма, наихудший вид капитализма, наихудший вид деспотизма. Соединенная в государственном аппарате власть политическая и власть экономическая создали небывалую, неограниченную силу государственной машины над гражданами. Бездушная государственная машина охватила все стороны жизни страны, уничтожила самодеятельность во всех областях жизни. Какими бы целями и принципами не руководствовалась такая власть, она — есть зло само по себе, и потому подлежит изменению. Отнять у государства его экономическую власть над гражданами — всякого демократического и социалистического течения, в том числе, конечно, и эсеровского. К сожалению, этот вопрос ни с теоретической, ни с практико-тактической стороны в тезисах т. Сталинского в должной мере не освещен, а §§19 и 20 тезисов дают основание предполагать, что с этой системой государственного капитализма докладчик если и предполагает расстаться, то в очень и очень постепенном порядке, более декларативного, чем фактического порядка. Я в этом вопросе высказываюсь гораздо решительнее. Конечно, не в хаотическом беспорядочном эксперименте а ля большевики, но мы должны твердо и определенно провести отделение управления хозяйственными предприятиями от политического аппарата, конечно, в рамках возможного, и без новых экономических потрясений и с соблюдением чисто государственных интересов, т.е. обороны, фиска и т.п. Это мое предположение, конечно, ни в коей мере не вытекает из необходимости передачи госпредприятий бывшим владельцам или каким-то варягам-концессионерам. Все крупницы социалистического порядка мы должны сохранить и развивать. В этом случае мы должны пойти по пути, указанному нашей программой. Все по возможности госпредприятия мы должны стремиться перевести на рельсы истинного демократического социализма, т.е. передать в управление организованному обществу в лице производителей и потребителей и представителей государства. Это — первое. Вторым нашим путем при реконструкции хозяйственной жизни страны должна явиться кооперация во всех ее видах — производительная, потребительная и кредитная, охватывающая как городскую жизнь, так и сельское хозяйство. И только на третьем месте мы должны будем сохранить, как неизбежное, в возможно ограниченном виде — национализацию.

Что касается частно-хозяйственной деятельности, то таковая нами должна быть допущена как дополнительная мера в системе трех основных форм хозяйствования. Вся хозяйственная жизнь должна по-

коиться на началах свободного соревнования, и в этом соревновании должна влиться в высшие и современные формы то, что называется социализацией, кооперацией, национализацией, т.е. социалистическое хозяйство должно будет доказать свое превосходство над системой капитализма.

Т. Я к у ш е в. Тезисы т. Сталинского построены на принципах партии. По общим вопросам программы и тактики многое является повторением того, что было у нас до войны. Но т. Сталинский указывает также на происшедшие изменения, и в соответствии с этим предлагает новые разрешения некоторых вопросов. Как известно, до февральской революции мы говорили только о социализации и отрицали социализацию фабрик и заводов. В этом отношении достаточно вспомнить наш спор с максималистами, чтобы учесть значение мотивов, руководивших нами в этом вопросе в прошлом. Однако теперь факт проведения в декретном порядке большевиками национализации очевидно считается достаточным, чтобы мы изменили свое прежнее отношение. Правда, т. Сталинский в конечном итоге говорит о крупных промышленных предприятиях, имеющих общегосударственное значение, но то, что мы видим в советском государственном производстве, представляет весьма безотрадную картину. Рабочие прикреплены к заводам, нет свободного творческого труда. Признать это положение за исходное в наших построениях я считаю невозможным.

У докладчика много ценных и правильных указаний. Он, например, признает свободу выбора форм землепользования при социализации земли. Но той же свободы в области промышленной в тезисах докладчика я не вижу. Это и понятно, потому что он исходит из наличия трудового строя при национализированной промышленности.

Я признаю, что экономическое развитие России еще впереди. Декретное проведение социализации уступит место нормальному развитию производительных сил в России. И прежде, чем Россия дойдет до положения Западной Европы, ей необходимо будет затратить много усилий. Поэтому я думаю, что мы не можем стоять за национализацию промышленности, тем более, что не знаем, как и когда произойдет падение большевиков и что предстоит завтра. Я считаю, что трудно будет сохранить всю национализированную промышленность, и перед всякой властью после падения большевиков встанет вопрос о денационализации. Только железные дороги и ключевые источники могут быть сохранены за государством, но это уже не является социализацией промышленности.

Т. Л а з а р е в. Прежде всего, нельзя не выразить сожаления, что тезы т. Сталинского появились в № 3 ЭСЕРА до обсуждения их в группе. В дискуссионном порядке индивидуальные тезы можно печатать только в ежедневно или часто выходящих органах, когда рядом могут быть напечатаны возражения или поправки, т.е. то, что мы делаем в настоящее время, — но не в журнале, выходящем раз в год. При таких условиях тезы Сталинского являются как бы руководящими, наиболее партийными. А этого последнего в тезах Сталинского я и не нахожу. Его тезы имеют начало и конец, которые противоречат друг другу.

Раньше я указывал на печальные последствия смешения понятий о социализме как о теории или учении, и о социализме, как кон-

кретном общественном движении. Теория, учение, как идеал, приложима ко всем народам, ко всему человечеству. Как конкретное общественное движение, он, на пути к идеалу, может принимать различные формы в зависимости от времени, места и высоты развития разных народов. То, что считается устарелой рутинной у англичан, может почитаться идеалом у бушменов или готтентотов. В тезисах т. Сталинского первая часть излагает утопический социализм, а вторая — спускается на грешную землю.

Приступая к тезисам, т. Сталинский начал правильно с указания на принципиальное отличие нашего народнического социализма от марксизма или классового социализма. Но вместо марксистского «капиталистического фатализма», с одной стороны, и «теории активного вмешательства в исторический процесс» — с другой, лучше и полней было бы последовать примеру других товарищей, которые ставят «в основу миросозерцания нашей партии» признание самоценности человеческой личности, тогда как марксисты ставят в основу общественной жизни и прогресса — рабочий класс, подразумевая под классом исключительно пролетариат. Кто стоит в основе человеческого общества — вот вопрос, ответы на который разделяют эти два основных течения в социализме: ЛИЧНОСТЬ, живая человеческая личность с ее потребностями, или КЛАСС, пролетариат, «могилищик» буржуазии.

Для классового пролетарского социализма царство небесное уготовано только для одного пролетариата, который не имеет частной собственности, так что все, в какой-либо степени обладающие частной собственностью или средствами производства, принадлежат к враждебному классу — буржуазному. Поэтому классовый социализм сводится к решению одной экономической проблемы — к уничтожению частной собственности, буржуазии и капитализма.

Народнический, демократический социализм, опирающийся на живую человеческую личность, следует за развитием потребностей и сознания личности и потому должен быть интегральным социализмом, добивавшимся всестороннего развития человеческой личности, для чего вся общественная жизнь и общественная организация служат лишь ареной и необходимым условием для такого развития личности. Для классового социализма рабочий класс — все, а личность — ничто. На этом основании большевики как последовательные марксисты ради диктатуры пролетариата готовы уничтожить все остальное человечество.

В нашей программе точка зрения интегрального социализма должна быть проведена последовательно и до конца. В социальной и экономической жизни мы признаем только эволюцию. Ни декретами, ни насилием капиталистического строя уничтожить нельзя. Социальный и экономический строй может быть изменен только воспитанием, развитием сознания личности, всего населения страны. Революции возможны и происходят в борьбе только с политической властью, не с государством, а с государственной исполнительной властью, с деспотическим правительством. Поэтому злоупотреблять словом «революция» и «революционный» — не следует. Между тем в §3 тезисов самые возможности для движения к идеалу величаются «революционными». И далее в том же §3: «как может в капиталистичес-

ком строе происходит что-либо, не находясь в «рамках капиталистического строя».

В вопросе о прохождении через все фазы капиталистического развития дело шло не об отрицании фаз этого развития, а о том, целесообразно ли рядом с капиталистическим развитием — в сельском хозяйстве — уничтожать латифундии и крупное землевладение, передавая землю крестьянам или крестьянской общине — в городской, фабричной и заводской промышленности — следует ли, в интересах социализма производительные и потребительные кооперации, против которых когда-то энергично боролся Лассаль, поддерживать или поощрять, создавая иллюзию в населении, что средства производства могут быть сконцентрированы не через капитализм, а через развитие свободных и потребительных коопераций. Известно, что в Германии и Англии, с лишним 20 лет после Лассаля социал-демократы еще упорно боролись с кооперативным движением ПОТРЕБИТЕЛЕЙ, создавших свои фермы, фабрики и заводы, свои чайные плантации и пароходы, оптовые магазины и потребительные лавочки по всей стране, когда эти потребительные кооперации являлись собственниками предприятий, в которых были заняты, т.е. «эксплуатировались» те же несчастные рабочие-пролетарии...

В §5 Сталинский становится на КЛАССОВУЮ точку зрения и считает русскую революцию не «буржуазной», а «трудовой», обеспечивающей свободное и преобладающее влияние труда на социальное строительство... как будто «рабочий» или «труд» сами по себе определяют высоту общественного развития. Разве мы не видим, что и до настоящего времени только сознательное меньшинство «рабочих-пролетариев» и вообще «трудящихся» примыкает к социалистическим партиям. Остальные рабочие часто даже враждебно относятся к социалистам. Нет, не труд является мерилom социализма, а степень сознательности в населении. Мне было приятно слышать от т. Сталинского, что он отвергает ТРУДОКРАТИЮ. А раз так, то не за чем злоупотреблять терминами «трудовая революция» и т.п.

В §7 банкротство большевизма неправильно приписывается тому, «что пролетарско-индустриальный социализм» они начали осуществлять в «непролетарской аграрной стране». Большевики решили провести социализм «в одной стране», а это возможно, несомненно, провести именно в аграрной стране, где имеется пища для рабочих и сырье для промышленности.

В дальнейших §§ Сталинский считает, что после ухода большевиков восстановление капитализма противоречило бы идеологии ПСР. Но разве большевиками капитализм уничтожен и социализм осуществлен? Здесь идет игра словами: «восстановление капитализма», «возвращение ему ПОЛНОЙ ВЛАСТИ В ПРОИЗВОДСТВЕ». Ну, а неполную власть можно вернуть? Сталинский насчет этого столь строг, что сторонникам восстановления капитализма тонко намекает на исключение из партии, ибо, говорит он, это «означало бы фактически создание новой партии, ничего общего с ПСР не имеющей».

К счастью, после столь категорической угрозы «правым с.р.» Сталинский смягчается и в иносказательных выражениях сдает свои позиции не только «правым с.р.», но и самим капиталистам. В §12 говоря: «отвергая программу восстановления в России капитализма, ПСР

вместе с тем категорически высказывается и против ПРИМЕНЕНИЯ НАЧАЛ ПРИНУЖДЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ как противоречащего интересам здорового хозяйственного развития, так и правильно понятым принципам демократического социализма: поэтому, после ликвидации большевицкого строя ПСР будет добиваться упразднения всех форм такого принуждения, как в городе, так и в деревне». А вот попробуй-ка это сделать без восстановления капитализма, т.е. честно-хозяйственного производства.

Далее в §13, спуская на тормозах большевицкий строй на капиталистические рельсы, Сталинский на своем эзоповском жаргоне говорит, что «частному хозяйственному началу (какая деликатность в номенклатуре капитализма) должна быть предоставлена свобода, но в рамках не капиталистического, а ТРУДОВОГО строя». Здесь все еще видна боязнь капитализма. Но в следующем §14 Сталинский стремится создать «в России такие условия, при которых капитал не мог бы достичь ВСЕВЛАСТИЯ». Следовательно, не всевластный, а умеренный и либеральный капитализм уже допускается.

Спуская читателя на тормозах с рельс утопического социализма на рельсы реального социалистического движения, в §15 т. Сталинский уже прямо говорит, что «так как большевики растратили огромные, десятилетиями накопленные РЕСУРСЫ страны (какой изящный термин капитализма «накопленные ресурсы страны»), то необходимо привлечение сотрудничества иностранного капитала во имя поднятия опасно понизившихся производительных сил страны». Ибо «современный капитализм, несмотря на кризисы и рабочее и социалистическое движение, «все же обладает достаточной устойчивостью, не позволяющей предаваться иллюзиям о неизбежности в ближайшем будущем мировой СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!» Все это правильно и в полном согласии с мнением «правых с.р.», но неужели т. Сталинский все еще верит в более или менее отдаленную «Социалистическую революцию»?

Но и тут какая-то мистерия. Иностранный капитал нужно приспособить «к укладу ТРУДОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ» — под государственным контролем и путем образования обществ разного рода.

Партия будет добиваться раскрепощения труда в деревне и обеспечения свободы хозяйствования крестьянству... Да ведь это чистокровная «буржуазная политика»! Далее автор говорит: «Хозяйственные отношения между городом и деревней (цены продуктов) должны быть изменены на основе все большего приближения к трудовой эквивалентности между ними». Но мы должны принять во внимание, что цены промышленных и в особенности земледельческих продуктов в значительной мере определяются международным рынком.

Лишь начиная с §19 тезисы отходят от утопического социализма первой части их и спускаются на грешную землю к демократическому, а не классовому социализму.

§19 сохраняет за государством в собственность только землю и ее недра, ж.д. и водный транспорт. Но §20 неожиданно передает в собственность государства ВАЖНЕЙШИЕ отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, на началах фантастического самоуправления при участии государства, рабочих потребителей и произво-

дителей, у которых, как полагается у семи нянек, дитя останется без глаз. Такое промышленное самоуправление в согласии с т. Архангельским называется «промышленной демократией или промышленной конституцией». §21, «наряду с этим», резко требует «раскрепощение частной хозяйственной инициативы, предполагающей частную собственность на продукты своего труда и — вполне или отчасти — на СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА».

§22 требует «поощрения и содействия со стороны государства свободному развитию всяких коллективных форм собственности и обмена, как в городе, так и в деревне. Все кооперации должны быть раскрепощены и перестроены на началах добровольности, самостоятельности и свободного самоуправления». Государство должно всячески помогать развитию кооперации, оказывать финансовую поддержку ее предприятиям.

А вот автор знает, конечно, и не боится, что потребительные, напр., кооперативы могут вырастать в обширные тресты с множеством фабрик, заводов и другой недвижимости, где заняты тысячи и десятки тысяч наемных рабочих, которые иногда также устраивают стачки, как и в капиталистических предприятиях. А ведь по правилам социалист Сталинский раньше требовал, с угрозой отлучить от партии, уничтожения частной собственности на средства производства как причину эксплуатации наемного труда.

Чтобы выпутаться из сети противоречий, которыми переполнены тезисы, Сталинский от имени ПСР придумывает какой-то ПЕРЕХОДНЫЙ СТРОЙ, служащий мостом между отгнивающим старым и нарождающимся — новым, переходный строй, в котором должны существовать и даже развиваться в некоторых областях и капиталистические отношения. Их вытеснение без ущерба для национальной экономики представляется как длительный процесс в результате укрепления и свободного роста государственного и общественного кооперативного хозяйства на почве общего экономического подъема страны и черпающего свою силу в превосходстве своих форм над формами индивидуально-капиталистическими.

§24 к этому добавляет и как бы разъясняет, говоря, что «к созданию переходного строя стремятся сейчас (не только ПСР) социалистические партии всех передовых стран, видя в его осуществлении ближайшую цель своих усилий».

Теперь спрашивается: причем тут какой-то переходный строй, резко определенный, для которого теперь все социалистические партии после войны составляют программы, строй, служащий мостом между отгнивающими старыми и нарождающимися новыми формами. Зачем выдумывать какой-то переходный строй, когда существует всеми признанная эволюция, которая несовместима со стоячими мостами?

Все течет, всюду совершаются постепенные преобразования, которые не могут [быть] одинаковыми в разных местах, находящихся на разных ступенях политического, экономического, социального и культурного развития. Положение в отсталой России одно, в культурной Германии другое. Переходные периоды можно искусственно придумывать или выбирать при обзоре ПРОШЛОГО, можно для этого взять года и определенные события. Но на пути к тому социалистическому будущему, которое Сталинский рисует как свободное от

всякой частной инициативы ведение общественного хозяйства, имеющего назначением удовлетворение всех общественных потребностей, и которое поэтому отделено от нас тысячелетиями, на пути к этому будущему есть только ЭВОЛЮЦИЯ...

Но в тезисах т. Сталинского замечается еще одна и очень существенная особенность. Он проводит чисто КЛАССОВУЮ, марксистскую точку зрения на социализм. Его социализм всецело исчерпывается чисто экономической проблемой. Его социализм имеет значение устранить в обществе один экономический антагонизм путем уничтожения капиталистического производства: социализм есть ничто иное, как АНТИ-КАПИТАЛИЗМ. Согласно нашему народническому воззрению, социализм имеет назначением ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ, а не рабочего КЛАССА, и от всех социальных бед и напастей, от всех ОБЩЕСТВЕННЫХ АНТАГОНИЗМОВ путем организации общества на СПРАВЕДЛИВЫХ НАЧАЛАХ — свободы, равенства и братства. Социализм, поэтому, проблема сложная, многогранная и существенно МОРАЛЬНАЯ.

Между тем, все остальные «надстройки» над его экономической базой свелись к запрещению с.-р.-ам вступать в какие-либо коалиции с другими партиями, хотя бы с социал-демократическими, хотя сам же оговаривается, что коалиция — это дело тактики, а не принципа. Подобно левому большинству французских социалистов, следует всегда стоять в величественной изоляции, чтобы беспощадно критиковать все [и] всех, направо и налево. Нельзя прикасаться к рулю государственного управления, пусть буржуазия держит в своих руках мощный механизм государства и берет на себя всю ответственность за судьбы страны. Правительственная коалиция требует компромисса, а для социалистов никакой компромисс с буржуазными партиями недопустим.

Эта устаревшая доктрина, установленная марксистами на Амстердамском конгрессе ¹ в 1904 г., — во время войны и после войны всеми марксистами уже оставлена, однако поддерживается французскими социалистами и русскими меньшевиками, которые считают, что только большевики в России поддерживают революцию, и потому боятся, как бы кто большевиков не сбросил с престола.

Т. А р х а н г е л ь с к и й. Я беру слово для того, чтобы рассеять ту опасную путаницу понятий, которая особенно отчетливо проявилась в речи некоторых товарищей.

Во-первых, оспаривание положений т. Сталинского о приближении идеологии международного социализма к идеологии ПСР; во-вторых, как считает один из товарищей, те §§ тезисов т. Сталинского, в которых говорилось о существовании переходного строя между капитализмом и социализмом, «являются выдумкой, совершенно не соответствующей наличности непрерывной эволюции», в-третьих, говорилось о бессмысленности терминов буржуазная и трудовая демократия, потому что демос — народ, в своем большинстве всегда трудовой народ; в-четвертых, констатировались ими нарушения со стороны докладчика с.р. принципа верховенства личности.

Я считаю простым бесспорным фактом, что международный марксистский социализм по своей идеологии в значительной мере отошел от старого марксизма и во многих пунктах подходит к идеологии

ПСР. Это я и доказывал в своем докладе цитатами из Герлицкой и Линцской программы с.д. Ссылка на признание европейскими социалистами исторического материализма, а, следовательно, вытекающее из этого признания якобы отрицание роли личности в истории, неубедительна. Исторический материализм имеет разные направления, и по-разному истолковывается. Активное вмешательство личности в исторический процесс не отрицалось, напр., такими видными марксистами, как Плеханов. Едва ли нужно упоминать о большевиках, которые признают громадное значение деятельности личности и все-таки при этом не отрицают исторический материализм. Объявляя переходный период между капитализмом и социализмом — «выдумкой», некоторые товарищи ссылаются на наличность в мире «беспрерывной эволюции». Но беспрерывная эволюция несколько не противоречит наличности революций и существованию переходных периодов. И яйцо, и цыпленок — продукты эволюции, но это не мешает нам называть яйцо — яйцом, а цыпленка — цыпленком. Не мешает нам и констатировать, что в общем эволюционном процессе существуют разные фазы. Поэтому вполне возможно называть разные фазы эволюции разными именами. Вот одной из фаз непрерывной эволюции человеческого общества является переходный период от капитализма к социализму. Старое еще живо, хотя ему нанесены колоссальные потрясения. Новое уже народилось в недрах общества, но еще не успело вытеснить старого. Такое положение называется переходным периодом. Наличность переходного периода от капитализма к социализму в истории нашего времени — это простой факт, отрицать который можно только закрывши глаза на окружающую действительность. Существование такого переходного периода и необходимость строить свою программу сообразно с реальной действительностью и заставила ПСР признать русскую революцию революцией не буржуазной и не социалистической, а революцией переходного периода, революцией трудовой. А чем предлагается заменить это название? Да просто ничем. Отрицание существования буржуазной и трудовой демократии я объясняю исключительно стремлением взобраться на такие надземные высоты. Верно то, что в своем большинстве «демос-народ» — трудовой народ. Да, трудовой народ по своему социальному положению. Но трудовой народ может не осознавать свои действительные интересы и отдавать свои голоса при выборах партиям, защищающим интересы эксплуатирующих трудовые классы. Тогда государственный строй, демократический по своей форме, может служить и служит для буржуазии удобным орудием для достижения своих интересов. Такой строй можно с полным основанием назвать буржуазной демократией. Если формальная демократия наполняется другим содержанием, тогда и демократия получает другое название. Демократия — строй, в котором находят свое превалирующее значение интересы труда и защита личности, можно назвать строем трудовой демократии. Буржуазная демократия и трудовая демократия — это простые житейские факты, отрицать которые можно, забравшись на высоты метафизики и безразличия к земле.

С.р. не защищали никогда той свободы личности, которую так рьяно здесь защищали гг. Милашевский и Калюжный. Это — все отрывки старого либерализма, с его верой в спасительность свобод-

ной игры интересов. Новый либерализм не боится уже ограничений личности, а с.р. свой идеал освобождения личности и труда никогда не ставили в зависимость от «моему нраву не препятствуй» разных Колупаевых и Разуваевых². Конечно, ограничения в рамках трудового строя будут. Они не только неизбежны, но и необходимы для осуществления тех идеалов, которые ставит перед собою партия с.р. А что предлагают товарищи? Возвращение к принципам старого либерализма, уже отброшенным новым либерализмом?

В заключении я хочу указать, что при обсуждении тезисов т. Сталинского недостаточно высказывать недовольство отдельными пунктами доклада и отдельных §§ тезисов. От противников т. Сталинского мы вправе ожидать указаний, что же они предлагают вместо рассматриваемых тезисов. К сожалению, такие указания не были сделаны. И, по-видимому, не будут. По крайней мере, здесь говорилось о том. Такое отношение к делу, по-моему, неправильно. Будем общими усилиями не только критиковать, но и давать положительные указания к построению нашей экономической политики.

Выбрана комиссия для согласования тезисов в составе тт. Сталинского, Архангельского и Калюжного. Собрание закрыто в 8 1/2 часов вечера.

Примечания

1. Международный конгресс II Интернационала в Амстердаме состоялся в августе 1904 года. В резолюции по вопросу о международных правилах социалистической тактики указывалось, что социал-демократия «не может стремиться к участию в правительственной власти в рамках буржуазного общества».
2. Колупаев и Разуваев — герои произведений писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина (1826—1889), олицетворяющие тип кулаков-хищников.

Парламентаризм в идеологии российских консерваторов начала XX в.

И.В. Омелянчук

Проблема отношения российских консерваторов к парламентаризму нечасто попадала в поле зрения исследователей. Наибольший интерес представляют обобщающие работы по истории русского консерватизма, авторы которых в той или иной степени касались данного вопроса в контексте идеологических построений правых. Так Ю.И. Кирьянов считал, что «преобладающая часть крайне правых восприняла создание Думы как должное», а отдельные высказывания монархистов о воссоздании Земского собора «нет оснований воспринимать, как призыв вернуться к структуре начала XVII в.»¹ А.В. Репников отмечает, что «не сомневаясь в губительном характере парламентской системы применительно к России, консерваторы не были тотальными отрицателями самой идеи парламентаризма как таковой»². По мнению М.Н. Лукьянова, большинство правых выступало за ограничение полномочий народного представительства законосовещательными функциями³, рассматривая его в лучшем случае, «в качестве полезного дополнения» к самодержавию⁴. Некоторые аспекты заявленной проблемы затрагивались в трудах, посвященных отдельным вопросам истории русского консерватизма. Так в работах о В.А. Грингмуте⁵ и Л.А. Тихомирове⁶, рассмотрено и их отношение к представительным органам. В статье С.Б. Павлова⁷ исследована борьба монархистов против учреждения в России парламента. Правда, хронологические рамки данной работы ограничены только 1905 годом. Достаточно много исследований посвящено думской деятельности правых и их участию в избирательных кампаниях⁸. Но идеологический аспект этой проблемы в них практически не рассмотрен. Таким образом, обозначенная тема исследования — парламентаризм в идеологии и практике российских консерваторов — сохраняет свою актуальность.

XIX в. стал веком утверждения парламентской системы Западной цивилизации. Географическое положение и тесные контакты России

Омелянчук Игорь Владимирович — доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича.

и Европы обусловили проникновение идей парламентаризма и в Российскую империю. Поэтому идеологическая борьба по поводу создания представительного органа в России началась задолго до царских манифестов от 6 августа и 17 октября 1905 года. Еще в 1896 г. обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев доказывал, что народовластие является одним «из самых лживых политических начал», так как в действительности власть принадлежит не народу, а его представителям, для которых избиратели являются не более чем «стадом», составляющим их «капитал, основание могущества и знатности в обществе» (как у «богатых кочевников») ⁹. Этот тезис Победоносцева стал ключевым в идеологических построениях правых, получив свое развитие в работах начала XX века. По мнению Тихомирова, в парламентских демократиях народ «не имеет своего представительства, а имеет лишь представителей *партий*, господствующих над народом» ¹⁰. Известный славист, член «Русского собрания» А.С. Будилович также считал, «что нигде в конституционном мире мы не встречаем представительства всего народа, а лишь “классов и интересов”, то есть верхних, более богатых и бесцеремонных слоев населения» ¹¹. Такого же мнения придерживался председатель Харьковского отдела «Русского собрания», будущий лидер правой фракции в III Думе профессор А.С. Вязигин ¹² утверждавший, что в демократических государствах «“Свобода, равенство, братство” оказались лишь красивым боевым кличем, а народы попали в еще худшую зависимость, сделавшись рабами бессердечной и безжалостной плутократии, прикрывшей свое господство мнимым народовластием» ¹³. «Московские ведомости» усматривали «пагубный характер конституционно-парламентских форм», в первую очередь, в том, что они «вводят в область управления категорию факторов, побуждений и двигателей, не имеющих, в сущности, ничего общего с чистыми целями народного блага, но зато отвечающими тысяче иных, личных целей главнейшего политического движения и, прежде всего, конечно, личного самолюбия» ¹⁴. «...ужас для народа в том и состоит, что на место воли самодержавного Царя неподкупного, станет воля мятущегося, подкупного, эгоистического большинства парламента», — писал журнал «Мирный труд» ¹⁵.

Не находил поддержки правых и основной принцип демократии — принятие решений большинством голосов. «Неограниченной воле одного лица — абсолютного монарха, парламентаризм противопоставляет неограниченную волю нового тирана — большинства», — писал правый публицист Н. Черников ¹⁶. «Голос большинства, — вот где страшный идол современности», — вторил ему один из лидеров московских монархистов протоиерей И.И. Восторгов ¹⁷. По мнению генерала А.А. Киреева, следовать «голосу парламентского большинства», значит исповедовать «культ силы». «Может ли кто-нибудь при этом новом [парламентском] строе защитить меньшинство... против несправедливости посягательств большинства? — Никто! Но ведь какая тогда разница между деспотизмом парламентского большинства и деспотизмом среднеазиатского хана?» — спрашивал он ¹⁸.

Правые, опираясь на идеи М.П. Погодина и славянофилов, стремились доказать, что парламентаризм порожден специфическими особенностями западных государств, в основе которых лежит завоева-

ние, в отличие от государства российского, созданного добровольным призванием властителя. «В глазах западных народов, монарх являлся одновременно и *завоевателем*», — писали «Московские ведомости». Поэтому в конституционных странах «создается своего рода политический торг между заинтересованными сторонами, из которых каждая стремится выделить себе возможно большую долю: монарх — *власти*, а народ — политической *независимости*»¹⁹.

Европейский парламентаризм, по мнению представителя Одесского «Русского собрания» М.В. Лебедева, так же далек от идеала свободы, как и его антипод — абсолютизм. «На Западе, — пояснял он, — в основе всякой государственной власти лежит непременно борьба. Там государства возникают не мирным путем, а путем завоеваний; вот почему и власть в таких государствах всегда являлась господством и порабощением», а «победитель и побежденный так и остались вечными врагами» Эта вражда привела к появлению абсолютизма. «Потом сам абсолютизм погиб в потоках крови... Восстали побежденные, и победитель принужден был сломать свой скипетр. Последствием этих явлений было повсюдное распространение в Европе парламентского строя. Таким образом, парламентаризм есть не что иное, как последний акт той кровавой распри и борьбы, с которой начинается и которой проникнута вся история новых народов Западной Европы»²⁰.

По мнению Лебедева, первым следствием введения парламентаризма в России станет ослабление Верховной власти, которая, чтобы уцелеть, «должна будет направить свои главные усилия к постоянному обеспечению себе в парламенте большинства; таким образом, ее деятельность в очень значительной степени сведется к подтасовке партий и заискиванию благосклонности гг. народных избранников»²¹. Как видим, Лебедев еще в 1905 г. предсказал появление главной особенности парламентаризма на просторах восточной Европы рубежа XX—XXI столетий — наличия «партии власти» — политической структуры, сформированной правительством и защищающей в парламенте его интересы.

Подчеркивая чужеродное происхождение парламентаризма, консерваторы указывали, что несоответствие государственных институтов национальным традициям и политической культуре народа приводит к самым печальным последствиям. Будилович доказывал, что конституционный режим не дает «никакой пользы» славянству, принося «кровные интересы народных масс в жертву всевозможным спекулянтам»²². По мнению Н.И. Черняева, «государственный строй, пригодный для поддержания порядка и внешней безопасности в Италии или Голландии, ничего не дал бы России, кроме смут, поражений и гибели», так как «представительные учреждения... Запада оказались бы для России... Прокрустовым ложем, на котором ей нельзя было бы поместиться, не укоротив до неузнаваемости своего организма». «На православной почве», полагал он, представительный строй просто не приживется, что доказывает судьба парламентаризма, «искусственно привитого православным державам Балканского полуострова», и не принесшего им ничего «кроме бестолочи, политических ошибок, партийной грызни и иных бурь в стакане воды»²³. П.Ф. Булацель также считал, что «подражательные конституции... Болга-

рии и Сербии только испортили их общественный государственный рост»²⁴.

Монархисты утверждали, что парламентаризм вообще не может функционировать в «многоплеменном» государстве. Член «Русского собрания» генерал М.М. Бородкин доказывал, что обширность территории, разнообразие культур, языков, обычаев, традиций делает невозможным существование парламента, в котором бы началась вражда и борьба принципов²⁵. Лидер московских монархистов Грингмут называл парламентаризм «медленным ядом», разлагающим «государственный организм, в который ему удалось проникнуть»²⁶. По его мнению, в большинстве стран Запада, одновременно с утверждением парламентаризма, наблюдался сильнейший национальный подъем, благодаря которому государства-нации сумели выработать у себя «антитоксины в виде сильнейшего возбуждения национального чувства, которое и противодействовало... тлетворному процессу парламентарной заразы». Однако там, «где единое государство не совпадает с единою нацией», парламентаризм делает свое разрушительное дело, как например в Австро-Венгрии. Однако даже в «лоскутной» монархии имелись не только «центробежные элементы», к которым Грингмут относил славян, венгров, итальянцев и румын, но и «центростремительные» в лице немцев, твердо стоящих за «объединение созданного ими государства». В России же к расчленению государства «стремятся не только наши инородцы, но и корыстные русские “интеллигенты”! А потому легко понять, какую страшную и быструю катастрофу готовит парламентаризм Русскому государству», — утверждал он²⁷. Спустя месяц «Московские ведомости» предупреждали своих читателей, о том, что «первым последствием перехода Верховной Власти к представителям различных племенных групп, населяющих Россию, будет требование этими представителями особого от России существования этих групп», в чем их, несомненно, поддержат «Петрункевичи, Родичевы, Милюковы и Щепкины»²⁸.

Большинство консерваторов исходило из того, что привлечение народа к государственному управлению в принципе является ошибочным. В мире не существует «народа, который бы сплошь состоял из людей, способных самостоятельно рассуждать о политике», поэтому «приглашать весь народ управлять государством — то же самое, что составлять хор из нескольких хороших певцов и множества безголосых людей», — доказывал Черняев²⁹. «Всюду парламенты наглядно проявляют все отрицательные свойства толпы и принимают противоречивые и опрометчивые решения», — считал Вязигин³⁰.

Однако, критикуя парламентаризм, монархисты в то же время не отрицали необходимости «единения» царя с народом посредством представительного учреждения непарламентского типа. Тихомиров утверждал, что «истинная монархия, сознающая свое *верховенство*, почти не может существовать без присутствия около себя “голоса земли”, каких-либо “советных людей”, той или иной формы “земского собора”»³¹. По мнению Д.А. Хомякова, «без обмена мыслей с народом» у царя «не хватит знания для ведения многосложного государственного механизма»³².

Поначалу консерваторы пытались убедить представителей власти в необходимости созыва этого учреждения при личных беседах. В мае

1902 г. издатель «Нового времени» А.С. Суворин, будучи вызван к только что назначенному главе МВД В.К. Плеве, «начал горячо говорить про Земский собор». Осенью 1904 г. эту мысль развивал первый публицист П.С. Пороховщиков, нашедший определенную поддержку у министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского. Генеральша А.В. Богданович даже утверждала, что министр выделил на эти цели 50 тыс. рублей. С началом нового 1905 г. выступления правых в поддержку Земского собора усилились. Так, в январе 1905 г. тот же Суворин подготовил статью про Земский собор, однако по совету редактора газеты Ф.И. Булгакова отложил ее до лучших времен³³. Однако Будилович свой призыв к «восстановлению и развитию нашего Земского Собора в его всесословном составе и национально-общественном значении», оттесненного «со времен Петра Великого западным влиянием», все же решился опубликовать³⁴.

Одним из наиболее активных сторонников Земского собора являлся член «Русского собрания» Г.А. Шечков. В январе 1905 г. на заседании Харьковского отдела он выступил с докладом, в котором доказывал, что земские соборы, существовавшие в Московской Руси, являлись идеальной формой взаимоотношений основных составляющих русской государственности — Православия и Самодержавия, пришедших в лице данного представительного учреждения «в полное единение между собой». По мнению Шечкова, «Собор у нас не явился в замене или в ограничение единоличного правительства, подобно западным парламентам или генеральным штатам, в эпоху борьбы правительства с сословиями, но существовал искони рядом и во взаимопомощи с единоличною властью правителя». Призывая восстановить соборное начало в государственном управлении, Шечков подчеркивал, что в настоящее время «ни высший иерарх со всем священным собором, ни всероссийское дворянство, ни так называемое всероссийское земство... взятые отдельно друг от друга, *совета всей земли* составлять не могут». Поэтому новый Земский собор должен объединять все три вышеназванных элемента, являясь прямым наследником средневекового учреждения, включавшего в себя Освященный собор, Боярскую думу и выборных от всей «земли»³⁵.

В феврале 1905 г. представитель Союза русских людей (СРЛ), известный историк Д.И. Иловайский выдвинул проект преобразования высших государственных учреждений, предполагавший создание Земского собора, под названием «Великая Земская Дума». По его мнению, «созывать Земский Собор представителей земли без различия народности, значило бы создавать у нас подобие Австрийского парламента, в котором мы видим ожесточенную борьбу разных национальностей». «Выборные из инородцев стали бы единодушно действовать против русских интересов» при поддержке радикальных и антинациональных органов печати и сбитой с толку молодежи, воспитанной в духе космополитизма, утверждал Иловайский. Поэтому выбирать в великую Земскую думу надо «только православных и притом из губерний собственно русских». В ее составе должно насчитываться «приблизительно 500—600 человек, 10—12 от каждой русской губернии». При формировании корпуса представителей предпочтение следовало отдавать духовным особам, а также представителям от свободного грамотного крестьянства. Выборы предполагались не прямые,

с назначением выборщиков по приходам или благочиниям. «Затем в эту совещательную Думу eo ipso (автоматически. — *И.О.*) включается в полном своем составе Государственный Совет и Святейший Синод, как преемники первый боярской Думы, а второй — Освященного Собора». Для того, чтобы пресечь пагубную практику узурпации самодержавной власти министрами, являющимися «полновластными хозяевами каждый в своем ведомстве», Иловайский предложил поставить Государственный совет в независимое от правительства положение и «снабдить до известной степени контролирующей функцией». А чтобы сам Госсовет «перестал быть учреждением бюрократическим и... сделался бы крупным звеном для единения царя с народом, надобно усилить его лучшими людьми, т.е. выборными»³⁶.

Характерно, что за восстановление Земского собора в начале XX в. выступали не только традиционалисты славянофильского толка, видевшие в нем инструмент достижения единства «земли» и «власти», утраченного в «Петербургский» период русской истории, но и прогрессисты, рассматривавшие Собор и как эффективный способ вовлечения общественных сил в государственное управление, и как первый шаг России на пути к парламентаризму. Это факт отмечали и монархисты. Так Вязигин писал, что идею воссоздания Земского собора в настоящее время поддерживают не только «правоверные славянофилы», но и так называемые «либералы», склонные «усматривать в нем наилучшее средство для устранения переживаемых неурядиц». Даже «крайние и непримиримые противники существующего строя, следуя заветам Нечаева и Желябова, кричат о созыве земского собора в надежде на быструю замену его “учредительным собранием”»³⁷.

Именно по этой причине большинство консерваторов в этот период выступало против создания любых представительных учреждений, даже законосовещательных, опасаясь их постепенного превращения в законодательные. Именно эта мысль содержалась в верноподданном адресе Московского дворянства (так называемой «Самаринской записке») ³⁸. А правый публицист Н.А. Павлов утверждал, что С.Ю. Витте с помощью Земского собора намеревается ввести в России конституцию ³⁹. Черняев считал, что в настоящее время созыв Земского собора нежелателен, так как высока вероятность превращения его в «орудие антимонархических манифестаций» ⁴⁰. В этот период весьма скептически к идее воссоздания Земского собора относился и Тихомиров, считавший, что это будет лишь «затяжка невозможного положения». «Всем им, — писал Тихомиров, имея в виду сторонников созыва Земского собора, — конечно, мечтается о том, что Земский собор восстановит самодержавие... Ну а как он восстановит тем самым и бюрократию?» ⁴¹. В то же время он полагал, что Земский собор может сыграть роль учредительного собрания. Так как в 1613 г. скипетр новой династии вручил народ, то «если представитель Романовых желает изменить существо государственной власти, то должен предъявить это на решение земского собора», и «какую пожелает Собор, такую и установить», — писал Тихомиров. Правда, при этом он был «почти уверен» в том, что правительство не сумеет созвать Земский собор «и что у него явится совет нечестивых губителей России, такой же чиновно-жидовско-интеллигентной язвы, которая в настоящее время нами обладает» ⁴².

По мнению Грингмута, даже если созывать Собор только «в самые критические минуты нашей государственной жизни», для ответа на один лишь поставленный Верховной властью вопрос, это все равно не защитит его от превращения в представительное учреждение конституционного типа, так как «все члены собора захотят ответить на столь важный для всей судьбы России вопрос *en pleine connaissance de cause* (после полного выяснения причин. — *И.О.*) и предложат со своей стороны целый ряд вопросов Правительству, призывая его, как это делают все западные парламенты, к ответу за его прошедшие, настоящие и будущие деяния» и, в конечном итоге, «этот экстренный земский собор превратится в самый обыкновенный парламент»⁴³. Начнется то, «чего до сих пор на Руси не бывало» — «борьба между Русским Царем и фикцией Русского народа, и эта борьба может кончиться только либо страшной междоусобной войной и буйным народным мятежом, либо свержением Самодержавия демократической, а вероятно, и социалистической, революцией», — пророчески писал Грингмут⁴⁴.

Против созыва Земского собора выступил и Вязигин. «Вполне разделяя славянофильское учение о необходимости тесного общения между Царем и народом, считаю, однако, требованием научной совести высказаться против извлечения из могилы отжившего свой век учреждения», — писал он. Во-первых, утверждал Вязигин, «Земский собор действовал в ту пору, когда «русское царство» было едино по своим верованиям, когда мировоззрение верхов и низов общества было одинаково». Ныне же «Русский мир... раскололся на множество слоев» и «христианская идея “домоправительства Божьего”, лежащая в основе земского собора, теперь не может объединить его членов». Во-вторых, «Московская Русь была в пору Земских соборов страной земледельческой, занимала пространство приблизительно с одинаковыми хозяйственными условиями», а «экономическое единообразие не вызывало расчленения населения на борющиеся на экономической арене классы». При такой «идейной и социальной розни», принятие решений «большинством голосов» на заседаниях Собора отнюдь не будет способствовать снижению остроты общественных конфликтов, а наоборот «приведет только к взаимному недовольству и даже озлоблению». И наконец, в-третьих, утверждал Вязигин, в Московской Руси «государственная централизация» действительно «требовала представительства как средства для осведомления» власти и облегчения «знакомства населения с правительственными мероприятиями». Ныне же власть «может получить самые скорые сведения о местной нужде и положении дел в крае» с помощью «телеграфов и телефонов», а «правильно поставленная печать с огромной быстротой и точностью может передать распоряжение правительства». «Зачем же нам, — заключал свои рассуждения Вязигин, — прибегать к этому непригодному и неповоротливому орудию (Земскому собору. — *И.О.*), которое скоро найдет свое упокоение на историческом кладбище, ибо наука и экономика уже выкопали могилу этому одряхлевшему детищу иной эпохи...»⁴⁵.

Неудивительно, что манифест о создании законсовещательной «Булыгинской» Думы не вызвал энтузиазма в рядах российских консерваторов. К.Н. Пасхалов поначалу вообще не поверил в подлин-

ность опубликованного в «Новом времени» Булыгинского проекта, обвинив издателя Суворина в фальсификации. Однако, даже убедившись в добросовестности газеты, Пасхалов не изменил своего отношения к самому проекту, заявив, что «Государственная Дума 6 августа» никого не удовлетворит⁴⁶. Вязигин утверждал, что такое народное представительство не будет содействовать успокоению умов, так как «ни одно из современных общественных течений в России не может найти в Думе полного удовлетворение своих заветных стремлений» — левые считают совещательную Думу полумерой и критикуют ее за недостаточный демократизм, а правые, видя в ней первый шаг к парламентаризму, недовольны недостатком монархизма во вновь созданном учреждении⁴⁷. В Булыгинском проекте, по мнению Вязигина, «явственно замечается уклон в сторону парламентаризма и, следовательно, и отступление от заветов неограниченной монархии», а «устанавливаемое манифестом “единение Царя с народом” не таково, каково оно было встарь, а потому едва ли может лечь в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам»⁴⁸. По мнению Хомякова, если «до учреждения Думы можно еще было надеяться на возвращение нашего Отечества к истинно русским началам», то «теперь же о таком не может быть и помину»⁴⁹.

Манифест от 17 октября 1905 г., провозглашавший создание законодательного народного представительства, явился полной неожиданностью для правых. Характерно высказывание по этому поводу Грингмута: «...Царя у нас украли»⁵⁰. Киевская монархическая организация «Русское братство» просила Победоносцева повергнуть «к стопам государя императора следующую всеподданнейшую мольбу: Великий, обожаемый русским народом Государь. Всеподданнейше умоляем не допускать изменения основных законов империи о Самодержавии»⁵¹. А сам Победоносцев в письме С.Д. Шереметеву от 20 октября 1905 г. сообщал, что в столице рассылается в траурных рамках такое объявление: «Сего 17 окт. В 10 ч. веч. внезапно скончалась самодержавная Святая Русь, о чем с невыразимым прискорбием извещаются русские люди. Панихида по почившей, под видом благодарственного молебна, будет отслужена завтра во всех церквях столицы»⁵².

Правда в создании Думы некоторые монархисты усмотрели и положительный момент — появление нового инструмента в борьбе с засильем чиновной бюрократии. По мнению Черникова, «теперь самовластному хозяйничанью бюрократии, как чиновной, так и земской, может быть положен предел, если наше общество чутко отзовется на царский призыв к творческой и обновляющей работе, послав в Думу и Государственный совет честных и стойких выразителей своих нужд, пожеланий и стремлений»⁵³. Председатель СРЛ князь А.Г. Щербатов полагал, что создание Думы положило «почин великому делу — уничтожению стены между Царем и народом», нисколько, при этом, не ограничив самодержавную власть русского монарха⁵⁴. Даже Вязигин пришел к выводу, что «участие выборных в надзоре за закономерностью действий поставленных Государем властей... не противоречит Самодержавию, ибо Царь таким путем ставит своих чиновников под бдительный контроль народа, не поступаясь полнотой своей власти»⁵⁵.

Общественное же мнение России восприняло Манифест 17 октября как первый шаг к конституционной монархии, что вызвало бурные протесты консерваторов, полагавших, что исключенное из титула царя определение «неограниченный» (с сохранением слова «самодержавный»), ничего не изменило в характере российской монархии. Тихомиров со страниц «Колокола» утверждал: «Разбирая законодательные акты, создавшие Государственную Думу в их совокупности, приходится решительно отвергнуть мысль о каком-либо произведенном будто бы при этом ограничении самодержавия»⁵⁶. «Русское собрание» провозглашало, что «Царское самодержавие не отменено Манифестом 17 Октября и продолжает существовать на Руси и при новых порядках»⁵⁷. Аналогичное утверждение содержалось и в «Основных положениях» Союза русского народа (СРН)⁵⁸.

Некоторые представители правого лагеря считали, что монарх в принципе не имеет права ограничивать свою власть, так как «Верховная власть ни Царем, ни народом, но Божию милостью на Руси установлена, и потому ни Царь, ни народ в сей власти не вольны, и за установление ее не друг перед другом, но перед Самим Богом, как за грех отвержения Его к себе милости, ответственны»⁵⁹. Один из учредителей Русской монархической партии Л.В. Геника заявил: «Ни актом 17 октября, ни каким-либо предшествовавшим ему, ни каким-либо последующим или еще имеющим появиться — Самодержавие русских царей *не отменено и не может быть отменено*... всякое умаление этой власти есть акт незаконный и потому юридически не существующий»⁶⁰. Киреев считал, что Манифест 17 октября есть «изменение одною из сторон двустороннего, хотя и не писанного, но твердого обязательства, условия (договора 1613 г. между царем и Землей. — *И.О.*). Нарушение его одной стороной составляет государственный переворот, совершенный без согласия и ведома другой (русского народа)»⁶¹.

Будущий председатель СРН А.И. Дубровин утверждал, что манифест являлся не тактическим успехом, а ошибкой власти: «Если бы 17 октября ничего не было дано и выдержали бы еще несколько дней, то забастовки сами прекратились бы за недостатком средств»⁶². Более отдаленные перспективы рисовались правым также не в радужном свете: «Не умиротворив прошлого, не устроив настоящего, день 17 октября не гарантирует нам и будущего, ибо здание государственного строя, с тех пор воздвигаемого, кроет в себе два противоположных начала — монархическое и парламентарное, и не может быть приведено к прочности иначе, как новой перестройкой», — предрекал Тихомиров⁶³.

Однако, несмотря на то, что парламентаризм, как принцип, однозначно отвергался российскими консерваторами, выступать против созданной повелением августейшей особы Государственной думы они, как верноподданные монархисты, не могли. Эту двойственность выразил лидер Русской монархической партии (РМП) Грингмут, заявивший, что ни выборов, ни Думы он не признает, «но мы, как монархисты, обязаны повиноваться закону нашего государя»⁶⁴. Тихомиров, как пишет современный исследователь О.А. Милевский, считал, «что придание Думе права законодательных решений — это отказ императора от самодержавия. Но с другой, не доверяя прави-

тельству и... бюрократической камарилье, он полагал, что скорейший созыв Думы явится все же лучшим выходом из создавшегося положения...»⁶⁵.

Разрешить стоящую перед монархистами дилемму можно было превращением российского парламента в законосовещательный орган, чего крайние правые и пытались добиться вплоть до Февральской революции. Так в начале 1906 г. представители Кружка московских дворян заявляли: «...Мы ничуть не противники выборного центрального при Царе учреждения, но разумеем его как составленное из выборных по бытовым классам Народа, и не иначе, как имеющее лишь совещательный характер...». Спустя несколько дней, «Московские ведомости» писали: «Мы твердо верим, что ограничение самодержавной власти может быть только временным, и что рано или поздно народ уразумеет всю гибельность этого исторического самоубийства»⁶⁶. «Русское собрание» в предвыборной платформе 1906 г. признавало «задачу Думы» лишь «деловую разработку и обсуждение законодательных предположений», а также «деловой надзор за действиями исполнительных властей»⁶⁷. Это положение вошло и в программный документ СРН⁶⁸. В платформе СРН утверждалось, что «предоставление Государственной думе прав законодательных не вызвано исторической необходимостью и не соответствует самобытности Русского Народа»⁶⁹. Киевский монархист И.Г. Храпаль, выступая на III Всероссийском съезде Русских людей (Киев, 1—7 октября 1906 г.) заявил, что «жизнь уничтожит ненужные государственные акты»⁷⁰, имея в виду манифест от 17 октября 1905 года.

Но власть не спешила следовать советам правых, поэтому последние вынуждены были мириться с существованием созданного высочайшим повелением народного представительства. Будучи не в силах изменить его полномочия, монархисты ввели своеобразное лексическое табу, предпочитая по отношению к Думе вместо определения «законодательная» использовать различные эвфемизмы: «законоизготовительная», «законосоставительная», «законообсудительная», «законосозидательная», «законоодобрительная» и т.п.⁷¹ Протоиерей И.И. Восторгов, например, называл Госдуму и Госсовет учреждениями «законовещательными»⁷².

Деятельность Думы не могла не вызвать критику консерваторов, которая, однако, в обществе могла быть воспринята и как критика монарха, чьим повелением она была создана. Из весьма щекотливого положения правые нашли для себя приемлемый выход — не оспаривая правомерность существования Думы и ее компетенцию, они все беды возложили на депутатский корпус, заявив, что члены Думы не являются истинными представителями русского народа. Первым этот тезис в день открытия I Государственной думы 27 апреля 1906 г. озвучил Грингмут. Подчеркивая, что «Дума, как учреждение, явилась по Воле Государя, а мы, монархисты, не можем не подчиняться этой Воле», он в то же время указал, что эта Дума «по своему личному составу, явилась на свет против Воли Государя, ибо он пригласил народ свой прислать ему лучших, достойнейших людей, а выборами овладели, путем обмана и насилия, враги Царя и России, и прислали Царю большинство людей худших»⁷³.

После роспуска I Думы мысль, о том, что ее члены не являлись действительными представителями народа, получила свое дальней-

шее развитие. В обращении «Русского собрания» к единомышленникам говорилось: «Члены Думы, бесстыдно называя себя представителями Русского Народа, в то же время... попирали народные святыни, предавали русские интересы, явно служили внешним и внутренним врагам России...»⁷⁴. Член СРН С. Казанцев писал, что «вместо «лучших людей» представителями всей России в первой Думе почти на половину ее состава оказались типичные отбросы всех слоев русского общества», среди которых он выделял «хулиганов-ругателей, еврейских адвокатов и раздутых научным чванством профессоров»⁷⁵. Весьма показательна в этом отношении телеграмма, отправленная спикеру британского парламента от имени III Всероссийского съезда монархистов, поводом для которой стало намерение английской парламентской делегации приветствовать бывшего председателя I Думы С.А. Муромцева: «Всероссийский съезд, глубоко возмущенный этим вызовом, брошенным русскому народу, считает своим долгом удостоверить, что преступные члены Государственной Думы... никогда Великим Русским Народом не были признаны истинными представителями»⁷⁶.

Впрочем, власть и сама признала «неудачным» депутатский корпус I Думы и усилиями нового главы кабинета Столыпина принялась исправлять ситуацию. Накануне избирательной кампании премьер-министр сообщил Грингмуту, «что выборы в новую Думу будут производиться по тому же закону, как и в первую, с тою только разницей, что тогда правительство совсем устранилось от выборов, а теперь — наоборот, будет стараться, чтобы выборы дали хороших людей»⁷⁷.

Однако Дума второго созыва оказалась еще более революционной, породив наверху сомнения в целесообразности ее существования в таком виде. Как только монархисты почувствовали, что на вершине государственной власти возникла мысль изменить характер и форму народного представительства, их требования ликвидации российского парламента или, по крайней мере, его превращения в законосовещательный орган, тут же перекочевали в программные документы правых партий и выступления их лидеров. По мнению делегатов IV Всероссийского съезда Русских Людей (Москва, 26 апреля — 1 мая 1907 г.) «Русскому народу необходимо не законодательное, а законосовещательное учреждение, состав коего пополнялся бы по системе сочетания выборов, жребия и Царского созыва», а нынешнюю «неработоспособную крамольную Государственную Думу» «для водворения порядка и безопасности в государстве необходимо распустить»⁷⁸.

В.М. Пуришкевич от имени Главного Совета СРН уже через неделю после открытия II Думы разослал местным отделам секретный циркуляр, в котором предписывалось «как только появится знак креста в органе Союза “Русском знамени”... тотчас же начать обращаться настойчивыми телеграммами к государю императору и к председателю Совета министров Столыпину, и в телеграммах настойчиво просить и даже требовать: а) немедленного роспуска думы... и б) изменения, во что бы то ни стало, избирательного закона»⁷⁹. 14 марта 1907 г. ожидаемый черный крест появился⁸⁰, и отделы СРН начали «бомбардировать» столицу телеграммами. «Великий Государь... не дай погибнуть нашей многострадальной Родине. Разгони крамольную и неработоспособную Думу», — телеграфировали из Тверской губернии⁸¹. Воро-

нежский отдел Союза также просил царя «распустить Думу, более чем наполовину состоящую из террористов»⁸². Результативность подобных телеграмм не стоит недооценивать. Они создавали общественную поддержку действиям власти и в немалой степени способствовали легитимации последовавшего вскоре третьеиюньского переворота.

Наиболее последовательным сторонником пересмотра «конституции 1906 г.»⁸³ являлся Тихомиров, считавший, что главной причиной ее несовершенства стало введение в политическую систему России нового элемента — народного представительства. Правда, само народное представительство Тихомиров оценивал в целом положительно, находя его действенным инструментом для «осведомления» Верховной власти о «нуждах и желаниях» народа⁸⁴, и считая его создание «единственной удачной чертой преобразований, совершенных за времена смуты». Но в то же время он указывал, что успех этот достигнут «ценой потрясения двух важнейших устоев нашего строя: Царского Самодержавия и правильного положения Церкви в государственных учреждениях», следствием чего и является продолжающееся «нестроение». Единственным выходом из создавшегося положения Тихомиров считал немедленную реформу представительных учреждений в «монархическом» духе, то есть превращение их в органы, представляющие интересы народа перед Верховной властью, а не являющиеся, как на Западе, Верховной властью, составленной из представителей народа, «ибо как закон, так и исторический факт одинаково говорят, что Верховной властью в России является *Монарх*: значит, другой Верховной власти ни у кого уже не может быть»⁸⁵.

Высшим представительным органом, по мнению Тихомирова, должен был стать «Законодательный Совет», в функции которого войдет только «рассмотрение» и «окончательное составление» законопроектов, передаваемых затем «на Высочайшее воззрение» монарха, остающегося «единственным законодателем». Состав Совета должен формироваться из лиц, назначенных государем, и «выборных», подлежащих «высочайшему утверждению». При этом выборы следует проводить «от организованных общественных учреждений», таких как «земства, городские, сословные и профессиональные организации», а для выборных установить «высокий образовательный или общественно-служебный ценз»⁸⁶.

В дополнение к «законодательному» органу (Совету), по мнению Тихомирова, необходимо создать орган «народно-представительный» — Народную думу, которая, не являясь «органом специально законодательным», должна будет рассматривать, все, «о чем Государь Император пожелает посоветоваться с народом», и «представлять Верховной власти безгранично все, что только народ имеет высказать своему Царю». Как и Законодательный совет, Дума должна формироваться путем выборов от «совершенно определенных групп населения». При этом избиратели получают право давать наказы своим избранникам, а также отзываться их. Кроме того, «явно непригодные» народные представители могут быть исключены из состава Думы «Высочайшим повелением». Таким образом, Тихомиров решительно отказывался от принципа депутатской неприкосновенности, являющегося одним из краеугольных камней парламентаризма. Правда, за депутатами он сохранил право на свободу «суждений». Созываться

Народная дума должна раз в три года на 3—4 месяца. В противном случае, полагал Тихомиров, депутаты утратят связь с выдвинувшим их «разрядом» населения и превратятся в профессиональных политиков («политиканов»), не имеющих представления о нуждах своих избирателей и стремящихся лишь к личному благу⁸⁷.

Народная дума, по мысли Тихомирова, должна функционировать в рамках обычного порядка государственного управления «посредством государственных учреждений». В чрезвычайных же случаях, когда «Царь действует непосредственно, в порядке верховного управления, узаконивая самолично... все, что потребуется для блага или спасения страны», необходим созыв Земского собора, в состав которого должны войти Законодательный совет, министерства, высшая церковная власть, высшая судебная власть, высшие воинские чины, Народная дума, а также представители сословий и частные лица, «известные особыми заслугами перед Отечеством»⁸⁸. Характерно, что из всех учреждений, Народная дума поставлена в этом списке на последнее место.

Согласно проекту Тихомирова, политические права («права граждан») должны предоставляться только русским. При этом «неграждане» империи «могут выбирать представителей своих интересов в Народную Думу и Земский Собор», однако их делегаты не должны иметь права голоса и могут присутствовать только на тех заседаниях, где рассматриваются вопросы, прямо их касающиеся⁸⁹.

Проект Тихомирова не получил широкой общественной поддержки, даже в правом лагере у него нашлись оппоненты. Так К.Н. Пасхалов в специальной статье заявил, что положенная в основание проекта мысль о том, что «народное представительство и Самодержавие совместимы... едва ли можно признать бесспорной». Даже употребление словосочетания «народные представители» он считал «неуместным», так как под этим термином чаще всего понимают «собрание лиц, облеченных народом властью соправления с Главою Государства, чего в Самодержавном Государстве быть не может»⁹⁰.

Не оценил Пасхалов и идею Тихомирова о переименовании Государственного совета в Законодательный, поскольку в самодержавном государстве «законодательная власть принадлежит всецело Главе Государства, и никакого другого *законодательного* органа при нем быть не может». А предоставление Народной думе права «обсуждения» законов Пасхалов считал противоречащим провозглашенному самим Тихомировым «принципу единства законодательного учреждения» и предлагал для «большей простоты государственного механизма» слить Народную думу и Законодательный совет в одно учреждение. Если же будет признана необходимость существования обоих органов, то следует сделать их совершенно независимыми друг от друга, оставив в качестве представительного только Народную думу, а Совет формировать «из сановников государственной службы и лиц по приглашению, известных своими заслугами и полезной деятельностью»⁹¹.

Выступил Пасхалов и против предложенного Тихомировым образовательного ценза, указывая, что в «ремесленном сословии или рабочей организации» нет людей, отвечающих этому требованию. Да

и вообще, образовательный ценз «далеко не всегда гарантирует пригодность его обладателя к государственной деятельности», примером чего служат П.Н. Милуков, В.А. Маклаков «и многое множество иных». Также неудачным Пасхалов считал идею разделения населения России на «граждан» (русских с политическими правами) и «подданных» (иностранцев без политических прав), ибо в настоящее время нельзя «безошибочно определить, кого считать русским и кого иностранцем»⁹².

Согласившись с Тихомировым в нежелательности ежегодных продолжительных сессий Народной думы, Пасхалов в то же время считал, что созыв представительного органа раз в три года не позволит ему выполнять свою основную функцию — «служить органом общения Царя с населением». По его мнению, эффективней были бы ежегодные сессии продолжительностью месяц⁹³. Для поддержания «неразрывной связи» между «избирателями и их избранником» функцию выборов следует передать в земские и городские общественные собрания.

Опыт первых двух дум, убедил правительство в необходимости внесения изменений в законодательство для обеспечения лояльности Думы нового созыва. Однако власть не решилась кардинально реформировать народное представительство в «монархическом духе», ограничившись лишь изменением избирательного закона. В сентябре 1907 г. Киреев писал по этому поводу: «Нам монархистам славянофилам, приходится пожалеть лишь о том, что правительство остановилось на полдороге, не решилось довершить переворот и возвратиться к *Думе совещательной*»⁹⁴. Думается, что его оптимистическое заявление от 1 января 1908 г. о том, что «мы все же вступаем в новый год с совещательной Думой, с самодержавием, усиленным голосом народа»⁹⁵, являлось попыткой выдать желаемое за действительное.

Третья, самая «верноподданная», Государственная дума, созданная по новому избирательному закону, также заслужила у монархистов негативную оценку. Причем первые критические замечания в ее адрес раздались еще до начала ее заседаний. В частности, Г.А. Шечков утверждал, что и III Дума «оказывается отравленной принципом розни», так как новый избирательный закон «строит Государственную Думу на началах партийности», а «Дума, созданная на основе партийных разностояний, не может быть ничем иным, как только ареной борьбы составляющих ее партийных дроблений»⁹⁶. По мнению Пасхалова, «в двух первых стремление захватить власть выражалось с явной прямолинейностью и потому отразить его было не трудно, в последней же подкоп под власть ведется хитрее и тем, следовательно, опаснее»⁹⁷. Многие монархисты (Тихомиров, С.Ф. Шарапов, Пуришкевич, Г.Г. Замысловский и др.) считали, что новая Дума, оказавшись «смирной и приличной», своей работой будет способствовать утверждению принципа парламентаризма в Российском политическом пространстве, что отнюдь не отвечало стратегическим интересам правых⁹⁸. По мнению М.Н. Лукьянова, «из четырех Дум наиболее близкой к идеалу представительного учреждения консерваторам казалась III Дума». Это высказывание справедливо лишь по отношению к умеренно-правым. Остальные же представители консервативного лагеря считали Третью Думу лишь меньшим из зол, и то, только

потому, что в ее составе представительство монархистов существенно расширилось. Да и сам Лукьянов ниже цитирует «Русское знамя», писавшее, что III Дума «медленно, но неуклонно ведет свою разрушительную работу... подкапываясь под коренные устои русской государственности»⁹⁹.

Поэтому крайне правые, столь горячо приветствовавшие роспуск предыдущей Думы, полагали, что опыт 3-го июня с изменением законодательства о Думе, не только можно, но должно повторить. Так делегаты Третьего частного совещания представителей отделов СРН (Ярославль, 8—11 марта 1909 г.) приняли резолюцию, гласившую, что «Государственная Дума может быть волею самодержца во всякое время распущена... и упразднена»¹⁰⁰. А к концу легислатуры III Думы голоса правых, требовавших реформы народного представительства, еще более усилились.

Первую скрипку в этом «концерте» продолжал играть Тихомиров, в чем ему немалым подспорьем стала должность редактора «Московских ведомостей», которую он занимал с 1909 по 1913 год. На страницах этой газеты Тихомиров изложил свой «окончательный» вариант государственного устройства России, при создании которого уже «не должно быть никаких ошибок». Наряду с «юридически неограниченной» Верховной властью, одним из обязательных элементов новой политической системы он считал «введение в государственные учреждения народного представительства»¹⁰¹. Предлагаемая Тихомировым организация такого представительства являла собой дальнейшее развитие его проекта 1907 года. В частности, он предлагал председателя Думы не избирать, а назначать, ограничить «неприкосновенность и неподсудность» депутатов, и, наконец, в полном соответствии с либеральной теорией разделения властей «расширить и углубить контроль народного представительства над действиями исполнительной власти»¹⁰².

Особую тревогу Тихомирова вызывало стремление Государственной думы к расширению своих прав и «постепенному доразвитию» ее «до составной части Верховной власти», для чего используется преднамеренное затягивание Думой решения бюджетных вопросов, наносящее «величайший вред всему государственному хозяйству». В связи с этим Тихомиров конкретизировал функции и полномочия представительных учреждений: 1) «представлять Верховной власти нужды и пожелания народа», 2) «в законодательстве исполнять ту работу, которую ей указывает Верховная власть»¹⁰³. Компетенция же народного представительства должна определяться возложенной на него конкретной задачей: «...Иногда нужен решающий голос, иногда совещательный, иногда простая работа по порученному делу...»¹⁰⁴.

Еще одной проблемой Думы стала так называемая «думская вермишель» — огромное количество второстепенных законопроектов, тормозивших работу законодательного органа. В этой связи Тихомиров предлагал ограничить право законодательной инициативы правительства и Думы, так как и «в том и другом случае чисто служебные соображения производят прямо бездарное количество законопроектов», оставив право законодательной инициативы лишь за Законодательным советом¹⁰⁵. Кроме того, Тихомиров предлагал расширить права администрации для того, «чтобы законодательные учреждения

не обязаны были тратить время на обсуждение таких “законов”, как отпуск ста рублей на физический кабинет какой-нибудь гимназии»¹⁰⁶.

Как и ранее, ключевым моментом в реформе народного представительства Тихомиров считал электоральную систему. Действующий избирательный закон он оценивал весьма критически: «Система наших выборов отдаёт все в руки профессиональных политиканов», что хуже не только бюрократии, «но быть может, хуже иноземного порабощения»¹⁰⁷. Новая избирательная система должна быть построена таким образом, чтобы, «Русский народ оставался господином в устроенной им Империи» и «чтобы он в лице депутатов имел действительно своих представителей, верных слуг своего интереса, а не каких-то новых господ над собой». Добиться этой цели Тихомиров предлагал избранием депутатов «не случайной толпой... а определенными организованными группами населения, так, чтобы каждая группа знала своего депутата, и он, в свою очередь, знал своих доверителей и не мог бы безнаказанно изменять им и своим обязательствам»¹⁰⁸. А так как народ в настоящее время «более дезорганизован, чем когда бы то ни было», то единственным приемлемым вариантом является «представительство от земских и городских учреждений, от остатков сословных учреждений, с постепенным дополнением этого представительства по мере образования новых организованных групп, как, например, рабочих промышленных»¹⁰⁹.

В 1910 г. к проблеме реформы представительных учреждений вернулся и Пасхалов, называвший политическую систему постманифестной России «государственным расстройем»¹¹⁰. По его мнению, вводить в этот «расстрой» одновременно два противоположных принципа — самодержавие и народовластие — «значит осуждать» их «на постоянную борьбу». Пасхалов предлагал «восстановить... право решающего законодательного голоса за историческим Самодержавием», а Госсовету и Госдуме придать «смысл только совещательный» (при этом целесообразность существования последней подвергалась им сомнению). Кроме того, он предлагал изменить и избирательную систему. Так выборы в Государственную думу следует проводить от уездных земских собраний, предварительно освободив их «от гнета бесполезного учреждения» — Губернского Земства. Состав же Государственного совета следует формировать «из известного числа» депутатов Думы, частично назначаемых Верховной властью, а частично избираемых своими коллегами. При этом все народные избранники должны получать содержание не от казны, а от своих избирателей, что должно обеспечить их независимость от правительства не только в материальном, но и «в нравственном... отношении»¹¹¹. Чтобы сохранить связь между народом и его представителями, Пасхалов выступал против неприкосновенности депутатов, предлагал «возможно большее сокращение» срока их полномочий и продолжительности думских сессий. Кроме того, для оптимизации работы Думы Пасхалов предлагал «изъять из ведения законосоставительного учреждения всю так называемую вермишель и вообще все, что выходит из области прямого законодательства», а также установить четкие сроки рассмотрения государственного бюджета¹¹². Для усиления контроля над Думой Пасхалов предлагал назначать ее председателя, а наказ о работе составлять Сенату. Как видим, его предложения во многом перекликались с идеями Тихомирова.

В 1912 г. свой проект народного представительства выдвинул и князь Щербатов, считавший, что в критические для страны моменты, в частности, во время войны, необходим созыв Земского собора. Потребность России в таком институте, утверждал он, очевидна. Даже в Петербургский период русской истории «все-таки сохранилось... сознание необходимости непосредственного сближения, при объявлении войны, Царя с народом», что и проявилось в 1812 и 1877 гг. в посещении государем Москвы и в приеме сословных представителей. А отсутствие подобного единения во время последней русско-японской войны, по мнению Щербатова, стало одной из причин волнений крестьянства, убежденного, «что сведения о его положении и его голос не доходят до Царя». Созыву Собора, полагал Щербатов, «должен быть предпослан Высочайший манифест, в котором были бы изложены все обстоятельства, вызывающие необходимость войны», что «даст возможность, одновременно с избранием выборного, дать ему и от своих избирателей наказ». Открытие Собора должно состояться уже через 10 дней после объявления царского манифеста, поэтому «необходимо упростить до крайности механизмы созыва Земского собора, устранив из него все недочеты западного парламентаризма, как то: предвыборную агитацию, партийность, дороговизну выборов» и т.п.¹¹³

Щербатов, судя по всему, разделял позицию В.О. Ключевского, видевшего основное отличие Земского собора от Народного собрания в том, что в первом случае «правительство имело дело не с народными представителями... а со своими орудиями»¹¹⁴, то есть с правительственными агентами на местах. Поэтому в своем проекте он настаивал, чтобы выборы депутатов проводились только из среды «должностных лиц». Щербатов верил в монархические настроения крестьянства и отдавал ему численный перевес в составе предполагаемого Земского собора, предоставляя крестьянам право избрать своего представителя из числа волостных старшин от каждого уезда. Дворянство, духовенство и купечество могли избрать только по одному депутату от губернии. Мещанство могло избирать в состав Собора своих старост (по одному от общества), а казачество — станичных атаманов (по одному от округа). Окончательный же состав депутатов определялся жеребьевкой среди трех выдвинутых каждым собранием претендентов. Дабы не допустить превращения Земского собора в парламент, «суждения» его, по мнению Щербатова, как и встарь, должны представляться самодержцу «на Высочайшее благоусмотрение без необходимости решения большинством голосов»¹¹⁵.

Одновременно с созывом Земского собора в Москве, в Петербург должны быть вызваны депутаты от «главных» национальных окраин (Царства Польского, Финляндии, Балтийских провинций и от «Русских Мусульман»). Чтобы ни у кого не возникало по этому поводу парламентских иллюзий, Щербатов предлагал, чтобы самодержец принимал каждую депутацию отдельно, а сам прием должен ограничиться лишь его обращением и ответной речью депутации¹¹⁶.

Однако все старания правых убедить власть реформировать народное представительство по их лекалам потерпели неудачу. Вероятно, по этой причине, к концу легислатуры III Думы выступления правых против ее законодательного характера поутихли. Ведь само-

держец не проявлял желания ликвидировать Думу, и большинство монархистов вынуждено было окончательно смириться с ее существованием, направив стрелы своей критики лишь против избирательного закона, позволяющего оппозиции проводить в российский парламент своих представителей. Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением Лукьянова, полагающего, что «реальная деятельность представителей институтов» в конце концов, разочаровала даже тех монархистов, «кто в принципе их поддерживал», и в доказательство приводящего мнение Шульгина, высказавшего осенью 1912 г. свое «отвращение к “квазизаконодательной деятельности”»¹¹⁷. Думается на позицию монархистов больше влияли правительственный курс и общественные настроения в целом, чем деятельность народного представительства. Ведь тот же В.В. Шульгин впоследствии писал: «...Годы шли, и мы научились Государственную Думу ценить, любить, в конце концов, мы научились возлагать на нее все наши самые дорогие надежды»¹¹⁸.

Даже Пасхалов, ранее выступавший против предложенного Тихомировым «сочетания» самодержавия и народного представительства, и называвший членов Думы не иначе, как «таврической бандой», скорректировал свои позиции. В октябре 1911 г. он писал: «В мой идеал государственного устройства “парламент” совсем не входит. Я ввожу его скрепя сердце, как зло, кажется, при теперешнем состоянии общественных и государственных умов, неизбежное». Пасхалов лишь настаивал на изменении электоральной системы: «...При настоящей раздробленности сословий, земства даже в настоящем виде являются единственными группами, из которых наиболее разумно можно было образовать собрание “достойнейших”... при условиях... чтобы “достойнейшие” избирались прямо из уездных земских собраний, чтобы жалованья им платили земства, а отнюдь не казна, чтобы они обязаны были отчетом своим избирателям, то есть земскому собранию». Если эти предложения будут реализованы, то «в Думе: 1) не было бы места евреям, каторжникам, распропагандированным невеждам из крестьян и рабочих, либеральным адвокатам, профессорам, коновалам и прочей разрушительной челяди; 2) была бы затруднена возможность образования партийности — этой главной язвы выборных учреждений и 3) не поощрялась бы «классовая» борьба и устанавливалась бы наиболее возможная разумность выборов». При этом Пасхалов подчеркивал, что земские выборы предпочтительнее сословных, «потому, что при сословных если еще можно устранить из Думы невежд-рабочих, то невежд-крестьян — никак нельзя»¹¹⁹.

Только крайне правые по-прежнему не оставляли надежд на превращение Думы в законосовещательный орган. Так, учредительный съезд Всероссийского Дубровинского СРН (Москва, 25 ноября — 1 декабря 1911 г.) принял решение указать Государственной думе «ея роль, по мысли, как учреждения законосовещательного» и просить «чтобы воля Государя Императора только одна видоизменяла бы законы без всякого участия в сем Государственной Думы». Чтобы гарантировать лояльность российского парламента к самодержавию съезд также просил, «чтобы среди членов Государственной Думы были и члены по назначению Его Императорского Величества»¹²⁰. Астраханская на-

родно-монархическая партия накануне выборов в IV Думу, направила императору следующее обращение: «Признавая желательным существование Государственной Думы, как учреждения, могущего осветить с места нужды народные и пособляющее Тебе следить за правильностью работы поставленных Тобою властей, мы в то же время осмеливаемся еще раз доложить Тебе, Государь, что Государственная дума в том виде, в каком она теперь учреждена, не только не приносит пользы государству... но своими речами, поступками, явною борьбою с Церковью и Верховной Властью, подрывает все те устои, на которых наша страна росла, крепла и, наконец, превратилась в могучее государство». Поэтому, дабы пресечь «растлевающее влияние» Думы, говорилось в обращении, «просим Тебя, Государь... прикажи изменить Положение о Государственной Думе, Основные Законы и закон о выборах»¹²¹.

После выборов в IV Думу вопрос о представительном органе и отношении к нему в значительной степени утратил для правых свою актуальность, а начавшаяся затем мировая война и вовсе сняла его с повестки дня. Лишь в начале 1917 г. из монархического кружка А.А. Римского-Корсакова вышла «Записка», адресованная Николаю II, целью которой было предотвратить надвигающуюся революцию. В пояснении к этой «Записке» предлагалось ограничить законодательные полномочия обеих палат, предоставив монарху полную свободу при «утверждении рассмотренных палатами законопроектов», ввести одностепенные сословные выборы, с окончательным определением состава депутатов жеребьевкой, а еще лучше — волей монарха. Обязательным условием нормализации политического процесса авторы «Записки» считали создание проправительственного думского большинства¹²² — «партии власти». Однако этот меморандум остался без ответа, вероятно не дойдя до адресата.

Таким образом, взгляды российских консерваторов на парламентаризм в начале XX в. претерпели определенную эволюцию. Исходной их точкой было полное неприятие, детерминированное традиционалистской ментальностью и взглядом на парламентаризм, как явление, порожденное особенностями западной цивилизации, и потому чуждое России. Однако, отношение правых к представительным органам было не столь однозначным, ибо третий член формулы графа С.С. Уварова — «народность», понимаемый как единение царя с народом, по-прежнему оставался краеугольным камнем идеологии русских монархистов. Для восстановления этого единения, утраченного в «Петербургский» период, часть правых предлагала возродить Земский собор, надеясь, тем самым, еще и перехватить инициативу у оппозиции, требовавшей привлечения общественных сил к государственному управлению. Другая же часть монархического лагеря (по своей численности и политическому влиянию, несомненно, превосходящая первую), выступала против реанимации этого учреждения, опасаясь, с одной стороны, постепенного превращения Земского собора в полноценный парламент, а с другой — указывая, что изменившиеся социально-экономические условия просто не позволят воссоздать его в прежнем виде. Вероятно, это послужило одной из причин неприятия правыми проекта Булыгинской Думы. Другой причиной стало осознание монархистами, что данный вариант народного пред-

ставительства не будет поддержан ни одной из политических сил, считавших его (в зависимости от собственных политических предпочтений) либо недостаточно, либо чрезмерно демократичным.

Манифест от 17 октября 1905 г., провозгласивший создание законодательной Государственной думы, правые в подавляющем большинстве своем также восприняли негативно, оценивая его как шаг к конституционной монархии западноевропейского типа. В то же время, будучи верноподданными монархистами, российские консерваторы не могли оспаривать царский манифест. Поэтому, их отношение к Государственной думе было двойственным: с одной стороны они не признавали никаких ограничений самодержавия, а с другой, — российский парламент был создан высочайшим повелением, что обеспечивало ему достаточную легитимность в глазах монархистов. Но будучи вынужденными признать существование созданной волей самодержца законодательной Думы, правые не оставляли надежд на ее ликвидацию или превращение в законосовещательный орган, выдвигая соответствующие проекты, суть которых, как правило, сводилась к созданию народного представительства, не посягающего на прерогативы самодержца и представляющего собой адаптированный к современным условиям вариант Земского собора. Однако в этих проектах нет оснований усматривать элементы плебисцитарной демократии (которую правые, в отличие от демократии представительной, оценивали более позитивно), так как Земский собор должен был представлять самодержцу лишь «мнение», оставляя решение на его «благоусмотрение».

Со временем общее полевение российского общества, а также позиция верховной власти, склонявшейся к использованию элементов конституционализма в своей политической практике, обусловили постепенную коррекцию взглядов консерваторов, признавших (хотя и с определенными оговорками) целесообразность наличия в политической системе России представительного органа с законодательными полномочиями, и направивших свои усилия на изменение избирательного законодательства с целью обеспечения лояльности депутатского корпуса к самодержавию. Только крайне правые монархисты вплоть до Февральской революции продолжали оспаривать законодательный характер Думы.

Примечания

Исследование осуществлено при поддержке РГНФ, проект № 14-11-33002.

1. КИРЬЯНОВ Ю.И. Правые партии в России. 1911—1917 гг. М. 2001, с. 303.
2. РЕПНИКОВ А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX веков). М. 2006, с. 104.
3. ЛУКЬЯНОВ М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914. Stuttgart. 2006, с. 76.
4. ЛУКЬЯНОВ М.Н. Консервативные проекты реформы законодательных учреждений и избирательной системы в России, 1907—1914. В сб.: Таврические чтения 2012: Актуальные проблемы истории парламентаризма. Ч. 1. СПб. 2013, с. 162.
5. ПШЕГОРСКИЙ А.С. Политические взгляды Владимира Андреевича Грингмута. Дисс. канд. ист. наук. Тамбов. 2009.
6. МИЛЕВСКИЙ О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни. Барнаул. 2004.

7. ПАВЛОВ С.Б. 1905 год. Борьба крайне правых против учреждения полноправного парламента в России. — Вестник Московского университета. Серия 8. История, 1999, № 5.
8. ДОЛГИХ Ф.И. Правые в III и IV Государственных думах России (1907—1917 гг.). Дис. канд. ист. наук. М. 2004; ДОРОШЕНКО А.А. Правые в Государственных Думах Российской империи. Дис. канд. ист. наук. Самара. 2003; ИВАНОВ А.А. Последние защитники монархии. Фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917). СПб. 2006; ЕГО ЖЕ. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917). М.-СПб. 2013; ПАТРИКЕВА О.А. Правые на выборах во II Государственную Думу: поиски союзников в предвыборной борьбе. — Клио. 2003, № 3; РОМОВ Р.Б. Правомонархическое движение на выборах во II Государственную Думу (1907 г.). — Вестник Московского университета. Серия 8. История, 2001, № 5; ЕГО ЖЕ. Фракция правых в III Государственной Думе (1907—1912). Дис. канд. ист. наук. М. 2003.
9. ПОБЕДОНОСЦЕВ К.П. Великая ложь нашего времени. М. 1993, с. 31, 36, 53.
10. ТИХОМИРОВ Л.А. Христианство и политика. М. 1999, с. 353.
11. БУДИЛОВИЧ А.С. Наука и политика. Три статьи по злободневным вопросам. СПб. 1905, с. 15.
12. А.С. Вязигин писал также под псевдонимами «А. Каут» и «П. Хорсов» (от аббревиатуры ХОРС — Харьковский отдел «Русского собрания»).
13. ХОРСОВ П. Новые отделы Русского Собрания. — Мирный труд. 1904, № 6, с. 104.
14. Московские ведомости. 25.I.1906, № 22.
15. NN. Народный взгляд на самодержавие. — Мирный труд. 1905, № 9, с. 194.
16. ЧЕРНИКОВ Н. Внутреннее обозрение. — Там же. 1906, № 2, с. 201.
17. Московские ведомости, 1.IV.1906, № 87.
18. Цит. по: ЛУКЬЯНОВ М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914, с. 17.
19. Московские ведомости. 3.I.1906, № 2.
20. ЛЕБЕДЕВ М.В. Разберемся... — Мирный труд. 1905, № 7, с. 156.
21. Там же, с. 160, 162.
22. БУДИЛОВИЧ А.С. Ук. соч., с. 56.
23. ЧЕРНЯЕВ Н.И. Русское самодержавие. М. 2011, с. 103, 121.
24. БУЛАЦЕЛЬ П.Ф. Борьба за правду. Т. 1. СПб. 1908, с. 15.
25. БОРОДКИН М.[М.] Необходимость самодержавия для России. — Мирный труд. 1904, № 10, с. 185.
26. ГРИНГМУТ В.А. Собрание статей. М. 1910, с. 345.
27. Там же, с. 346—347.
28. Московские ведомости. 2.X.1905, № 261.
29. ЧЕРНЯЕВ Н.И. Ук. соч., с. 155.
30. ВЯЗИГИН А.С. Мертвое учреждение. — Мирный труд. 1905, № 2, с. 179.
31. ТИХОМИРОВ Л.А. Монархическая государственность. М. 1998, с. 96.
32. Д.Х. «Самодержавие» (опыт схематического построения этого понятия). — Мирный труд. 1906, № 8, с. 7.
33. БОГДАНОВИЧ А.В. Три последних самодержца. Дневник. М. 1990, с. 28, 296, 330.
34. БУДИЛОВИЧ А.С. Ук. соч., с. 109.
35. ШЕЧКОВ Г.[А.] Истинное значение земских соборов. — Мирный труд. 1905, № 2, с. 111, 114, 116, 119, 129.
36. Кремль. 24.II.1905, № 21—22.
37. ВЯЗИГИН А.С. Ук. соч., с. 175.
38. Самаринская записка. — Мирный труд. 1905, № 2, с. 190.
39. БОГДАНОВИЧ А.В. Ук. соч., с. 326.
40. ЧЕРНЯЕВ Н.И. Ук. соч., с. 376—377.
41. Цит. по: МИЛЕВСКИЙ О.А. Ук. соч., с. 209.
42. Цит. по: РЕПНИКОВ А.В. Ук. соч., с. 152—153.
43. ГРИНГМУТ В.А. Ук. соч., с. 131.
44. Там же, с. 127.
45. ВЯЗИГИН А.С. Ук. соч., с. 175—179.
46. ПАСХАЛОВ К.Н. Русский вопрос. М. 2008, с. 58, 102.
47. ВЯЗИГИН А.С. Государственная Дума. — Мирный труд. 1905, № 7, с. 204.

48. Там же, с. 195—197.
49. Д.Х. Забастовка духовных академий. — Там же. 1905, № 9, с. 176.
50. ВОСТОРГОВ И.[И.] Памяти В.А. Грингмута. — Там же. 1907, № 10, с. 187.
51. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИАУ), ф. 275, оя. 1, д. 1123, л. 3.
52. «Мать мою, родимую Россию уродуют». Письма К.П. Победоносцева С.Д. Шереметеву. — Источник. 1996, № 6, с. 11.
53. ЧЕРНИКОВ Н. Внутреннее обозрение. — Мирный труд. 1906, № 2, с. 199.
54. ЩЕРБАТОВ А. Г. Православный приход — твердыня русской народности. М. 2010, с. 370.
55. ВЯЗИГИН А.С. Манифест созидательного национализма. М. 2008, с. 271.
56. Колокол. 19.I.1906, № 15.
57. Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением манифеста 17 октября и доклада Витте. СПб. 1906, с. 130.
58. Союз Русского Народа. М. 1906, с. 7; Государственный архив Владимирской области (ГАВО), ф. 521, оп. 1, д. 9, л. 15.
59. Верный присяге дворянин. Отменимо-ли самодержавие. — Мирный труд. 1905, № 9, с. 205—206.
60. Вече. 22.IV.1906, № 12.
61. КИРЕЕВ А.[А.] Голос старого славянофила. — Мирный труд. 1907, № 8—9, с. 252, 255.
62. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. 1905—1910 гг. М. 1998, с. 607.
63. ТИХОМИРОВ Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М. 2008, с. 292—293.
64. Третий Всероссийский съезд Русских Людей в Киеве: Протоколы. Киев. 1906, с. 29.
65. МИЛЕВСКИЙ О.А. Ук. соч., с. 208.
66. Московские ведомости. 25.I.1906, № 16, 22.
67. Полный сборник платформ всех русских политических партий, с приложением манифеста 17 октября и доклада Витте, с. 130.
68. Союз Русского Народа. М. 1906, с. 7; ГАВО, ф. 521, оп. 1, д. 9, л. 15.
69. Правые партии. Документы и материалы. Т. 1. М. 1998, с. 77.
70. Третий Всероссийский съезд Русских Людей в Киеве, с. 43.
71. РОМОВ Р.Б. На «совете нечестивых»: Государственная Дума в оценках правых депутатов (1907—1912). — В кн.: Консерватизм в России и мире. Ч. II. Воронеж. 2004, с. 116.
72. Голос Русского. 17.IX.1909, № 26—27.
73. ГРИНГМУТ В.А. Собрание статей. М. 1910, с. 116.
74. Русское Собрание единомышленным союзам, кружкам, партиям и всему русскому народу. — Мирный труд. 1906, № 8, с. 166—167.
75. КАЗАНСКИЙ С. Русские люди среди разных политических партий. СПб. 1907, с. 1, 9.
76. Третий всероссийский съезд Русских Людей в Киеве, с. 18.
77. БОГДАНОВИЧ А.В. Ук. соч., с. 402.
78. Тверское Поволжье. 18.V.1907, № 164.
79. МИЛЮКОВ П.Н. Воспоминания (1859—1917). Т. 1. М. 1990, с. 422.
80. СТЕПАНОВ С.А. Черная сотня в России (1905—1914 гг.). М. 1992, с. 140.
81. Тверское Поволжье. 23.III.1907, № 140.
82. Очерк деятельности Воронежского отдела Союза Русского Народа за 1-й год его существования. (22 октября 1906 г. — 22 октября 1907 г.). — Мирный труд. 1908, № 7, с. 99.
83. Под «конституцией» в данном случае Л.А. Тихомиров понимал лишь совокупность законодательных установлений, определяющую принципы и механизмы государственного устройства России, а не нормативный акт, обладающий высшей юридической силой, в том числе и по отношению к монарху.
84. ТИХОМИРОВ Л.А. Самодержавие и народное представительство. М. 1907, с. 2
85. ЕГО ЖЕ. Руководящие идеи русской жизни. М. 2008, с. 421, 443.
86. ЕГО ЖЕ. Самодержавие и народное представительство. М. 1907, с. 8—9.
87. Там же, с. 10—13.
88. Там же, с. 5, 16—17.
89. Там же, с. 17.

90. ПАСХАЛОВ К.Н. Ук. соч., с. 423, 436.
91. Там же, с. 426, 436—437.
92. Там же, с. 430.
93. Там же, с. 431, 437.
94. КИРЕЕВ А.[А.] Ук. соч., с. 249.
95. Цит. по: ЛУКЪЯНОВ М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914, с. 76.
96. ШЕЧКОВ Г.[А.] Какой избирательный порядок выставляет само призванное к участию в государевом деле население. — Мирный труд. 1908, № 2, с. 25.
97. ПАСХАЛОВ К.Н. Ук. соч., с. 478.
98. См.: РОМОВ Р.Б. Ук. соч., с. 105—107.
99. ЛУКЪЯНОВ М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914, с. 78, 80.
100. Почаевские известия. 21.III.1909, № 718.
101. ТИХОМИРОВ Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. М. 2003, с. 451.
102. ЕГО ЖЕ. Руководящие идеи русской жизни, с. 447—449.
103. Там же, с. 429, 450, 485.
104. ТИХОМИРОВ Л.А. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос, с. 463.
105. Там же, с. 469—470.
106. ЕГО ЖЕ. Руководящие идеи русской жизни, с. 449.
107. ЕГО ЖЕ. Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос, с. 472.
108. ЕГО ЖЕ. Руководящие идеи русской жизни, с. 472, 485—486.
109. Там же, с. 444.
110. ПАСХАЛОВ К.Н. Ук. соч., с. 508.
111. Там же, с. 483, 495, 499, 503, 526.
112. Там же, с. 507, 512.
113. ЩЕРБАТОВ А.Г. Ук. соч., с. 233.
114. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения. Т. VIII. М. 1959, с. 109.
115. ЩЕРБАТОВ А.Г. Ук. соч., с. 233.
116. Там же, с. 234.
117. ЛУКЪЯНОВ М.Н. Российский консерватизм и реформа, 1907—1914, с. 83.
118. Цит. по: В.В. Шульгин — последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ. — Новая и новейшая история. 2003, № 4, с. 67.
119. Переписка и другие документы правых 1911 года. — Вопросы истории. 1998, № 11—12, с. 137—138.
120. Постановления Всероссийского съезда СРН и примыкающих к нему организаций. 25 ноября — 1 декабря 1911 г. в г. Москве. СПб. 1912, с. 28.
121. Переписка и другие документы правых (1911—1913 годы). — Вопросы истории. 1999, № 11—12, с. 109.
122. Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. М. 1998, с. 592—594.

Матвей Федорович Шкирятов

К.А. Юдин

К числу малозаметных, но, думается, несправедливо обделенных вниманием в литературе «серых кардиналов», можно отнести знаковую и колоритную фигуру эпохи сталинизма, фактического руководителя могущественного ведомства внутрипартийного надзора — Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) — Матвея Федоровича Шкирятова (3.08.1883—18.01.1954).

До сих пор личность этого человека остается нераскрытой. Все имеющиеся к настоящему времени сведения о его жизненном пути ограничиваются лишь формальным описанием, имеющим вид справочно-ознакомительных аннотаций при сборниках документов, «сквозными» характеристиками в отдельных исследованиях, либо откровенно публицистическими работами. О.В. Хлевнюк оценивает Шкирятова как «одного из самых жестоких сталинских деятелей»¹, А.Е. Павлюков разделяет концепцию о высокой доле самостоятельности Шкирятова, который «имел прямой выход на Сталина», а также был «опытным аппаратчиком», равносильным Н.И. Ежову². В.Н. Хаустов, Л. Самуэльсон упоминают о Шкирятове как о человеке, выполнявшем информационно-осведомительную функцию по линии КПК³. Аналогичные фактические данные уже по периоду «позднего сталинизма» приводит Г.В. Костырченко, говоря об участии Шкирятова в «деле ЕАК»⁴. У А.Ф. Ваксберга мы находим следующее суждение, касающееся данной личности: «М.Ф. Шкирятов — один из самых гнусных сталинских опричников, имя которого с полным к тому основанием стоит в одном ряду с Ежовым и Берией. Многолетний деятель высших контрольных органов партии, руководивший партийными чистками и избиением партийных кадров. Работал рука об руку с НКВД-МГБ, имел “свою” тюрьму, где лично допрашивал особо важных арестантов. Умер, не дождавшись своего осуждения в

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, внештатный научный сотрудник Ивановского государственного университета.

какой бы то ни было форме»⁵. В книге И.Д. Бунича данный деятель сталинской эпохи предстает совладельцем мифического капитала — «золота партии», якобы располагая под вымышленным именем Владлен Климов счетом в швейцарском банке на сумму 800 тыс. франков⁶, о чем свидетельствует некий достаточно грубо сфальсифицированный документ (специальная записка В. Деканозова Л.П. Берии) под грифом «совершенно секретно». Иные, более содержательные и существенные попытки пролить свет на жизнедеятельность Шкирятова не обнаружены.

Действительно, первоначально создается впечатление, что этот человек совершенно ничем не отличался от всей остальной партийной номенклатуры, обладавшей преимущественно однородной и типовой биографией большевика-коммуниста. Сын русского крестьянина, Шкирятов родился 3 (15) августа 1883 г. в деревне Вишняково Тульской губернии Российской империи (ныне — населенный пункт, сохранивший свое название и располагающийся на востоке Калужской области РФ). Уже в раннем возрасте принимал активное участие в общественно-политическом движении, поэтому не получил никакого иного образования, кроме школы партийно-революционной борьбы, что увенчалось вступлением в 1906 г. в члены РСДРП. До начала первой мировой войны неоднократно арестовывался за революционную деятельность, однако серьезным политическим преследованиям не подвергался. В 1915 г. был мобилизован в царскую армию, где и прослужил вплоть до начала Октябрьской революции 1917 г., которая, как и для многих, стала трамплином для его относительно быстрого карьерного роста.

В 1917 г. Матвей Шкирятов получил возможность проверить свои управленческо-организаторские навыки в первых государственных учреждениях советской власти: осенью 1917 г. он стал членом исполнительного комитета Московского Совета, а также членом бюро военных организаций при Московском комитете РСДРП (б). В ноябре того же года Шкирятов возвратился на родину — он вошел в тульский Военно-революционный комитет (ВРК) и исполнительный комитет Тульского совета, после чего вновь отправился в Москву уже в качестве председателя Московского отдела ЦК Союза швейников и занимал эти должности с 1918 по 1920 год⁷. В 1921 г. Шкирятов попал в аппарат ЦК, получив первое солидное назначение — председателя Центральной контрольной комиссии по проверке и чистке партийных рядов РКП(б).

Это можно рассматривать как поворотный пункт, повлиявший и даже, можно сказать, предопределивший всю дальнейшую судьбу этого человека. С 1920-х гг. вплоть до самого конца жизнь и деятельность Матвея Шкирятова будет связана именно с внутрипартийным контролем. В этом смысле, он был человеком если не с уникальной, то, по крайней мере, с исключительной для партийных функционеров биографией. За Шкирятовым прочно закрепилась конкретная служебно-профессиональная специализация. В течение всего последующего десятилетия Шкирятов на XI, XII, XIII, XIV, XV и XVI (соответственно — в 1922, 1923, 1924, 1925, 1927 и 1930 гг.) съездах партии регулярно переизбирался членом Центральной контрольной комиссии (ЦКК) при Народном комиссариате рабоче-крестьянской инс-

пекции (РКИ). Он попал в самое сердце, ядро партийно-государственного аппарата — секретарско-коллегиальные структуры ЦКК, в недрах которых и происходило становление советской бюрократической машины и закрепление методов политического контроля за ситуацией в стране посредством закамуфлированного влияния «руководящей фракции», призванной выступать проводником «партийной линии»⁸.

С 26 апреля 1923 и вплоть до января 1934 г. Шкирятов являлся постоянным членом Президиума ЦКК РКП(б)-ВКП(б), формально меняя лишь внутриведомственную служебную диспозицию: с апреля 1923 по 2 декабря 1927 г. он выступал членом Секретариата ЦКК, параллельно — с апреля 1923 по май 1924 г. — становился членом или секретарем партийной коллегии ЦКК, а с 1927 г. фигурировал также и в качестве специального партийного наблюдателя за работой «советской секции» объединенного наркомата — члена коллегии Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции СССР⁹.

Очевидно, в это же время Шкирятов начинает тесно контактировать со Сталиным. И, хотя, если судить по записям журнала посещений, его первая аудиенция состоялась только 13 августа 1926 г.¹⁰, тем не менее, можно предположить, что личное знакомство со Сталиным, перешедшее в дальнейшем в регулярное «сотрудничество» и взаимодействие с вождем на правах «тайного» исполнителя его воли, началось гораздо раньше. Во-первых, исследователи, осуществлявшие источниковедческий анализ журналов посещений, обращают внимание на их ограниченную полноту по содержанию, придя к следующим выводам: далеко не все посетители фиксировались в журнале; достаточно объемный блок информации по этому вопросу имеет вторично-опосредованный характер — журналы посещений за 1925—1928 гг., хранящиеся в РГАСПИ¹¹ в фонде Сталина, составлялись не в ходе приема, а через некоторое время, когда подводились итоги работы Секретариата, поэтому есть вероятность того, что многие визиты оказались «забытыми» и, соответственно, сведения о лицах, приходивших к Сталину, утраченными¹².

Во-вторых, на особое доверие и расположение, которые снискал Шкирятов, указывает его постоянная загруженность на уже обозначенном служебно-профессиональном поприще — внутриведомственном контроле. Начиная с 1920-х гг. он регулярно принимал участие в работе «специальных комиссий», которые играли важную оперативно-функциональную роль в сталинской идеократической юстиции. Многие из этих комиссий осуществляли практическую реализацию особых поручений ЦК, а также ведение политических дел на всех стадиях их подготовки — от сбора компрометирующих материалов до окончательного оформления, вынесения вердикта-резолюции, причем, как в отношении отдельных персон, так и групп лиц, причисленных к «оппозиционерам-оппортунистам», утратившим доверие партии. В декабре 1924 г. Матвей Шкирятов вместе Н.В. Крыленко и В.Р. Менжинским выступал в качестве одного из заместителей-«дублеров» трех руководителей Комиссии по политическим делам, которую возглавляли Д.И. Курский, В.В. Куйбышев и Ф.Э. Дзержинский¹³. 21 апреля 1927 г. Шкирятов отправился вместе с Красиковым и Дерибасом для «ознакомления с положением дел» в Верхне-Уральский

изолятор ¹⁴, вероятно, для проверки надежности системы охраны и режима секретности, ибо как известно, именно это зловещее пени-тенциарное заведение было местом постоянного или временного «политического усмирения» опальных большевиков из числа «старой гвардии» — Г.Е. Зиновьева, Г.Г. Каменева, лидера «рабочей оппозиции» А.Г. Шляпникова, экономиста, проходившего по делу «Союзного бюро меньшевиков» В.Г. Громана, К.Б. Радека, М.Н. Рютина и многих других.

Уже с этого времени Шкирятов позиционирует себя как убежденный сталинист, хорошо усвоивший демагогическую риторику внутрипартийных дискуссий и технологию партийно-аппаратного способа принятия решений. Он достаточно уверенно выступает на съездах РКП(б)-ВКП(б), где не только участвует в коротких прениях, но и появляется в качестве докладчика, в выступлениях которого чувствуется нужное, конъюнктурное восприятие «генеральной линии партии» и воли большинства, которые он полагал единственно верными ¹⁵. Так, на съездах Шкирятов настойчиво призывал мобилизовать все структуры ЦКК на суровую борьбу с «атрофией партийного чувства» у коммунистов, а также подчеркнул особый статус центрального контрольного органа: «Каковы органы ЦКК? Это не есть органы, стоящие над или под ЦК — это органы самостоятельные, но работающие совместно с ЦК» ¹⁶, которые должны руководствоваться «не только буквой закона, а ... подходить к этому закону своим пролетарским революционным путем» ¹⁷. Проявил себя Шкирятов и на всех этапах преодоления «оппозиционных настроений», избрав по отношению к «заблуждающимся» соратникам сталинский арбитражно-назидательный стиль, характеризующийся на этом этапе борьбы за власть покровительственным тоном с оттенками жесткой уверенности в предрешенности результата и приобретаемой монополии на истину. «Товарищи, — заявил Шкирятов на XV съезде, — на этом съезде, как видно из имеющихся материалов, из выступлений оппозиции, я думаю, не будет другого выхода, как применить исключения из партии. Хватит разлагать идейно и организационно нашу партию! Но, повторяю, расставаясь с этими безнадежными и неисправимыми оппозиционерами (под которыми подразумевались Л.Д. Троцкий, Г.Е. Зиновьев и еще 75 “активных членов троцкистско-зиновьевского блока”, а также 23 человека “явно антиреволюционной группы” (Сафронова. — К.Ю.) ¹⁸ как с членами партии, мы должны к отдельным товарищам на местах, честно ошибавшимся, подойти осторожно, чутко, с тем, чтобы выяснить, что представляет из себя данный товарищ рабочий, можно ли рассчитывать вновь его вернуть партии» ¹⁹. Подобная позиция, конечно же не могла остаться незамеченной.

Отметим, что еще до исключения из партии Троцкого и Каменева, Шкирятов был задействован в подготовке их политической дискредитации. В июне 1927 г., незадолго до описанных выше событий, была созвана очередная спецкомиссия-«тройка» из состава ЦКК, в которую вошли Шкирятов, Н.М. Янсон и Н.И. Ильин. Самим Сталиным она была названа «комиссией по обвинению Троцкого и Зиновьева». 27 июня 1927 г. на заседании президиума ЦКК ВКП(б) рассматривался вопрос «О нарушении партийной дисциплины тт. Зиновьевым и Троцким», после чего как раз и был поставлен вопрос об

их исключении из партии. В этом важном деле, как представляется, ведущую роль сыграл именно Шкирятов, ибо даже Г.К. Орджоникидзе, возглавлявший тогда ЦКК, был обвинен в нерешительности и фактическом саботаже участия в инспирированной травле Троцкого. «А где Серго? — негодовал Сталин. — Куда и почему он спрятался? Позор!..»²⁰

С 1928 г.²¹ Шкирятов входил вместе с М.И. Калининым, А.С. Енукидзе, Г.Е. Прокофьевым и Н.В. Крыленко в Комиссию по судебным делам, которая, в частности, рассматривала дело о «животноводках-вредителях» в 1933 г.²², а также участвовал в обсуждении вопросов внешней политики — «о покупках продуктов английской промышленности для нужд СССР»²³ и даже — некоторых проблем культурного развития. Это, во-первых, дело, связанное с экспертизой незавершенной скульптуры Меркулова «Похороны вождя» (январь 1928 г.), в котором он проявил излишнюю жесткость и принципиальность. Политбюро отклонило его претензии к группе художников, скульпторов и др., среди которых числились М.Ф. Владимирский, П.С. Коган, К.С. Станиславский, А.В. Шусев, И.Э. Грабарь, и распорядилось разрешить доработку проекта. Второе дело (весна 1928 — декабрь 1929 гг.), касалось проверки обвинения в антисемитизме дирижера ГАБТ Н.С. Голованова, которая по личному запросу Сталина была поручена комиссии в составе Л.М. Кагановича, А.С. Бубнова и Шкирятова, пришедшей к выводам о необходимости прекращения «травли и бойкота Голованова», предпринятой некоторыми периодическими изданиями («Правдой», «Известиями», «Рабочей Москвой»), проигнорировавших тот факт, что Голованов «уже понес наказание в прошлом» и не заслуживает дополнительных репрессивных санкций. Решение комиссии было утверждено Секретариатом ЦК²⁴.

Судя по всему, напряженный график работы сказался на здоровье Матвея Шкирятова. Летом 1928 г. он серьезно заболел и даже попал в больницу. Его коллега по контрольному ведомству Е.М. Ярославский в письме на имя Орджоникидзе 19 июля 1928 г. писал: «Он [Шкирятов] надеется через неделю-полторы появиться на работе. Скажу тебе откровенно: трудноато сейчас без тебя и без него. По многим вопросам надо советоваться. Я его вижу почти каждый день, захожу к нему. Он нервничает, что долго тянется болезнь, но значительно поправился, выглядит совсем хорошо». О следующем подобном случае переутомления Ярославский сообщает уже в июне 1929 г., когда он вместе со Шкирятовым принимал участие в проверке на предмет политической благонадежности трех членов партии (Петровского, Нюриной и Нюренберг), якобы скрывших свое пребывание в БУНД во время Гражданской войны. Как пишет Ярославский, прения по поводу судьбы многих коммунистов становились настолько жесткими, что «Шкирятов уехал полубольной»²⁵. К примечательным фактам, относящимся к данному периоду, можно отнести то обстоятельство, что Шкирятов был лично знаком с отцом народной артистки СССР О.А. Аросевой — А.Я. Аросевым, который в феврале 1929 г. прорабатывался по линии ЦКК за «некоммунистическое поведение» и «отрыв от СССР» за то, что отправился в Берлин для лечения зубов. Все это было расценено как более, чем неуместное поведение, особенно в преддверии его готовящегося на-

значения на пост полпреда СССР в Чехословакии ²⁶.

В 1929—1934 гг. Шкирятов продолжил активную деятельность, связанную с исполнением контрольно-ревизионных функций, не только карательно-репрессивных, но и относящихся к области «рационализации управления». Так, 15 ноября 1931 г. Политбюро по докладу Шкирятова рассматривало вопрос о «ставках для коммунистов-хозяйственников и инженерно-технического персонала». Ему вместе со Шверником, Яковлевым, Бубновым и другими было поручено разработать распределение спец. окладов, превышающих партмаксимум, для коммунистов из числа директоров на производстве, начальников депо, станций железных дорог и соответствующих им должностей водного транспорта, «имеющих квалификацию и практический опыт не ниже беспартийных специалистов, выполняющих аналогичную работу» ²⁷.

С июля 1932 г. Шкирятов становится причастным к вынесению смертных приговоров, войдя в состав комиссии по делам о высшей мере социальной защиты, поставив свою подпись под решением о применении данной меры к Евсееву, И.Н. Шомину, П.К. Ковалеву, а также Л.Л. Фирсову, А.Я. Рыбакову, И.Д. Федосееву, М.А. Соколову и Д.М. Прищепову ²⁸. А в ноябре того же года, вновь в качестве члена комиссии, возглавляемой Кагановичем, Матвей Шкирятов отправляется на Северный Кавказ, где присутствует на совещании секретарей сельских райкомов ВКП(б), помогает осуществлять чистку местной (Северо-Кавказского крайкома) партийной организации от «контрреволюционных элементов», а также проводить депортации крестьян («кулаков», «подкулачников») в отдаленные районы страны ²⁹.

Коллективные формы взаимодействия (комиссии), динамика смены участников, постоянство одних и эпизодическое присутствие других членов как нельзя лучше отражали, пусть и косвенно, тот круг «избранных», которые становились доверенными лицами вождя. К числу таких лиц, несомненно, может быть отнесен и Шкирятов, чье возвышение можно обнаружить «невооруженным глазом»: с 19 июля 1931 г. он становится постоянным представителем ЦКК в Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б), хотя уже с января 1930 вплоть до 1954 г. присутствует на всех заседаниях Политбюро Президиума ЦК ВКП(б)-КПСС ³⁰, войдя в высшую партийную номенклатуру.

Из отрезка времени до середины 1930-х гг. следует, пожалуй, упомянуть два эпизода. Первый из них относится к осени 1930 года.

Достоверно известно, что Шкирятов участвовал в деятельности Комиссии, которая занималась следствием по делу «антипартийной группы» Сырцова-Ломинадзе, обвинявшихся в создании «фракционных подпольных групп», объединившихся в «лево-правый блок» на основе общей политической платформы, совпадающей во всем основном с платформой правых оппортунистов»³¹. Из стенограммы объединенного пленума ЦК и ЦКК и доклада Орджоникидзе видно, что его коллега Шкирятов принимал активное участие в «допросах-проработках», а также выступал инициатором публичного призыва к ответу «фракционеров»³², а затем составлял резолюцию по этому делу³³.

Второй эпизод, уже прямо указывающий на особое расположение Сталина к партийному контролеру, относится к 1933 году. Весной М.А. Шолохов обратился к Сталину с письмом, в котором сообщал о многочисленных фактах злоупотреблений — избиениях, жестоких пытках крестьян, издевательствах и надругательствах — со стороны партийно-советских работников при проведении хлебозаготовок в его родном Вешенском районе³⁴. Сталин исключительно из прагматичного стремления использовать этот случай, чтобы продемонстрировать «великодушие» и проницательность партии, распорядился, предварительно обсудив этот вопрос с Молотовым, предоставить жителям Вешенского района дополнительный резерв зерна.

Однако, дело этим не ограничилось. В Вешенский район для специального расследования был направлен Шкирятов, который допросил представителей районного руководства. 4 июля 1933 г. Политбюро заслушало сообщение Шкирятова о перегибах в Вешенском районе, в результате было принято постановление ЦК, гласившее: «ЦК считает, что совершенно правильная и абсолютно необходимая политика нажима на саботирующих хлебозаготовки колхозников была искривлена и скомпрометирована в Вешенском районе, благодаря отсутствию достаточного контроля со стороны крайкома». По итогам расследования были сняты с работы второй секретарь Азово-Черноморского крайкома Зимин, секретарь Ростовского ГК ВКП(б) Овчинников, ряд работников получили строгие выговоры³⁵. О том, что миссия Шкирятова была им выполнена успешно, говорит и тот факт, что впоследствии, в феврале 1938 г., Шолохов в новом письме к вождю просил распутать «вешенский клубок»³⁶ до конца и командировать для этого именно Шкирятова³⁷.

Таким образом, Шкирятов в глазах Сталина прошел «испытательный срок», беспрекословно выполнив все поручения и указания вождя, не давая повода усомниться в своей преданности лично ему и проводимому им курсу.

Все это предопределило продолжение дальнейшей безупречной карьеры Шкирятова. В 1934 г. по итогам XVII съезда ВКП(б) произошла реорганизация системы партийно-политического контроля. Объединенный наркомат НК-ЦКК РКИ ликвидировался, а вместо него создавались два новых ведомства — Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Комиссия советского контроля при СНК СССР. Последнее учреждение, фактически, унаследовало сферу компетенций бывшей секции РКИ и не получило никаких перспектив развития, просуществовав лишь до 1938 года. Зато КПК при ЦК

ВКП(б) стала надежным инструментом утверждения сталинской диктатуры, многократно в функциональном смысле превзойдя бывшую ЦКК. КПК создавалась как специальная, автономная от региональной администрации и всех иных уровней управления коллегия судебно-следственного типа.

Новый институт власти стал олицетворением принципа единоначалия, необходимого для проверки исполнения директив ЦК ВКП(б) и СНК СССР, проведения масштабной идеологической экспертизы парторганизаций и хозяйственных объектов, направленной на сбор компрометирующих материалов, впоследствии использованных в годы большого террора. С 1934 г. и до конца жизни КПК станет ведомственной площадкой, трибуной самореализации, предоставленной Матвею Шкирятову. В феврале 1934—1939 г. в литературе он фигурирует как член-секретарь КПК, член бюро КПК, а с 1939 по 1952 г. — как заместитель председателя Комиссии, официально возглавив ее в 1952 г. после XIX съезда партии, переименовавшим комиссию в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС. В действительности, ни Каганович, состоявший председателем КПК в 1934—1935 гг., ни Ежов (февраль 1935—1939 гг.), ни тем более А.А. Андреев (1939—1952 гг.) такой роли, как Шкирятов в этом ведомстве не играли. Каганович, как известно, был больше хозяйственником, курировавшим строительство московского метрополитена сначала как секретарь Московского комитета партии, затем продолжил транспортную специализацию на посту наркома путей сообщений. На Ежова, назначенного 27 февраля 1935 г. председателем КПК, налагалось обязательство «девять десятых своего времени отдавать НКВД»³⁸. Что касается Андреева, то заметных следов на посту председателя КПК он вообще не оставил. Зато Шкирятов вполне оправдал данную в отношении него характеристику Хрущева, писавшего, что: «Шкирятов — старый большевик, но Сталин обратил его в свою дубинку. Он слепо, именно слепо, делал все так, как говорил Сталин, и как тот следователь, который вел следствие по делу Чубаря, вытягивал своими иезуитскими методами признания в несуществующих преступлениях. Иногда Сталин нуждался в том, чтобы Комиссия партийного контроля разобрала дело и уж потом исключила из партии обвиняемого, подтвердив, так сказать, подозрения. После этого его сейчас же хватили в приемной Шкирятова и волокли, куда следует. А там была уже предreshена расправа. И сколько таких было! Погибли тысячи людей!»³⁹.

Действительно, после возникновения КПК Шкирятов получает прямую возможность выступать в роли «серого кардинала» — не очень заметного, но незаменимого исполнителя, появляющегося в определенных месте и время, подчиняясь исходящему от Сталина «закону» политической целесообразности. Именно экстремальной функционально-целевой мобилизацией можно объяснить периоды «затишья» — отсутствия какой-либо существенной информации о результатах деятельности партийного контролера, который уходил в «тень», если не было необходимости персонального воздействия с его стороны на тот или иной участок «хозяйственно-политического фронта».

Так, если говорить о второй половине 1930-х гг., то среди первых политических акций, в которых участвовал Шкирятов уже в качестве сотрудника КПК, стало «кремлевское дело», предпринятое в январе-

апреле 1935 г., и связанное с разоблачением ряда сотрудников аппарата Кремля, начиная от административных работников до обслуживающего персонала, обвинявшихся в террористических намерениях в отношении руководителей партии и правительства. Как совершенно верно утверждает Хлевнюк, материалы «кремлевского дела» были использованы для дискредитации с последующим устранением старого большевика Енукидзе, что можно рассматривать как важный шаг на пути утверждения сталинской диктатуры, поскольку эта атака стала «фактически первым ощутимым ударом по “ближнему кругу”»⁴⁰. В организации этой атаки и принял прямое участие Шкирятов, которому в феврале 1935 г. вместе с Ежовым было поручено проверить «вотчину» Енукидзе — аппарат ЦИК и ВЦИК РСФСР на предмет «наличия элементов разложения и обеспечения полной секретности всех документов»⁴¹. 21 марта Политбюро по итогам этой проверки утвердило «Сообщение ЦК ВКП(б) об аппарате ЦИК СССР и тов. Енукидзе», в котором последний уже прямо обвинялся в утрате «политической бдительности»⁴², а вскоре, ссылаясь на «одобрение» со стороны Шкирятова и Калинина, Сталин добился номенклатурного понижения Енукидзе, который был снят с поста секретаря Президиума ЦИК и назначен лишь уполномоченным этого органа власти⁴³.

Следующим эпизодом с привлечением Шкирятова, если придерживаться хронологии, следует считать его «региональную миссию», осуществленную уже в годы «большого террора» — содействие Кагановичу, выехавшему в Ивановскую область для выявления «врагов народа» на волне установок февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. среди номенклатурного состава местных партийных организаций. На пленуме Ивановского обкома ВКП(б), прошедшего 3—5 августа 1937 г., усилиями сурового «тандема» Каганович-Шкирятов состоялись комплексные разоблачения. Были окончательно дискредитированы и вскоре арестованы: первый секретарь ОК ВКП(б) И.П. Носов, второй секретарь Л.И. Ковалев, третий — Д.С. Епанечников, заведующий отделом пропаганды обкома ВКП(б) И.М. Михайлов, председатель облисполкома С.П. Аггеев, его заместитель В.Ф. Королёв, председатель областного совета профессиональных союзов И.Н. Семагин, секретарь обкома ВЛКСМ З.А. Адмиральская, а также многие представители «старого руководства» — «разоблаченные» в разное время: бывший первый секретарь ИПО в 1929—1932 гг. Н.Н. Колотилов, начальник Главка, управляющий Облсовнархозом Г.К. Кисельников, председатель Ивановского облисполкома в 1932—1933 гг. Н.А. Кубяк, председатель ВСНХ Иваново-Вознесенской губернии в 1917—1931 гг. Г.П. Константинопольский (Янковский), бывший заведующий агитмассовым отделом Е.Г. Пестун и другие «участники контрреволюционной организации», «разросшейся» к августу-сентябрю 1937 г. до 157 человек⁴⁴.

О визите Шкирятова и Кагановича оставил воспоминания начальник управления Рабоче-крестьянской милиции (РКМ) г. Иванова и заместитель начальника УНКВД по Ивановской области в то время М.П. Шрейдер: «Когда Каганович и Шкирятов вышли из вагона, Шкирятов, увидев меня и пожимая мне руку, сказал: “А, голубок, и ты здесь. Ну, значит, все будет в порядке”. И, обращаясь к Кагановичу, пояснил: “Ведь я с ним в одном номере в гостинице

“Казанское подворье” две недели жил. Мы там целый полк воров и вредителей разгромили” (Шкирятов возглавлял комиссию ЦК, выезжавшую в 1932 г. в Казань для проверки вскрытого мною дела о хищении спирта на пороховом заводе, в котором было замешано свыше 100 человек, в том числе 39 работников ГПУ. Это дело слушалось на Политбюро ЦК, где я был содокладчиком)». И далее, о ходе пленума: «Все произошло очень быстро. Каганович и Шкирятов назвали ряд фамилий руководящих работников, обвинив их в троцкизме и прочих грехах. Всех их тут же на пленуме исключили из партии и по выходе из зала арестовали. Для этой цели Радзивиловский (начальник УНКВД по Ивановской области. — К.Ю.) заранее вызвал в помещение обкома своих сотрудников»⁴⁵.

Именно Шкирятов сыграл существенную роль в стремительном падении наркома внутренних дел СССР Ежова. Как сообщает А.Е. Павлюков, в конце апреля 1938 г. сам Сталин поручил Шкирятову съездить в г. Ворошиловск, откуда поступило заявление с жалобами на фальсификацию и провокационные методы ведения следствия, и разобраться в ситуации. Несмотря на попытки Ежова «нейтрализовать» Шкирятова, направив вместе с ним своего человека — начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД В.Е. Цесарского, — внутрипартийный контролер оказался проворнее и узнал гораздо больше, чем следовало и обо все доложил вождю⁴⁶. Более того, впоследствии, во время допросов, Ежов признался, что использовал не только НКВД, но и военную группу КПК для работы на немецкую разведку⁴⁷. Однако все компрометирующие материалы, собиравшиеся в течение длительного времени, несколько не затронули Шкирятова, который, продолжил свое служение «генеральной линии партии» и после январского пленума ЦК ВКП(б) 1938 г., принявшего постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков»⁴⁸, после которого началась кампания по частично-демонстративной реабилитации несправедливо осужденных, ставших жертвами клеветы со стороны активистов-разоблачителей, что было инициировано «сверху» как тактический маневр, — приостановление маховика репрессий, приведшего к избыточным результатам, — многочисленным человеческим потерям и соответственно — кадрово-экономической дестабилизации. В разоблачении разоблачителей приняли участия Шкирятов и А.А. Жданов. Речь идет о так называемой «группе Напольской» — нескольких сотрудниках институтов г. Ленинграда, возмнивших себя авангардом в борьбе с «врагами». «Успокоить» этих товарищей были направлены Шкирятов и Жданов, под руководством которых готовился проект решения для рассмотрения Оргбюро ЦК. В этом проекте говорилось, что участники группы «создававшейся под флагом разоблачения враждебных элементов, главным образом, в научно-исследовательских институтах и учебных заведениях Ленинграда, стали претендовать на особую роль и заслуги в деле разоблачения врагов, пытаясь создать для себя из критики и разоблачительской работы особую монополию»⁴⁹. В итоге, эту группу осудили как антипартийную, а Ленинградскому комитету ВКП(б) было предписано разобраться с «ложными доносами».

Важным эпизодом этого времени следует считать атаку на руководство ВЛКСМ, к которой прямое отношение имел Шкирятов. Осенью 1938 г. инструктор ЦК ВЛКСМ О.П. Мишакова написала Сталину письмо, в котором жаловалась на руководство ВЛКСМ. 19—22 ноября 1938 г. собрался VII пленум ЦК ВЛКСМ, который заслушал и обсудил доклад Шкирятова о результатах разбора заявления Мишаковой и о положении дел в ЦК ВЛКСМ. После этого были сняты с постов секретарей ЦК ВЛКСМ А.В. Косарев, С.Я. Богачев, В.Ф. Пикина «за бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работниками комсомола, пытавшимся вскрыть недостатки в работе ЦК ВЛКСМ, и расправу с одним из лучших комсомольских работников (дело тов. Мишановой)»⁵⁰.

О деятельности Шкирятова в период Великой Отечественной войны известно мало. В чрезвычайных условиях персонально адресованные и заблаговременно спланированные репрессивные атаки стали минимальными.

Одно из самых известных «дел», выступавшего ядром кампании борьбы с «безродным космополитизмом», стало дело Еврейского антифашистского комитета ЕАК, объявленного в 1949 г. «шпионской организацией еврейских националистов»⁵¹. Однако, по утверждению Маленкова, Политбюро занималось делом ЕАК как минимум трижды⁵². В первой атаке на ЕАК и участвовал Шкирятов, который выступил по линии КПК с инициативой прекращения деятельности ЕАК в связи с идейно-институциональным перерождением данного ведомства. Об этом свидетельствует докладная записка, составленная Шкирятовым и заместителем начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) Е.Е. Андреевым, в которой говорилось: «По нашему мнению, такие намерения работников Комитета (имеется в виду деятельность руководителей этого ведомства С.М. Михоэлса и И.С. Фелера, предпринимавших попытки установить связи с границей. — *К.Ю.*) превратить эту организацию в какой-то Комиссариат по Еврейским делам — политически вредны и являются искажением тех задач, которые были определены при создании Еврейского Антифашистского Комитета». И далее: «Наше глубокое убеждение, Еврейский Антифашистский Комитет нельзя оставлять в том состоянии, в котором он находится в настоящее время, и есть неотложная необходимость рассмотреть вопрос о его дальнейшей работе»⁵³.

28 марта 1947 г. вышло Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах СССР и центральных ведомствах», которые представляли собой функциональный аналог партколлегий Комиссии партийного контроля, с той лишь разницей, что вместо следствия суд чести, состоявший из 5—7 назначенных «агентов-обвинителей», собирався уже на заблаговременно срежиссированное бичевание с predetermined результатом (порицание, выговор или передача дела следственным органам) за «антипатриотические, антигосударственные и антиобщественные» проступки, «роняющие честь и достоинство советского работника». Для того, чтобы каждый такой политический процесс проходил в установленном русле, требовался грамотный и опытный организатор, лишенный «ненужных» эмоций и общечеловеческого сострадания, которое рассматривалось тогда, как проявление «гнилого либерализма», способный сохранять идейную последовательность и педантичность от начала до конца.

Нам известно два случая с привлечением Шкирятова в качестве «дирижера» на судах чести. Первый относится к осени 1947 г., когда временно курировавший идеологические вопросы (в период отсутствия по болезни Жданова) секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецов на заседании Оргбюро предложил создать специальную комиссию, призванную усилить эффект от «дела профессоров Клюевой и Роскина», обуздать «излишне болтливых людей», позволяющих себе сомневаться в справедливости советского «правосудия», а также ударить по пережиткам коллегиальности⁵⁴. В реализации этой программы и участвовал Шкирятов, рассматривавшийся руководством как главное и самое сильное звено этой комиссии⁵⁵, имеющий солидный опыт нужного «перевоспитания» высшей партийной номенклатуры — министров, которые, по мнению Кузнецова, позволяли себе проявлять аполитичность и саботировать идеологическую оценку тех или иных событий.

Второй случай относится уже к 1949 году. Из сообщения заведующего секретариатом заместителя председателя СМ СССР А.К. Горчакова — А.Н. Косыгину о текущих делах в Совете министров (СМ) СССР от 9 июля 1949 г. мы узнаем, что Шкирятов являлся членом Суда чести при СМ СССР, который начал работу 6 июля. В связи с выявленными фактами «массового воровства на предприятиях Министерства пищевой промышленности СССР» было решено привлечь к Суду чести при Совете Министров СССР и Центральном Комитете ВКП(б) министра пищевой промышленности СССР Зотова В.П., первого заместителя министра пищевой промышленности СССР Пронина Н.И., начальника Главного управления спиртовой промышленности Министерства Гудзенко И.Ф. Шкирятову было поручено выступить на Суде чести, поскольку, как указывалось в постановлении, «вопрос о партийной ответственности Пронина и Гудзенко решался в КПК». Предварительная «проработка» указанных товарищей состоялась еще 19 июня 1949 г., когда Шкирятов выступал с докладом на заседании Политбюро, на которое были специально вызваны будущие подсудимые — Пронин, Гудзенко и Зотов⁵⁶.

О высокой степени доверия, которым пользовался Шкирятов у Сталина, говорит выполнение им специальных миссий, которым сам вождь придавал большое значение. В декабре 1948 г. именно Матвей Шкирятов и его ведомство совместно с МГБ СССР и В.С. Абакумовым организовали «дисциплинирующую атаку» на Молотова, обвинив его жену, П.С. Жемчужнину, в связи с «еврейскими националистами, не заслуживающими политического доверия и подозреваемыми в шпионаже». В результате спутница жизни второго человека в партии была исключена из рядов ЦК ВКП(б), а сам Молотов был вынужден покаяться, что его воздержание на голосовании в Политбюро по поводу судьбы Жемчужниной было «политически ошибочным»⁵⁷, чего, собственно, и добивался Сталин, желавший своим излюбленным «иезуитским» методом приструнить одного из своих старых соратников.

Другое ответственное спецзадание, которое получил Шкирятов, несомненно, лично от Сталина, было связано с подготовкой к политической дискредитации молодого выдвиженца в высшие эшелоны власти, академика АН СССР и председателя Госплана Н.А. Вознесенского, против которого Комиссия партийного контроля в августе 1949 г. начала собирать компрометирующие материалы. О ходе пред-

принятой «атаки» со стороны КПК поведал сам Вознесенский. В докладной записке, датированной 1 сентября 1949 г. на имя Сталина, он с недоумением писал: «...меня вызвали сегодня в КПК к товарищу Шкирятову и сообщили, что проверкой в Госплане установлена пропажа за последние 5 лет 236 секретных и совершенно секретных документов, а лица, виновные в их пропаже, не отдавались под суд, как того требуют советские законы...». Пытаясь оправдаться, Вознесенский заявил, что совершенно ничего не знает об этих фактах, а сообщение Шкирятова стало для него неожиданным. Однако, эти аргументы не были приняты во внимание. 7 сентября 1949 г. вышло постановление КПК при ЦК ВКП(б), обобщавшее результаты проведенной экспертизы Госплана. Вознесенский был обвинен в двурушнических действиях, выразившихся в частности, в «засорении» аппарата Госплана «лицами, не внушающими политического доверия», а также — нарушении закона об охране государственной тайны СССР. 11 сентября 1949 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О многочисленных фактах пропажи секретных документов в Госплане СССР», которое предписывало исключить Вознесенского из членов ЦК ВКП(б) ⁵⁸. В дальнейшем, как известно, атака на Госплан и его руководителя стала отправной точной и составным компонентом «Ленинградского дела», в разработку которого, тем самым, внес свой вклад и Шкирятов. Серго Берия ⁵⁹ писал в своих мемуарах: «Судьбу Кузнецова, Вознесенского, да и всего так называемого “Ленинградского дела” решала комиссия ЦК, что вполне понятно, учитывая положение обвиняемых. В ее состав входили Маленков, Хрущев и Шкирятов. Смерть ленинградских руководителей в первую очередь на их совести. Лишь одна деталь, на которую в течение многих лет предпочитают закрывать глаза отечественные историки: все допросы обвиняемых, проходивших по этому “делу”, вели не следователи МГБ, а члены партийной комиссии» ⁶⁰.

Последними крупными идеологическими делами, свидетельствовавшими в пользу версий о том, что иногда внутрипартийный контроль играл не менее важную роль, чем органы госбезопасности, стали обстоятельства устранения министра МГБ Абакумова, а также готовившийся Сталиным удар по Берии. Главным исполнителем-фигурантом здесь вновь выступил суровой партийный контролер Матвей Федорович Шкирятов. 4 июля 1951 г. комиссии в составе Маленкова (председатель), Шкирятова, Берии и тогда еще только представителя ЦК В МГБ С.Д. Игнатьева было поручено проверить факты, изложенные в записке старшего следователя по особо важным делам М.Д. Рюмина, которая поступила 2 июля. В ней Рюмин сообщал факты «неблагополучного положения в МГБ СССР». Как выяснилось, министр МГБ Абакумов создавал препятствия для расследования «дела врачей», в частности, распорядился поместить в неблагоприятные для здоровья условия врача Этингера, по этой причине скончавшегося в заключении, виновного в смерти секретаря Московского комитета ВКП(б) А.С. Щербакова и поэтому способного выступить важным свидетелем по делу о «заговоре» против руководителей партии и правительства, якобы готовившегося «законспирированной группой врачей, выполняющих задания иностранных разведок по террористической деятельности» ⁶¹. В результате, Абакумов был не только

освобожден от должности министра МГБ, но и исключен из партии, отправлен в Лефортовскую тюрьму, а в 1954 г. расстрелян.

Вскоре после окончания «дела Абакумова» Шкирятов был мобилизован на аналогичную партийно-технологическую операцию по фальсификации так называемого «мингрельского дела», направленного против Берии. 9 ноября 1951 г. вышло постановление Политбюро «О взяточничестве в Грузии и об антипартийной группе т. Барамия». Вторым секретарь ЦК компартии Грузии М.И. Барамия был объявлен главой группы «мингрельских националистов», в которую также входили: министр юстиции А.Н. Рапава, прокурор Грузии В.Я. Шония, заведующий административным отделом ЦК компартии Грузии Н.И. Кучава. Ранее, на «подготовительной стадии» этого дела был разоблачен во взяточничестве сухумский прокурор Гвасалия, который был приговорен грузинским Верховным Судом к 10 годам лишения свободы, однако, как видно из постановления, Барамии с помощью своих служебно-профессиональных связей, удалось «реабилитировать» Гвасалию. Шкирятову было поручено разработать центральный, «московский след». В составе комиссии, сформированной весной 1952 г., он вместе с Пономаренко, гепрокурором СССР Сафоновым и Егоровым проводил расследование, окончившееся разоблачением К.А. Мокичева, как оказавшего содействие «националистам», поскольку последний «извратил» правосудие — добился «отмены правильного решения суда и освобождения Гвасалии из тюрьмы». Мокичев за «антигосударственное отношение к своим служебным обязанностям» был снят с работы и исключен из партии постановлением Политбюро от 29 мая 1952 года⁶². С завершением «мингрельского дела», по сути, закончилась и привычная динамика в жизни Шкирятова, зависевшая от ритмов активности его непосредственного вдохновителя — Сталина. В ноябре 1952 г. он был назначен на должность председателя КПК, переименованной в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, в августе 1953 г. получил Орден Ленина в связи с 70-летием со дня рождения и за заслуги перед коммунистической партией.

Скончался Матвей Федорович 18 января 1954 г., похоронен на Красной площади, в Москве.

На протяжении многих лет Шкирятов был влиятельным «серым кардиналом», работавшим в структурах ЦКК, КПК. В ходе исследования удалось создать скорее его историко-политический портрет, при минимальном наличии «личностных характеристик», что обусловлено, прежде всего, практическим отсутствием таковых в источниках. Тем не менее, это не является препятствием для того, чтобы ответить на вопрос: почему Сталин выбрал Шкирятова в качестве неприкосновенного лица, ни разу не подвергавшегося никаким компрометациям, а наоборот — получившего доступ ко всей секретной информации, приватным сведениям, касающимся деятелей «большевистской элиты» гораздо более высокого ранга? Ответ на этот вопрос предельно прост: в глазах Сталина Шкирятов полностью отвечал нужным критериям: был исполнительным, обладал строго дозированной и соответствующей настроением вождя инициативой, личной обособленностью внутри номенклатурной корпорации, аскетизмом и неприхотливостью, жертвенной преданностью, энергичностью в деле

«партийного строительства». Все эти качества создали в совокупности идеальный портрет коммуниста-партийного контролера, жизненные приоритеты которого полностью совпадали с «линией партии» и никогда не выходили за пределы дозволенного — ни в сторону избыточной активности, ни бездействия, которое, например, как считал Молотов, позволил себе бывший нарком ЦКК РКК Я.Э. Рудзутак, уничтоженный только на том основании, что «занимался самоублагодотворением» и «настоящей борьбы, как революционер, уже не вел»⁶³.

Примечания

1. ХЛЕВНЮК О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. 1992, с. 172.
2. ПАВЛЮКОВ А.Е. Ежов. Биография. М. 2007, с. 195—196.
3. ХАУСТОВ В., САМУЭЛЬСОН Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936—1938 гг. М. 2010, с. 104.
4. КОСТЫРЧЕНКО Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М. 2010, с. 145.
5. ВАКСБЕРГ А. Царица доказательств. М. 1992, с. 287.
6. БУНИЧ И.Л. Золото партии. (500-летняя война в России). М. 2005, с. 307.
7. Известия ЦК КПСС. 1990, № 7, с. 133.
8. ИКОННИКОВ С.Н. Организация и деятельность РКК в 1920—1925 гг. М. 1960, с. 114.
9. Справочник по истории Коммунистической партии Советского Союза. 1898—1991. <http://www.knowbysight.info/ShSS/07363.asp>.
10. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.) Справочник. М. 2008, с. 762.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 558, оп. 4, д. 585. I-IV.
12. На приеме у Сталина, с. 8, 746.
13. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М. 2003, с. 95.
14. Там же, с. 129.
15. XIV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1926, с. 571.
16. XII съезд РКП(б). 17—25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М. 1968, с. 244, 247.
17. XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М. 1928, с. 535.
18. Там же, с. 1317—1319.
19. Там же, с. 537.
20. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936. Сб. документов. М. 1995, с. 102.
21. Сталинское Политбюро в 30-е гг. Сб. документов. М. 1995, с. 58.
22. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 гг., с. 390.
23. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939 гг. М. 2001, с. 182—183.
24. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917—1953. М. 1999, с. 742, 747.
25. Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М. 1999, с. 36—37, 80—81.
26. Там же, с. 63.
27. Сталинское Политбюро в 30-е гг., с. 46.
28. Там же, с. 60—61.
29. Сталин и Каганович. Переписка, с. 299.
30. Сталинское Политбюро в 30-е гг., с. 183—207, 209—211, 213—250.
31. Там же, с. 106.

32. Там же, с. 102, 105.
33. ХЛЕВНЮК О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е гг. М. 1996, с. 45.
34. Шолохов и Сталин. Переписка начала 30-х годов. — Вопросы истории. 1994, № 3, с. 7—18.
35. Письма И.В. Сталина В.М. Молотову, с. 245—245.
36. Его собственное выражение, которым он обозначил действительно сложные процессы взаимных арестов и бомбардировки компрометирующими материалами, возникших после ареста секретаря крайкома Б.П. Шеболдаева.
37. Власть и художественная интеллигенция, с. 387, 403.
38. Сталинское Политбюро в 30-е гг., с. 150.
39. ХРУЩЕВ Н.С. Время. Люди. Власть (Воспоминания). Ч. 1. М. 1999, с. 193.
40. ХЛЕВНЮК О.В. Хозяин и утверждение сталинской диктатуры. М. 2010, с. 253.
41. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 гг., с. 617.
42. ХЛЕВНЮК О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры, с. 253.
43. Сталин и Каганович. Переписка, с. 558.
44. Материалы к отчету Обкома ВКП(б) V областной партконференции. Январь 1934 — май 1937 г. Иваново, 1937, с. 44—45.
45. ШРЕЙДЕР М.П. НКВД изнутри. Записки чекиста. <http://e-libra.ru/read/355139-nkvd-iznutri-zapiski-chekista.html>.
46. ПАВЛЮКОВ А.Е. Ук. соч., с. 195—196.
47. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. Архив Сталина. М. 2006, с. 56.
48. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М. 1985, т. 7, с. 8—9.
49. Цит. по: ХЛЕВНЮК О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры, с. 391—392.
50. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М. 1998, с. 751.
51. Сталин и космополитизм. 1945—1953. Документы агитпропа ЦК. М. 2005, с. 220.
52. Известия ЦК КПСС. 1989, № 12, с. 38.
53. Сталин и космополитизм, с. 194.
54. Речь идет о коллегиях, созданных при наркоматах СССР 13 марта 1938 г. для рассмотрения практических вопросов, касающихся «проверки исполнения, подбора кадров...».
55. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945—1953 гг. М. 2002, с. 236—237.
56. Там же, с. 132, 135, 328.
57. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, с. 312—313.
58. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, с. 293, 297—300.
59. При этом его суждения, конечно, нельзя считать полностью объективными, ибо, как он сам признавался, они были направлены на опровержение обвинений против отца, Л.П. Берии, который вряд ли мог оставаться непричастным к «Ленинградскому делу», несмотря на доминирование партконтроля. Однако, тем не менее, позднее, на июньском пленуме ЦК КПСС 1957 г. Г.М. Маленков сделал следующее заявление: «... Относительно партийной тюрьмы. Вам известно, и запись есть такая, боюсь неточно сказать, в какое время это было, но действительно тов. Сталин посоветовал мне и продиктовал то, что там изложено с тем, чтобы я вызвал тов. Шкирятова, поговорил с ним, сказал, что требуется организовать такую тюрьму, имея в виду, что он не доверял органам МГБ, и что нужно провести ряд следственных дел в этой тюрьме». В этот «ряд следственных дел» Маленков помещал и «Ленинградское». Все эти факты также подтвердил Н.М. Шверник и некоторые другие. См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957, с. 48, 294—295, 372, 421.
60. БЕРИЯ С. Мой отец Лаврентий Берия. М. 1994.
61. Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР, с. 343—344.
62. Там же, с. 350—355.
63. ЧУЕВ Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991, с. 411—412.

Казус Засулич

Ю.А. Пелевин

По случайному стечению обстоятельств 24 января, в день выстрела в Трепова, на должность председателя Санкт-Петербургского окружного суда вступил А.Ф. Кони. Он был протее К.И. Палена и многим обязан своему покровителю. Перед процессом между ними состоялось несколько разговоров, неприятного характера. 27 марта министр Пален прямо заявил будущему председателю суда, что Засулич должна быть осуждена: «Обвинитель, защитник, присяжные — все вздор, тут все зависит от вас!... Если Анатолий Федорович захочет, то он так им скажет, что они сделают все, что он пожелает!» — уверял Пален. Кони заявлял, что умение председателя состоит в беспристрастном соблюдении закона. И угодного министру юстиции исхода процесса он предвосхитить не может¹. Но может «ручаться за соблюдение по этому делу полного беспристрастия и всех гарантий правильного правосудия»².

Взять на себя защиту подсудимой готовы были многие адвокаты. Роль защитника досталась П.А. Александрову, бывшему товарищу прокурора судебной палаты, на то время еще не имевшему популярности присяжному поверенному³. Ссылаясь на свой профессиональный опыт, он уверял: «Забудьте мои старые грехи, передайте мне защиту Веры Засулич, я сделаю все возможное и невозможное для ее оправдания, я почти уверен в успехе»⁴. Засулич согласилась с кандидатурой Александрова по совету Е.К. Брешко-Брешковской, с которой сидела в ДПЗ. Ей адвокат понравился своей речью на «Процессе 193-х»⁵.

Александров энергично занялся подготовкой к процессу. Почти каждый день он посещал окружной суд по разбору уголовных дел. Сидя среди публики, он изучал характеры присяжных заседателей, избранных по жребию на очередную сессию, — кто тверд в своем мнении, а кто мягок и внушаем. Александров знал, что входные билеты на предстоящий процесс усиленно разбираются сановно-бюрократическими персонами, относившимися недоброжелательно к Тре-

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2015. № 1.

пову. По всей видимости, они должны сочувственно относиться к подсудимой, чем могли повлиять на присяжных ⁶.

Александров отвел из 12-ти присяжных заседателей 11 человек. Он убрал почти всех купцов, по своей деятельности наиболее зависимых от градоначальника; исключил двух действительных статских и одного статского советника, имевших свои собственные суждения. Были отобраны чиновники среднего положения и интеллигенты: один «свободный художник», «действительный студент», помощник смотрителя Александров-Невского духовного училища, четыре надворных и один титулярный советник, купец, коллежский секретарь, коллежский регистратор и один дворянин ⁷. Избранные присяжные чувствовали себя столь неуверенно, что накануне заседания попросили судебного пристава узнать у председателя суда, не следует ли им надеть фраки, у кого были, и белые галстуки. Кони велел передать, что не находит это нужным.

Такая селекция присяжных происходила при согласии, если не при попустительстве, прокурора К.И. Кесселя, которому поручили на процессе обвинение Засулич. Опытный К.П. Победоносцев раздраженно и справедливо отмечал, что прокурор «мог бы отвести всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел... Тогда и приговор присяжных мог быть совсем иной» ⁸. Такого же мнения был и государственный секретарь Е.А. Перетц. «Таким образом, состав присяжных был благоприятный подсудимой» ⁹.

Подготовительную работу Александров провел и с Засулич. Он пытался убедить ее сделать «некоторые смягчающие ее положение заявления, например, что она не стремилась выстрелить в Трепова, а готова была пустить пулю мимо, так как цель ее заключалась в том, чтобы обратить общественное внимание на возмутительное распоряжение Трепова. Но Вера Ивановна категорически отказалась от таких ухищрений и потребовала от адвоката «обещания не прибегать к извращению действительности, дав ему недвусмысленно понять, что в противном случае ей придется отказаться от его защиты» ¹⁰.

Накануне суда защитник явился в тюрьму с картонкой в руках — он привез мантильку. Ему, предусматривавшему все мелочи, хотелось, чтобы подсудимая в глазах публики выглядела привлекательней, благоприличней. Александров пояснил обвиняемой: «Наш народ полон предрассудков, например, принято считать, что кто ногти грызет, тот злой человек, а у вас есть эта привычка. Пожалуйста, воздержитесь на суде, не грызите ногтей». На суд Засулич явилась без мантильки, зато пообещала не грызть ногти ¹¹.

Суд. Процесс Веры Засулич занял всего один день — 31 марта 1878 года. Здание Петербургского окружного суда, Шпалерная 26, находилось в бывшем арсенале, приспособленном в середине 1860-х гг. для «судебных установлений». Фасадом постройка выходила на Литейный проспект, а переходом вдоль Шпалерной соединялась с ДПЗ для удобной доставки обвиняемых в суд.

Судебный зал к 11 час. утра был набит битком. Преобладала петербургская интеллигенция из чиновников. Присутствовала, конечно, «целая плеяда сановников; мундиры, вицмундиры, звезды. Звездам так тесно, как на млечном пути, — свидетельствовал очевидец процесса Г.К. Градовский. — Тут и члены Государственного совета, и сенаторы. Начиная от скамей присяжных заседателей, сидят пред-

ставители суда, знаменитости адвокатуры, журнальные, литературные известности. В обоих входных коридорах теснится еще толпа вицмундиров и фраков. В местах, обыкновенно занимаемых публикою, внизу и наверху, пестрят дамские платья; называют несколько громких имен петербургской аристократии; между ними опять вицмундиры и фраки. Ничего серенького, ничего обыденного. Публика впускалась по билетам, заранее распределенным!»¹² В первом ряду — военный министр Д.А. Милютин, неподалеку — государственный канцлер А.М. Горчаков.

Трепов отказался от участия в суде по состоянию здоровья. Даже снятие допроса у него дома оказалось невозможным, так как «могло вредно сказаться на ходе лечения». Однако к началу судебного разбирательства Трепов совершенно оправится и, разъезжая в коляске по городу, уверял всех и каждого, что будет рад, если покушавшаяся будет оправдана¹³.

На скамье подсудимых сидела довольно симпатичной наружности девушка. В свои 28 лет Засулич выглядела молодо, но внешней броскостью не блистала, скорее, была бесцветна, что называется «серенькая мышка». Брюнетка, среднего роста, со скромной прической, в черном платье. «Бледные, исхудалые черты лица ее носят следы душевных страданий и физических лишений. Говорят, это подсудимая!»¹⁴

Обвинение поддерживал товарищ прокурора Петербургского окружного суда Кессель. Он случайно попал на эту историческую роль после того, как два других прокурора отказались участвовать в процессе. Кессель провел обвинение довольно искусно, хотя и прочитал речь по бумажке. По указанию Плена в обвинительном акте не было и намека на политический характер прецедента. На юридическом обосновании факта преступления прокурор не задержался, так как криминальность его была всем очевидна. Упор был сделан на «самоуправство» Засулич и «безнравственность» ее акции. «Никто не имеет права, — утверждал прокурор, — производить такие действия, которые нарушают права, а тем более касаются жизни другого лица. Каждый волен любить или ненавидеть кого ему угодно, но никто не может нарушать чужих прав». «Какое право имела Засулич считать свое собственное решение чем-то вроде суда. Какое право она имела присваивать своим взглядам те последствия, которые имеет только судебный приговор». Кессель настаивал, что любой «провинившийся человек», подразумевая Трепова, но не называя его, имеет право на суд закона, а не на самосуд; «никакие самые красноречивые рассуждения не сотрут пятен крови с рук, покусившихся на убийство». И, развивая свою мысль далее, он утверждал: «Нужно удивляться, что находятся еще люди, которые предполагают, что при помощи безнравственных средств можно достигнуть нравственных целей»¹⁵.

По существу прокурор был прав, но его речь не произвела впечатления. Проблема моральности революционного насилия встала во всей силе перед российским обществом намного позже. А тогда в зале суда Кесселя не захотели услышать.

Однако проблема революционной морали напрямую затрагивала людей из подполья, и они заочно отвечали государственному обвинителю. Их интересовал вполне конкретный вопрос в условиях имперской власти — как можно утвердить справедливые и законные права человека, которые отсутствуют в незаконном государстве. В

прокламации, написанной Д.А. Клеменцем¹⁶, спрашивалось: «Каким путем мог Боголюбов, сосланный в центральную тюрьму, вступить за свое поруганное человеческое достоинство? Мы, пишущие эти строки, нисколько не сторонники насилия. Мы боролись и боремся за права человека, за водворение мира и гуманности на земле, но мы всенародно решаемся почтительно принести нашу глубокую благодарность тебе, бесстрашная русская девушка, не отступившая перед страшной кровавой мерой и собственной гибелью, когда не оставалось других средств для защиты прав человека. Среди холопства молчащего, задавленного общества ты одна решилась собственной непривычною к насилию рукою обуздать безнаказанный произвол, перед которым все преклонялось»¹⁷.

В прокламации «13 июля и 24 января», написанной Адрианом Михайловым¹⁸, покушение на Трепова оправдывалось следующим образом: «Есть суд, который превыше всяких “особых присутствий”, суд строгий, неумолимый, неподкупный — то суд чистого, неиспорченного, нравственного чувства! От этого суда и не ушел ты, полувластелин русской столицы!»¹⁹

Судебное разбирательство по делу Засулич продолжалось. Слово предоставили подсудимой. Она кратко и сбивчиво рассказала о своих без суда и следствия мытарствах по тюрьмам и ссылке. И «симпатии зала сразу оказались на ее стороне»²⁰, — отмечал Сергей Голоушев, присутствовавший на суде в качестве свидетеля.

Причину покушения на генерал-губернатора она объяснила протестом против незаконности экзекуции над Боголюбовым. Она решила прибегнуть к оружию только потому, что не видела никаких других средств, чтобы общество узнало об истязании политзаключенного, чтобы добиться справедливости и «сделать не таким легким надругательство над человеческим достоинством». «Страшно поднять руку на человека, — говорила она в волнении, — но я находила, должна это сделать... Я не хотела убивать; мне было все равно; я добивалась только, чтобы не прошло незаконно, чтобы обратили, наконец, внимание, чтобы затруднить, по крайней мере, легкость повторений»²¹. И добавила, что рада выздоровлению Трепова²². «Рассказ Засулич тронул все сердца»²³, — писал Градовский.

Начался опрос свидетелей, в том числе и политзаключенных, пострадавших при тюремном избиении. На их вызове настоял Александров. Показания свидетелей воочию объясняли не только побудительные причины поступка подсудимой, но и выявили противоправное и бесчеловечное истязание арестантов. Заключенные оказались совершенно бесправны перед начальственными чинами, прежде всего Треповым, который учинил публичную порку спустя 15 лет после официальной отмены телесных наказаний. Публика в зале и присяжные не могли не проявить сочувствия к жертвам беззакония. «Когда присутствовавший в зале весь Петербург, — писал Градовский, — узнал, что проделал Трепов в предварительной тюрьме, ... всем стало тяжело, стыдно»²⁴.

Адвокат Александров выступил с типичной для своего времени речью, построенной на «психологии», морализаторстве и сострадании. Защищать обвиняемую как террористку было бесперспективно — слишком очевидно самоуправное посягательство на должностного представителя власти. Преступление и есть преступление.

Александров мастерски разыграл адвокатскую козырную карту: он до глубины души разжалобил аудиторию мученической судьбой поддельной, рассказанной с трагическими подробностями. Нужно было свинцовое сердце, чтобы остаться равнодушным к тем фактам, которые адвокат живописал в своей речи. Оказалось, скромная девушка, защитница и мстительница за поруганное человеческое достоинство, сама была жертвой беззакония. Ее, «натуру экзальтированную, нервную, болезненную, впечатлительную», продержали два года в одиночном заключении и признали в судебной палате непричастной к возводимому обвинению, но все-таки сослали в административном порядке.

Александров особенно настаивал на том, что подзащитная выступила бескорыстно и самоотверженно на защиту Боголюбова, который «не был для нее родственником, другом, он не был ее знакомым, она никогда не видала и не знала его». Ее подвигло на то деяние, за которое сейчас судят, «возбуждающее в честной душе чувство сожаления, сострадания, сердечной симпатии»²⁵.

Засулич сама была готова разрыдаться. «Голова ее упала на сложенные на пюпитре руки, — вспоминал Голоушев, — пряча лицо в скомканный платок, старается девушка заглушить и скрыть свои рыдания, но худенькие вздрагивающие плечи ее выдают. Слышатся всхлипывания и кое-где в зале. Я тоже вытираю набегающие на глаза слезы, оглядываюсь на ряды публики и вижу такие же слезы в глазах у многих»²⁶.

Волнение в зале достигло апогея, когда Александров развернул картину экзекуции Боголюбова. Выяснилось, что Боголюбов ни в чем не виноват перед самовольным экзекутором Треповым. Последовали сцены с «мучительным стоном удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека».

Слова защиты приветствовал взрыв рукоплесканий. Раздались аплодисменты, громкие крики «браво». Председатель суда Кони вынужден был напомнить публике, что суд не театр, и при повторении подобного он распорядится очистить зал²⁷. Правящая верхушка впоследствии не могла простить Кони, что он не сумел остановить этой «непозволительной» защиты, которая наэлектризовала публику и присяжных²⁸.

«Ярко помню посейчас и фигуру Александра, точно выросшего на целую голову, — вспоминал Голоушев, — и его властный голос, гремевший в зале, помню ярко и то, что весь зал как загипнотизированный смотрел ему в глаза и жил его мыслями и его чувствами. Помню и Засулич, которая и сама не заметила, как перестала рыдать, и, выпрямившись, сидела, впившись глазами в одухотворенное лицо оратора. Сидела, как зачарованная тем, что говорит он о ее мыслях и ее переживаниях»²⁹.

Закончив речь обращением к присяжным заседателям, Александров указал им логический путь к оправдательному вердикту, которые уже неоднократно выносились. «Были здесь женщины, смертью мстившие своим соблазнительям; были женщины, обагрившие руки в крови изменивших им любимых людей или своих более счастливых соперниц. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То был суд правый, отклик суда божественного, который взирает не на внешнюю только сторону деяний, но и на внутренний их смысл, на действительную преступность человека. Те женщины, совершая кро-

вавую расправу, боролись и мстили за себя. В первый раз является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести — женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею, во имя того, кто был ей только собратом по несчастью всей ее молодой жизни. Если этот мотив проступка окажется менее тяжелым на весах общественной правды, если для блага общего, для торжества закона, для общественности нужно призвать кару законную, тогда — да совершится ваше карающее правосудие! Не задумывайтесь!»³⁰

Речь принесла Александрову известность и одно из первых мест в правоведческом мире. Полный текст его выступления поместили петербургские и заграничные газеты. «Защита Веры Засулич, — как писал один из его коллег, — сделала адвоката Александрова всемирно знаменитым»³¹.

Кони в напутственном слове присяжным заседателям попытался уравновесить обе чаши весов Фемиды: он не высказал ни одного лишнего довода ни в пользу обвинения, ни в пользу защиты. Он неукоснительно соблюдал законность, гласность и состязательность сторон. Но в заключительном выступлении он попытался подсказать присяжным искомое судебное решение, зависящее не от юридических норм, но от личностных представлений присяжных о справедливости: «Вы произнесете решительное и окончательное слово по этому делу, — напутствовал первоприсутствующий. — Вы произнесете это слово по убеждению вашему, основанному на всем, что вы видели и слышали, и ничем не стесняемому, кроме голоса вашей совести». Он как бы подсказывал присяжным, что, если даже они признают Засулич виновной, то могут найти для нее снисхождение. Председатель суда подталкивал присяжных к компромиссному решению: отрицать факт преступления невозможно, но можно найти «по совести» смягчающие обстоятельства.

Присяжные удалились в совещательную комнату. В судебном присутствии объявили перерыв. Большинство публики было на стороне подсудимой, но совершенное преступление требовало должного наказания.

Сложилась почти экзистенциальная ситуация: «Наказать нельзя оправдать». Где ставить знак препинания? Только один человек *почти* не сомневался в оправдании — адвокат Александров. Остальные были *почти* уверены в обвинительном приговоре.

Но александровское «почти» было весьма шатким. Опытный адвокат ждал худшего. Рассказывали, когда перед началом заседания его спросили, вполне ли он готов к защите, он ответил, что совершенно готов: уже уложил чемодан и взял заграничный паспорт³². Со свойственной ему иронией он шутил, но неискренних шуток не бывает. Кони полагал: «скорее обвинят, чем оправдают», хотя не исключал возможности оправдания³³.

Адвокаты, с которыми Голоушев успел переговорить во время перерыва, склонялись к формулировке — «виновна, но заслуживает снисхождения». Казалось, что «присяжные скажутся нерешительными людьми, пойдут по этой линии наименьшего сопротивления, и процесс потеряет свое значение... Таково же было ожидание, — вспоминал Голоушев, — и у прочей публики, как мне удалось уловить из разговоров, возникавших в разных группах. Кое-кто был настроен более оптимис-

тично и указывал на высокий культурный уровень присяжных, среди которых большинство действительно производило впечатление интеллигентных людей, но голоса этих оптимистов вызывали у большинства только сомнительное покачивание головою. Общее ожидание все-таки сводилось к тому, что полного оправданная Засулич не будет»³⁴.

«Сливки общества», интеллигенция, судейские и сама подсудимая, похоже, не ожидали оправдания. Но всем хотелось осуждения Трепова и максимально мягкого приговора подсудимой. Ф.М. Достоевский вынес свое особое определение: «Осудить нельзя, наказание неуместно, излишне; но как бы ей сказать: “Иди, но не поступай так в другой раз”. “Нет у нас, кажется, такой юридической формулы, — добавил он, — а чего доброго, ее теперь возведут в героини”»³⁵. И прав оказался провидец.

Высокие судебные особы, присутствовавшие на процессе, до конца пребывали в убеждении не столько в справедливости, сколько в «благомыслии» присяжных, то есть в их обвинительном решении.

В кабинете Кони собрались: сенатор М.Е. Ковалевский, прокурор Лопухин и историк русского права, либерал Б.Н. Чичерин. Кони интересовало мнение Ковалевского о ходе процесса. «Ну что, мой строгий судья?..» — спросил его Кони. «Обвинят, несомненно», — отвечал он, не поняв вопроса. «Нет! А как шло дело?» — «Очень хорошо! — сказал он, крепко пожимая руку председателя суда, — вы сумели соединить строгий порядок с предоставлением сторонам самых широких прав, и, даже желая вас, по дружбе, раскритиковать, я не могу ни к чему придаться». Чичерин удивлялся, как такое дело можно вести с присяжными. «Оно имеет несомненный политический оттенок, — говорил он, — и если присяжные вынесут обвинительный приговор, то этим они покажут, что они умнее тех, кто передал это дело на их суд». Лопухин таинственно сообщил, что на улице беспокойно, что можно ожидать беспорядков, и он боится, чтобы присяжные не пострадали за свой обвинительный приговор. «Обвинят! Обвинят наверное!» — восклицал он³⁶.

Революционеры были того же мнения. Возможность признания террористки в царском суде безвиной не допускалась. «Само собою разумеется, — вспоминал Тихомиров, — мы не предполагали тогда, что Засулич оправдают»³⁷. «То, из-за чего она стреляла в Трепова, было понятно и близко нам, — поясняла Викторова-Вальтер, — и все мы были уверены в том, что эта прекрасная, героическая девушка неминуемо должна погибнуть! Сознание этой неизбежности и создало то настроение внутренней тревоги, которое охватило всех нас»³⁸.

Собственно никто не ждал благого исхода, и надежд на присяжных не возлагал.

Приговор. Не прошло и десяти минут, как из совещательной комнаты раздался звонок. Наэлектризованная публика поспешно занимала места. Присяжные заседатели вышли с бледными лицами, теснясь и не глядя на подсудимую. Настала напряженная тишина...

Старшина присяжных дрожащею рукою подал председателю суда лист с решением дела. Тот прочитал без всякого выражения, подписал и вернул его. Старшина, став лицом к публике, объявил: «Невиновна!» «В зале раздался не то стон, не то крик. Разом ахнула толпа, как один человек»³⁹.

Что заставило присяжных принять решение, которое от них не требовали и не ждали? Перипетии до сих пор остаются не до конца понятны. Убедительного объяснения нет. По судебным установлениям, присяжные не должны разглашать тайны своего обсуждения и не ответственны за свое решение ни перед кем.

Многое зависело от старшины Анатолия Ильича Лохова — столоначальника Министерства финансов и придворного советника — человека с положением и авторитетного среди присяжных. Но ни он, ни другие присяжные не оставили воспоминаний или каких-либо материалов, проливающих свет на ход обсуждения в совещательной комнате. Во всяком случае, мне таковые не известны ⁴⁰.

Присяжные, видимо, осознали, что обвинительный приговор послужил бы косвенным одобрением административного произвола и потворством треповым, чему даже высокопоставленная публика выражала свое неодобрение. При существовавших порядках каждый мог оказаться на месте Боголюбова. Возможно, присяжных искренне тронула бескорыстная и самоотверженная подсудимая с изломанной судьбой. Но все эти мотивы не объясняют, почему они приняли вердикт, *полностью* обеляющий Засулич, ведь всех бы устроило половинчатое решение, по которому ее признавали виновной при наибольшем к ней снисхождении. Кони справедливо заметил: «Все, что было понятного в возмущении Засулич поступком Трепова и трогательного в ее самопожертвовании, повлияло бы только на мягкость приговора, но не на существо его, не заслонив собою преступности кровавого самосуда» ⁴¹. Знали бы господа присяжные, какой ящик Пандоры открывают.

Между тем, в решении присяжных был юридический казус, требующий разъяснения. В массовом сознании обвинительный вопрос на суде: «Виновен ли?» тождественен вопросу: «совершил ли преступление?». Но по нормам отправления правосудия того времени это неравнозначные вопросы. «В деле Засулич был именно такой случай, — утверждал Кони, — и почти никто не хотел понять, что, говоря «невиновна», присяжные вовсе не отрицали того, что она сделала, а лишь не вменяли ей этого в вину» ⁴². То есть ответ присяжных корректнее должен был звучать так: «Виновна, но вина ни в коей мере не вменяется подсудимой».

В зале суда после оправдательного вердикта началось что-то невообразимое. «Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: “Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка! Верочка!” — все слилось в один треск, стон, и вопль. Многие крестились; в верхнем, более демократическом отделении для публики обнимались; даже в местах за судьями усерднейшим образом хлопали, — свидетельствовал Кони. — Один особенно усердствовал над самым моим ухом. Я оглянулся. Помощник генерал-фельдцейхмейстера граф А.А. Баранцов, раскрасневшийся седой толстяк, с азартом бил в ладони. Встретив мой взгляд, он остановился, сконфуженно улыбнулся, но едва я отвернулся, снова принялся хлопать» ⁴³.

По воспоминаниям Голоушева, «раздались такие бурные аплодисменты и поднялся такой гвалт, что ничего нельзя было ни слышать, ни разобрать. Одни кричали: “Браво!”, “Браво присяжные!”, другие:

“Да здравствует суд присяжных!”, третьи кидались друг друга обнимать и кричали: “Поздравляю, поздравляю!”. Меня схватил в объятия какой-то седенький генерал и тоже кричал мне что-то, чего я не мог разобрать. Многие из публики перелезли через перила, кинулись к Александрову и Засулич, пожимали им руки, поздравляя их»⁴⁴.

Рукоплескала и кричала «браво» также и самая избранная публика⁴⁵, «сливки петербургского общества» встретили решение присяжных с явным ободрением, как отмечала газета «Голос»⁴⁶. В записке, представленной III Отделению, аноним доносил, что «даже люди высокопоставленные, принадлежащие к высшим слоям общества и администрации, радовались приговору, видя в нем торжество правды», и объяснял оправдательный приговор «негодованием против полицейского произвола»⁴⁷.

Член совета министерства внутренних дел А.И. Деспот-Зенович пришел благодарить Кони: «“Счастливейший день моей жизни! Счастливейший день моей жизни! — вскричал сановник, ударяя себя с силою по звезде, и лицо его внезапно покраснело, и старческие нервные слезы заблестали в его глазах. — Счастливейший день!” — повторил он тихо, крепко сжимая мою руку»⁴⁸. Видный ученый криминалист Н.С. Таганцев вспоминал, что аплодировал даже государственный канцлер А.М. Горчаков⁴⁹, умудренный жизнью восьмидесятилетний старец.

Председатель суда не пытался восстановить порядок в зале, так в неистовой сумятице процесс и закончился. «Никто не слышал, как Кони объявил Засулич, что она свободна»⁵⁰. Законник до мозга костей, он выдал письменное предписание суда А.В. Фёдорову, управляющему ДПЗ, об освобождении из-под стражи оправданной подсудимой⁵¹.

Сама Засулич, по собственному признанию, еще до теракта «рассчиталась с жизнью на воле и больше о ней не думала»⁵². До последней минуты она не верила в свое освобождение. Вернувшись по переходу из здания суда в ДПЗ в свою камеру за вещами, она спрятала в карман стеариновый огарок и огрызок карандаша, полагая, что ее отсюда переведут в более худшее место⁵³. И села пить чай на дальнюю дорожку тогда, когда Федоров упрасивал ее покинуть тюрьму как можно скорее⁵⁴.

Судебный процесс над Верой Засулич стал хрестоматийным в истории российского судопроизводства. И неповторимым: больше никогда дела политических преступников не передавались на рассмотрение присяжных поверенных, представителей общества, во избежание казуса Засулич.

У здания суда. Уличную публику не пускали далее противоположного тротуара от здания суда. Городской люд с раннего утра заперудил Литейный проспект между старыми пушками артиллерийского управления и бывшим арсеналом. Все они упорно ожидали исхода процесса.

Собралась «толпа тысячи в полторы»⁵⁵. Эта же цифра приведена в прокламации, отпечатанной в Вольной Русской типографии⁵⁶. Как показывал в полиции Аркадий Головин, сходбище было «тысячи полторы-две и состояло из самых разнообразных элементов: тут были рабочие, присяжные поверенные, литераторы, военные, студенты и

прочие»⁵⁷. По газетному сообщению, «немало было и рабочих со строящегося Литейного моста»⁵⁸. Но преобладала учащаяся молодежь. По тем временам это была очень большая демонстрация.

Накрапывал холодный мартовский дождь. Молодые люди в широкополых шляпах месили слякоть высокими сапогами и кутались в пледы. Одним своим видом толпа упреждала нечто незаурядное, предвещающее важные события. За Невой виделись багровые отсветы пожара: на Выборгской стороне горела огромная фабрика⁵⁹. Клио как бы отмечала зловещим знамением будущие события.

Толпа встретила оправдательный приговор с восторгом. Засулич приветствовали криками «Ура!», «Да здравствует Засулич!», «Слава Засулич!». Ее с триумфом понесла на руках, народ напирал и толкал того, кто нес ее на плече. Засулич хваталась за головы окружающих и кричала: «Господа уроните! Упаду! Пустите меня!»⁶⁰.

Современники впоследствии особенно подчеркивали тот факт, что «ни публика, ни революционеры, ни жандармы, ни полиция не ожидали такого приговора, не подготовились к нему и, главное, не сообразили всех его последствий»⁶¹. Подпольная газета «Начало» отмечала: «Никто не ожидал такого приговора, а правительство всего менее»⁶². С. Федорченко, биограф Засулич, также разделял мнение, что никаких приготовлений на случай оправдания ни со стороны властей, ни со стороны революционеров не велось⁶³.

На Шпалерной в сотне шагов от взбудораженной толпы Голоушев нанял извозчицью карету. Вскочив на козлы, он подкатил к Засулич, которую плотным кольцом окружала ликующая молодежь. С трудом ее посадили в экипаж⁶⁴, который стал медленно продвигалась среди толпы. Шествие вылилось в стихийную уличную демонстрацию торжествующей и угрожающей толпы. «Это был скандал, смятение, беспорядок»⁶⁵.

Приверженцам Засулич казалось, что ее могут арестовать сейчас же, как только начальство опомнится. Но полиция и жандармерия, под водительством полицеймейстера А.И. Дворжицкого, пытались лишь навести хоть какой-то порядок. Невиданное скопище народа привлекло, по свидетельству Тихомирова, «простых любопытных, иногда ровно ничего не понимавших. Так, например, в толпу случайно затесались конвойцы, черкесы, которые шли мимо и заинтересовались, что такое происходит»⁶⁶.

Блюстители порядка отнюдь не собирались арестовывать только что освобожденную, так как растерянные высшие начальники таких распоряжений не давали. Правда, полицейские пытались оттеснить толпу от кареты и подойти к ней вплотную, чтобы спровадить ее поскорей. Они надеялись, что с отъездом виновницы волнений, демонстранты разойдутся. Тем более, что наиболее возбужденные из них собирались провести Засулич с триумфом по главным улицам столицы мимо Зимнего дворца. Вся эта вакханалия добром не кончилась. Манифестанты продолжали провожать Засулич по Шпалерной и дальше по Воскресенскому проспекту.

Неожиданно из-за угла дома Шуленбурга раздалось два выстрела. Одна пуля попала в каску жандарма Микулина, а вторая ранила Анну Рафаилову, слушательницу медицинских курсов. Прозвучал третий выстрел, на тротуаре остался лежать Г.П. Сидорацкий. Толпа начала разбегаться с криками «Жандармы стреляют!».

Полиция бросилась разгонять толпу, которая и так уже бежала в разные стороны. Начались паника и неразбериха: кого помяли, кого побили, кто скрылся в проходных дворах. Карета с Засулич и присяжным поверенным Е.В. Коршем умчалась неизвестно куда ⁶⁷.

С Воскресенского проспекта выехали конные жандармы. Они не стали останавливать карету, но во весь карьер бросились разгонять публику, которая «объятая страхом, спасалась во дворы и подъезды» ⁶⁸.

Где скрывалась Засулич. Разыскать Засулич жандармам так и не удалось, несмотря на все старания. Секрет ее неуловимости состоял в том, что она постоянно меняла тайные места пребывания. Первые дни она скрывалась на квартире Евтихи Карпова на Рижском проспекте ⁶⁹. Потом ее переправили на квартиру Аполлона Жемчужникова, фактического редактора журнала «Слово».

Николай Бух дня через два навестил свою старую знакомую. «Сидела одна, читала русские и иностранные газеты, жаловалась на скуку. “Все проходящие сюда, — жаловалась она, — считают своим долгом петь мне дифирамбы. Коробит меня от этих похвал. Вчера зашла ко мне Маша (Коленкина. — Ю.П.) и за что-то выругала меня дурой; по контрасту это было мне очень приятно”» ⁷⁰. В воспоминаниях Засулич признавалась: «Я чувствовала себя слишком стесненной и поэтому, несмотря на окружающее меня сочувствие, более одинокой, чем в доме предварительного заключения» ⁷¹.

Спустя несколько дней Засулич под вооруженной охраной Николая Буха, его брата Клеменца и Карпова перевели от Жемчужникова на Невский проспект, в квартиру Ореста Веймара, врача, оказывавшего помощь землевольцам. Засулич «справедливо протестовала против такой свиты, находя, что это не конспиративно, но конвой, как понимал, все же исполнил свой долг, — вспоминал Бух. — В публике ходили слухи, что Вера Засулич скрывается в Зимнем дворце, у какой-то фрейлины. Из квартиры Веймара Вера Засулич благополучно была переброшена в квартиру Грибоедова» ⁷².

Об укрывательстве у Ореста Веймара в его роскошном доме на Невском и в убогой квартирке у Грибоедова писала сама Вера Засулич ⁷³, а также Фигнер ⁷⁴ и Фроленко ⁷⁵. Морозов вспоминал свою встречу с Засулич на квартире Грибоедова, по словам которого, «она очень простых привычек, и говорила, что большие комнаты его дома и роскошь мебелировки сильно стесняют ее. Она не в силах была там жить больше двух недель, несмотря на внимание самого Веймара. А у меня она чувствует себя просто» ⁷⁶, — уверял Грибоедов. Тихомиров в числе укрывателей называет А.И. Гольдсмита, редактора нескольких либеральных журналов, близкого к революционным кружкам ⁷⁷.

Евгений Корш, издававший газету «Северный вестник», опубликовал письмо Веры Засулич от 3 апреля, в котором она уверяла, что «готова была беспрекословно подчиниться приговору суда» в случае его законности и готова вновь предстать перед судом присяжных. Скрываться ей приходится только от бессудной административной расправы ⁷⁸. Номер газеты шел нарасхват, но за публикацию столь вызывающего письма преступницы издание закрыли. Короленко по этому поводу писал: «Газета шла плохо и приносила большие убытки. Вероятно, поэтому Корш рискнул и поместил письмо скрывавшейся

Засулич. Газету, конечно, закрыли, и я помню, с каким веселым видом издатель встретил известие о ее прекращении. Сама Засулич вскоре выехала вместе с Д.А. Клеменцем и А.И. Зунделевичем за границу, в Швейцарию ⁷⁹.

Смерть Сидорацкого. По поводу обстоятельства смерти Сидорацкого во время демонстрации у здания суда ни современники, ни историки не пришли к единому мнению. Свидетельства о его кончине весьма противоречивы и прямо противоположны. Радикалы были склонны считать, что его застрелили жандармы. А те, в свою очередь, уверяли, что молодой человек покончил жизнь самоубийством.

«Факт только в том, — утверждал Тихомиров, — что Сидорацкий, человек вообще шалый, нервный и экзальтированный, шел в толпе близ кареты в состоянии чрезвычайного возбуждения и имел при себе револьвер» ⁸⁰. С.Ф. Ковалик считал Сидорацкого «человеком с большими способностями, но несколько ненормальным» ⁸¹.

По «Заключению прокурора С.-Петербургской судебной палаты», «Григорий Сидорацкий застрелился на глазах у свидетелей». Первые два выстрелы произвел именно он и побежал с револьвером по проспекту, толпа перед ним расступалась, крича: «Вот, кто стрелял, держи его!» Но бежать было некуда, и он застрелился. Экспертиза показала: «Три пули, вынутые из каски, руки Рафаиловой и черепа Сидорацкого, оказались схожими между собой и с десятью зарядами, взятыми из кармана его пальто» ⁸². Показания ряда очевидцев также указывают на самоубийство. К тому же «все заряды, выданные нижним чином жандармского дивизиона, были возвращены ими полностью по прибытии в казармы» ⁸³. По словам очевидцев, свидетельствовавших о самоубийце, «Сидорацкий отбежал от толпы, в крайнем возбуждении к тротуару и тут приложил пистолет к голове и застрелился» ⁸⁴. Жандармская «Хроника» констатировала: «Григорий Сидорацкий, виновник первых двух выстрелов, третий — произвел в себя; опасаясь быть арестованным на месте, он предпочел внезапное самоубийство перед толпой своих единомышленников» ⁸⁵. В полицейском следственном деле «Об уличных беспорядках 31 марта 1878 г.» есть показания поденного рабочего С. Владимиров, утверждавшего, что сам видел, как застрелился Сидорацкий ⁸⁶.

Николай Бух записал в воспоминаниях: «Думая, что он убил курсистку, Сидорацкий застрелился» ⁸⁷. Вера Засулич была уверена, что «не жандармы его застрелили, а что он сам покончил собой» ⁸⁸. Тихомиров, пытавшийся разобраться в этой истории, тоже склонялся к версии самоубийства. «Ни Клеменс, ни Михайлов, — писал он, — не могли мне объяснить толком этого дела» ⁸⁹.

Тюремный доктор Герценштейн засвидетельствовал, что на месте гибели юноши «большинство говорило: “Сидорацкий застрелился”. Как врач и знакомый, я поспешил к тому месту, где он находился. По Воскресенскому проспекту, дом № 11, где находится аптека и имеет по фасаду выступ, так что у наружной стены образуется угол. Вот в этом углу, плотно прислоняясь к стене, сидел на тротуаре Сидорацкий. Он был мертв. Сколько я теперь припоминаю, рана у него была в левом виске. Тут же на тротуаре, около покойника, валялся револьвер. Нужно еще иметь в виду, что встреча жандармов с толпой произошла несколько дальше, впереди от Сидорацкого, так что пос-

ледный находился теперь позади нее. Опять повторяю: общий голос тех из толпы, с кем я говорил, согласно утверждает, что он застрелился в экзальтации. Версия, что его застрелили жандармы, явилась после. Отношение же всех, в том числе и так называемого общества к жандармам и начальству было таково, что усвоили именно эту последнюю версию, как наиболее естественную и правдоподобную, и я никогда позже не слыхал ни возражений, ни сомнений, ни других объяснений. Хотя правительственное разъяснение и сообщало о самоубийстве Сидорацкого, но это, конечно, по господствующему у нас доверию к такого рода сообщениям, служило для общества лучшим доказательством, что его убили жандармы. Между тем на этот раз оно, кажется, говорило правду»⁹⁰.

Короленко в «Истории моего современника» отмечал: «Сначала все были уверены в Петербурге, что Сидорацкий был убит выстрелом жандарма, но впоследствии явились большие сомнения. Один мой знакомый рассказывал мне, что он был очевидцем, как во время демонстрации и вызванной ею суматохи какой-то молодой человек убежал на тротуар в нескольких шагах от него, приложил револьвер к виску и выстрелил. Других убитых не было, значит это и был Сидорацкий. Говорили, будто, когда жандармы остановили карету, Сидорацкий выстрелил в них, но так неудачно, что легко ранил кого-то в карете или на козлах. Кто-то крикнул, что ранена Засулич, и это было причиной самоубийства»⁹¹.

О факте самоубийства писали в газетах «Правительственный вестник», «Биржевые ведомости» и «Северный вестник». Позднее версию о самоубийстве поддерживал историк Глинский⁹², в наше время — Ю.М. Сокольский⁹³.

Но были и противоположные утверждения. Подпольная газета «Начало» поместила следующий репортаж беллетриста-народника П.В. Засодимского⁹⁴: «Полицейские и пешие жандармы бросаются на безоружный, беззащитный народ, оттесняют его от кареты и начинают бить... Один юноша, по фамилии Сидорацкий, особенно восторженно приветствовал Засулич и особенно боялся, как бы ее не украли полицейские... В свалке ему разом попало несколько ударов, два из них пришлось ему по лицу. Защищаясь и не помня себя от волнения, юноша выхватывает револьвер и дрожащею рукою стреляет наугад. Одна пуля его попадает в какую-то женщину, другая — в каску жандарма. После небольшой паузы стреляют уже в него и убивают наповал. Очевидно стреляла рука более меткая и на очень близком расстоянии. Много глаз видело, как в момент сумятицы, последовавшей за выстрелом Сидорацкого, жандармы выхватили из кабур свои револьверы... Вскоре после выстрела, положившего Сидорацкого, две пары глаз видели также ясно, как читающий видит эти строки, как городской к трупу Сидорацкого подбросил револьвер»⁹⁵. Присяжный поверенный Корш «заявил, что он видел, как жандарм вынимал из чехла пистолет и полагает, что стреляли жандармы, а не сопровождавшие Засулич»⁹⁶.

А.И. Эртель, тогда еще начинающий писатель, запечатлел такую сцену на месте трагического происшествия: Около трупа стоял городской. «“Да ишь, застрелился какой-то”, сказал он. Но тут одна барышня со слезами на глазах, сильно взволнованная, дрожащим голо-

сом воскликнула: «Да не верьте вы им! Я сама видела...» «Да, да! — подхватили другие. — Кому же придет охота стреляться в толпе, как будто для этого не нашлось бы другого места?» Городовой молча отошел в сторону»⁹⁷.

В землевольческой прокламации говорилось без обвиняков: Людей «били и мяли лошадьми, не пощадили даже беременных женщин... Результатом свалки оказался один убитый и двое раненых... В первый раз после 14 декабря 1825 г. петербургские улицы орошаются кровью борцов за свободу!»⁹⁸ Заграничный журнал «Община» также обвинял власти в смерти студента Григория Сидорацкого⁹⁹.

Утверждение об убийстве Сидорацкого стало распространенным в антиправительственных кругах. Ходили упорные слухи, что именно «слуги царской власти с досады расправились с молодым человеком»¹⁰⁰. Превалировало это мнение среди учащейся молодежи. На сходке в Медико-Хирургической академии участники демонстрации на Шпалерной утверждали, что сами видели, как жандармы стреляли в толпу, и жертвой стал Сидорацкий¹⁰¹.

Ольга Любатович в мемуарах считала Сидорацкого «искупительной жертвой»¹⁰². Фигнер уверяла, что «юноша был убит полицией»¹⁰³. Также полагал и Серебряков¹⁰⁴.

Между тем, были и не столь категоричные суждения, допускавшие паллиативу. Голоушев резюмировал: «Застрелил ли юношу бежавший за ним жандарм, или застрелился Сидорацкий сам, настигнутый жандармом, в которого он стрелял — это так и осталось невыясненным... Да и не все это было равно. Факт остается фактом. Сидорацкий был мертв и погиб, защищая Засулич»¹⁰⁵. Тихомиров констатировал: «Кто его убил? Не знаю, кажется, сам застрелился. С какой целью? Господь его ведает. Может быть, действительно, как говорили, для того, чтобы толпа обвинила в этом жандармов, как и случилось»¹⁰⁶.

Отношение к смерти Сидорацкого показательное: и та и другая сторона стремилась использовать гибель молодого человека в своих политических интересах, возлагая вину на своих противников.

Резонанс в обществе: оправдание террористки. На следующий день, 1 апреля, весть об оправдании террористки, покушавшейся на генерал-губернатора, разнеслась по всему Петербургу. Простым горожанам известие показалось столь невероятным, что некоторые сочли его за первоапрельскую шутку¹⁰⁷. Впечатление от вердикта присяжных было по своей неожиданности еще сильнее, чем от самого покушения.

Столичная публика восприняла судебное решение благожелательно, но отнюдь не вся и не безоговорочно, настаивать на всеобщем восторге — «значит переоценивать степень оппозиционности средних слоев петербургского населения, упрощать действительность и, таким образом, повторять ошибку революционеров 1878 года»¹⁰⁸, — справедливо полагал историк Негретов.

Признание Засулич невиновной вызвало крайнее возмущение в консервативных кругах, но получило бурное одобрение в либеральных. По дневниковому свидетельству Милютина, «вся публика разделилась на два лагеря: весьма многие¹⁰⁹, если не большинство, пришли в восторг от оправдательного решения суда; другие же скорбели

о подобном направлении общественного мнения. Всякое подобное дело возбуждает в обществе толки и протесты с одной стороны против нового нашего судопроизводства и в особенности против института присяжных, а с другой стороны против произвола и самодурства административных властей»¹¹⁰.

Широкий и многослойный диапазон общественных мнений сказался в анонимных письмах к Александру II и в III Отделение¹¹¹. Открыто выражать свое мнение перед лицом имперской власти было небезопасно, потому корреспонденты считали за благо не подписываться.

В ряде безымянных посланий выражалось искреннее негодование «злокозненной преступницей» и ее освобождением, а также осуждалась недопустимая и непонятная слабость правительства. Секретный агент доносил из Москвы, что «многие указывают на несостоятельность прокуратуры, на разнузданность защиты при слабости председателей, не умеющих руководить прениями, и на недостаточную подготовку народа к непогрешимому выполнению задач суда присяжных»¹¹². Встречались требования «заслуженного суда» и над самим Кони. А графа Палена предлагали отправить на виселицу. Многочисленные нарекания выпали на долю присяжных, «один лишь ленивый не бросал в них не только камнями, но, по выражению автора “Былого и дум”, даже целой мостовой»¹¹³, — писал Кони.

Однако другие анонимы одобряли и поощряли «помилование преступницы» и слали проклятия Трепову, а заодно поименно другим «слугам беззаконной власти». В секретном сообщении Нижегородского жандармского управления с тревогой отмечалось, что «исход дела произвел весьма вредное впечатление на толпу в нравственном отношении»¹¹⁴.

Известия о результате процесса, как только они распространились в Москве и провинции, возбудили, по оценке жандармов, «общее негодование среди патриотов и верноподданных»¹¹⁵. У благомыслящих подданных оправдание «нигилистки и преступницы» вызвало резкое недовольство и недоумение, как вообще такое могло произойти. «Многие были возмущены отрицанием виновности подсудимой при наличии факта преступления и сознания в нем»¹¹⁶.

М.Н. Катков, апологет единения самодержавия и народа, не мог понять, как, впрочем, и Валуев¹¹⁷, по каким таким соображениям присяжные могли выпустить на свободу явную уголовницу. В «Московских ведомостях» Катков утверждал: «Обвинительный акт не допускает сомнения в факте преступления. Какие бы не были мотивы — дело на лицо. Было совершено преднамеренное, издалека подготовленное покушение на убийство. Произведен был выстрел в высшее административное лицо». Потому судебное постановление — «ошибка; ничего общего с русским народом этот возмутительный и нелепый случай не имеет»¹¹⁸. Катков саркастически именовал процесс Засулич «делом Петербургского градоначальника Трепова, судившегося по обвинению в наказании арестанта Боголюбова»¹¹⁹.

Искушенный правовед Победоносцев поучал наследника-цесаревича по поводу судебного разбирательства и всеобщего порицания Трепова: «Нечего говорить об его недостатках и нравственных качествах: это — вопрос в настоящем случае посторонний»¹²⁰. «Дело Тре-

пова было делом самого правительства и потому оно должно было отстоять Трепова во что бы то ни стало»¹²¹.

По единодушному мнению охранительного лагеря, судебные органы должны были стать на защиту поколебленного авторитета высшего чина, близкого к особе императора, ибо ««сегодня Трепов, а завтра кто-нибудь повыше», а там и еще повыше, ведь «кто богу не грешен, царю не виноват»»¹²². В правительственных сферах забили тревогу: общество начало выходить из пассивного состояния. В рукоплесканиях оправдательному приговору проглядывало порицание незаконных действий видного сановника, а вслед за ним и всей предрержащей власти.

Князь В.П. Мещерский, спустя многие годы, писал с неутихшей раздраженностью: «Торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в ужасном кошмарическом сне... Никто не мог понять, как могло состояться в зале самодержавной империи страшное глумление над государственными высшими слугами и столь наглое торжество крамолы; но в то же время в каком-то летаргическом оцепенении все молчали, и никто не смел громко протестовать... Так, промеж себя некоторые русские люди говорили, что если бы, в ответ на такое прямо революционное проявление правосудия, государь своею властью кассировал решение суда и весь состав суда подверг изгнанию со службы и проявил бы эту строгость немедленно и всенародно, то вполне вероятно, развитие крамолы было бы сразу приостановлено»¹²³.

(Продолжение следует)

Примечания

1. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. В кн.: КОНИ А.Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. 1959, с. 57—59.
2. Там же, с. 60.
3. ЧУДАКОВ М.Ф. Петр Акимович Александров. В кн.: Судебные речи. Минск. 2002.
4. БУХ Н.К. Воспоминания. М. 1928, с. 162.
5. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Мои встречи с В.И. Засулич. В кн.: Группа «Освобождение труда». 1925, с. 74—75.
6. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 163.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1286, оп. 39, д. 248, л. 10—11.
8. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1926, с. 120.
9. [ПЕРЕТЦ Е.А.] Дневник Е.А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). М.-Л. 1927, с. 49.
10. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 75.
11. Там же, с. 75—76.
12. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Дело Веры Засулич. В кн.: Итоги (1862—1907). Киев. 1908, с. 430.
13. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 55.
14. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Ук. соч., с. 430—431.
15. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда. СПб. 1906, с. 60—61, 63.
16. Об авторстве Клеменца см.: МИХАЙЛОВ А.Ф. Автобиография. В кн.: Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. М. 1989, с. 148.
17. Прокламация «Земли и воли» «Покушение на жизнь Трепова». Январь 1878 г. В кн.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. 1876—1882 гг. М.-Л. 1965, с. 49.
18. МИХАЙЛОВ А.Ф. Ук. соч., с. 148.

19. Прокламация «Земли и воли» «13 июля и 24 января». В кн.: Историко-революционный сборник. Т. 2. Л. 1924, с. 332—333.
20. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Процесс первой русской террористки. — Голос минувшего. 1918, № 7—9, с. 151.
21. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 48.
22. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг. (Из литературных воспоминаний). В кн.: ГРАДОВСКИЙ Г.К. Итоги, с. 12.
23. ЕГО ЖЕ. Дело Веры Засулич, с. 431.
24. Там же.
25. АЛЕКСАНДРОВ П.А. Судебная речь в защиту Веры Засулич. В кн.: Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864—1917 гг. Л. 1991, с. 293—294.
26. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 152.
27. АЛЕКСАНДРОВ П.А. Судебная речь в защиту Веры Засулич, с. 296.
28. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887. Официальный отчет. М. 1906, с. 14.
29. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 153.
30. АЛЕКСАНДРОВ П.А. Судебная речь в защиту Веры Засулич, с. 305.
31. КАРАБАЧЕВСКИЙ Н.П. Около правосудия. СПб. 1908, с. 156.
32. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 75—76.
33. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 59.
34. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 154
35. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Роковое пятилетие. 1878—1882 гг., с. 19.
36. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 92.
37. ТИХОМИРОВ Л.А. Воспоминания. М. 2000, с. 96
38. ВИКТОРОВА-ВАЛЬТЕР С.А. Московская радикальная молодежь 70—80 гг. (Из воспоминаний). 1906—1909 гг. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». М.-СПб. 2012, с. 156.
39. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Дело Веры Засулич, с. 435.
40. Опубликовано анонимное письмо в III Отделение некоего «присяжного заседателя», уверявшего, что Засулич пришлось оправдать из-за боязни толпы около судебного здания: присяжные были бы «перебиты у самого порога суда». КУНКЛЬ А.А. Вокруг дела Веры Засулич. — Каторга и ссылка. 1928, № 1, с. 62. Источник крайне сомнительный. Во-первых, опасения анонима были напрасны, так как собравшаяся публика никакой агрессивности не проявляла. Нет ни одного исторического свидетельства, что радикалы собирались физически расправиться с участниками судебного разбирательства в случае обвинительного приговора. Во-вторых, был ли этот аноним «присяжным заседателем» на процессе Засулич неизвестно.
41. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 60.
42. Там же, с. 105.
43. Там же, с. 93.
44. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 155.
45. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 108.
46. Голос. 2.IV.1878, № 92.
47. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 109, д. 68, ч. 7, л. 143.
48. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 96.
49. ТАГАНЦЕВ Н.С. Пережитое. Пг. 1919, с. 44.
50. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 155.
51. Процесс Веры Засулич. Суд и после суда, с. 113; Из воспоминаний начальника Дома предварительного заключения Фёдорова. — Русская старина. 1905, № 1, с. 91.
52. ЗАСУЛИЧ В.И. Воспоминания. М. 1931, с. 72.
53. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 76.
54. Из воспоминаний начальника Дома предварительного заключения Фёдорова, с. 92.
55. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Тридцать лет тому назад (Из воспоминаний доктора). — Былое. 1907, № 6, с. 255.
56. К делу В.И. Засулич. Прокламация «Ко всем честным людям». — Там же, с. 179.
57. РГИА, ф. 1405 (фонд Министерства юстиции), оп. 76, 1878 г., д. 7286, л. 102. Показания А.А. Головина. 6 апреля 1878 года.
58. Русский мир. 2.V.1878, №. 87.
59. КОНИ А.Ф. Ук. соч., с. 97

60. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 157.
61. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 164.
62. Бойня 31-го марта. — Начало. 1878, № 2, апрель. В кн.: Революционная журналистика семидесятых годов. Первое приложение к сборникам «Государственные преступления в России», издающимся под редакцией Б. БАЗИЛЕВСКОГО [В. БОГУЧАРМСКОГО]. Р. 1905, с. 57.
63. ФЕДОРЧЕНКО С. (ЧАРОВ И.). Вера Ивановна Засулич. Жизнь и деятельность. М. 1926, с. 51—52
64. К делу В.И. Засулич. Рапорт С.-Петербургского градоначальника генерал-майора А.А. Козлова министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. 1 апреля 1878 года. — Голос минувшего. 1917, № 7—8, с. 169.
65. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 100.
66. Там же.
67. ЛЮБАТОВИЧ О.С. Далекое и недавнее. М. 1930, с. 37.
68. Северный вестник. 1.IV.1878, № 90.
69. КАРПОВ Е. В.И. Засулич накануне покушения. В кн.: Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли», с. 209.
70. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 164.
71. ЗАСУЛИЧ В.И. Ук. соч., с. 73.
72. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 164—165.
73. ЗАСУЛИЧ В.И. Ук. соч., с. 73—76.
74. РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1. д. 147, л. 240.
75. ФРОЛЕНКО М.Ф. Памяти отошедших. В кн.: ФРОЛЕНКО М.Ф. Собр. соч. Т. 2. М. 1932, с. 131.
76. МОРОЗОВ Н.А. Повести моей жизни. Т. 2. М. 1965, с. 336—338.
77. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 100—101.
78. Северный вестник. 3.IV.1878, № 91.
79. ЗАСУЛИЧ В.И. Ук. соч., с. 77.
80. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 101.
81. КОВАЛИК С.Ф. Революционное движение семидесятых годов. М. 1928, с. 71.
82. О беспорядках, произведенных толпой молодежи, сопровождавшей Засулич после ее оправдания на суде. Заключение прокурора С.-Петербургской судебной палаты. — Каторга и ссылка. 1928, № 1, с. 60.
83. Там же.
84. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 101.
85. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг., с. 14.
86. РГИА, ф. 1405, оп. 76. 1878 г., д. 7286, л. 56—57.
87. БУХ Н.К. Ук. соч., с. 163.
88. КУЛЯБКО-КОРЕЦКИЙ Н. Ук. соч., с. 77.
89. ТИХОМИРОВ Л.А. Ук. соч., с. 101.
90. ГЕРЦЕНШТЕЙН Д.М. Ук. соч., с. 256.
91. КОРОЛЕНКО В.Г. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. М. 1954, с. 206.
92. ГЛИНСКИЙ Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.). Ч. II. СПб. 1913, с. 230—237.
93. СОКОЛЬСКИЙ Ю.М. Неожиданная смерть (Маленький справочник). СПб. 2012, с. 16.
94. Авторство Засодимского удостоверен Бух. См.: БУХ Н.К. Ук. соч., с. 165.
95. Бойня 31-го марта, с. 58—59.
96. Рапорт С.-Петербургского градоначальника генерал-майора А.А. Козлова министру внутренних дел А.Е. Тимашеву. 1.IV.1878, с. 170.
97. Письмо А.И. Эртеля об убийстве Сидорацкого 31 марта 1878 года. — Красный архив. 1926, № 1, с. 252.
98. Прокламация «Земли и воли» «К русскому обществу по поводу оправдания В.И. Засулич». Апрель 1878 г., с. 54—55.
99. Из С.-Петербурга. Оправдание Веры Засулич и убийство Сидорацкого. — Община. 1878, № 3—4.
100. РУСАНОВ Н.С. На родине. 1859—1882. М. 1931, с. 154.
101. МИХАЙЛОВ А.Ф. Ук. соч., с. 148; КУНКЛЬ А.А. Ук. соч., с. 65.
102. ЛЮБАТОВИЧ О.С. Ук. соч., с. 37.

103. ФИГНЕР В.Н. Александр Дмитриевич Михайлов. ФИГНЕР В.Н. Полн. собр. соч. Т. 5. М. 1932, с. 232.
104. СЕРЕБРЯКОВ Е.А. Очерк по истории «Земли и Воли». СПб. 1906, с. 34.
105. ГЛАГОЛЬ С.С. [ГОЛОУШЕВ С.С.] Ук. соч., с. 158.
106. ТИХОМИРОВ Л.А. Начала и концы. Либералы и террористы. М. 1890, с. 102.
107. РУСАНОВ Н.С. Ук. соч., с. 154.
108. НЕГРЕТОВ П.И. К спорам вокруг процесса Веры Засулич. — Вопросы истории. 1971, № 2, с. 188.
109. В дневнике Милютин зачеркнул первоначальную фразу: «даже большинство, и в том числе многие дамы высшего общества и сановники».
110. МИЛЮТИН Д.А. Дневник. 1876—1878. М. 2009, с. 406.
111. ГАРФ, ф. 109. 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1. О дворянке Вере Засулич, покушавшейся на жизнь генерал-адъютанта Трепова.
112. Там же, л. 95.
113. КОНИ А.Ф. Присяжные заседатели. В кн.: Суд присяжных в России: Громкие уголовные процессы 1864—1917 гг. Л. 1991, с. 76.
114. ГАРФ, ф. 109. 3 эксп. 1878 г., д. 68, ч. 1, л. 118.
115. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг., с. 14.
116. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 104.
117. ГРАДОВСКИЙ Г.К. Ук. соч., с. 8.
118. КАТКОВ М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М. 1898, с. 154, 170.
119. Там же, с. 161.
120. Письма К.П. Победоносцева к Александру III. Т. I. М. 1926, с. 117.
121. Там же, с. 119..
122. КОНИ А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич, с. 104.
123. МЕЩЕРСКИЙ В.Н. Мои воспоминания. Ч. 2 (1865—881). СПб. 1898, с. 404—405.

Организация военной подготовки учащихся в 1915—1917 гг.

Н.С. Ватник

Участие России в масштабных сражениях первой мировой войны предъявило новые, не вытекавшие непосредственно из военного опыта XIX в., требования к вооружению, материально-техническому обеспечению и комплектованию русской армии, выучке ее солдат и офицеров. Уже первые месяцы боев в Галиции и Восточной Пруссии привели к серьезным потерям среди рядового и офицерского состава, что заставило общество, военное и политическое руководство страны задуматься о целесообразности создания системы подготовки резервов для армии, начиная с юношеского возраста. Еще более остро эта проблема заявила о себе в связи с «великим отступлением» 1915 года. Одним из средств ее решения стало «Положение о мобилизации спорта», утвержденное императором Николаем II 8 декабря 1915 года. Этим актом, а затем и регламентирующими документами заинтересованных ведомств — Министерства народного просвещения (министр — П.Н. Игнатъев) и Канцелярии Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи (эту должность занимал генерал-майор В.Н. Воейков) — была создана правовая база допризывной военной подготовки¹. Она вводилась для юношей, обучавшихся в средних и низших учебных заведениях «разных наименований», и координаторами такой подготовки должны были стать и реально стали «военно-спортивные комитеты», функционировавшие во многих городах России в 1915—1917 годах.

Если тема молодежи получила определенное освещение в новейшей отечественной литературе о «германской войне»², то полноценная историография военно-спортивных комитетов 1915—1917 гг. еще только складывается. Самая общая информация о них приведена в обзорных, учебных и энциклопедических изданиях об истории физической культуры и спорта в России (СССР), в ряде диссертаций³.

Ватник Нисон Семенович — кандидат исторических наук, доцент Московского государственного областного социально-гуманитарного института (МГОСГИ). Коломна.

Как правило, здесь излагаются краткие сведения о количестве военно-спортивных комитетов, направлениях и формах физической и строевой подготовки учащихся. Региональный же аспект темы представлен единичными статьями, опубликованными в последние несколько лет — это аналитические работы на материалах Псковской, Казанской, Орловской и Тобольской губерний ⁴.

Таким образом, научное изучение темы находится на начальном этапе. В данной работе деятельность военно-спортивных комитетов по военной подготовке учащихся рассматривается на материалах Московского учебного округа. Это крупнейшее территориально-административное подразделение Министерства народного просвещения охватывало в начале XX в. одиннадцать губерний Центральной России — Владимирскую, Калужскую, Костромскую, Московскую, Нижегородскую, Орловскую, Рязанскую, Смоленскую, Тверскую, Тульскую, Ярославскую. В границах округа действовали 15,4% мужских гимназий и прогимназий, 16,3% реальных и почти треть технических училищ страны; в совокупности в них обучалось более 27% всех учащихся ведомства просвещения ⁵.

Первые попытки обучения учащихся России основам военного дела относятся к началу 1910-х гг., когда получило развитие движение «потешных», поддержанное властями. Созданные на базе ряда учебных заведений роты «потешных» демонстрировали выучку на высочайших смотрах в Царском Селе, участвовали в московских торжествах в связи с празднованием 100-летия Отечественной войны 1812 г. и др. Элементы военной (общезысической) подготовки содержались и в программах занятий юных разведчиков — «скаутов», отряды которых возникли в России в 1909—1913 годах. Однако при всех достижениях того времени следует признать, что система допризывной военной подготовки молодежи еще не была сформирована ⁶.

Ситуация принципиально изменилась в первые месяцы «германской войны», осенью 1914 года. Именно тогда пресса среди источников пополнения «выбитого офицерского состава» назвала выпускников средних учебных заведений, сдавших выпускные экзамены «не поздней весной, а в рождественские вакации» ⁷. Мнение прессы опиралось на массовое стремление учащихся помочь воюющей Родине, что выразилось в побегах на фронт и прошениях о вступлении в ряды действующей армии. Просьбы старших школьников обеих столиц, многих больших и малых городов были услышаны: Министерство народного просвещения и Святейший Синод разрешили проведение досрочных испытаний. Шаг навстречу молодежи сделало и военное ведомство, допустив с 1915 г. прием в военные училища без экзаменов юношей, окончивших шесть классов средних учебных заведений или два класса духовной семинарии.

Несмотря на распространение среди учащихся старших классов «добровольчества» (то есть ухода в армию с согласия родителей и учителей) и поступления в военные учебные заведения, эти благородные поступки не решали задачу создания массового армейского резерва. В таких условиях развертывание допризывной военной подготовки молодежи становилось необходимой и ожидаемой обществом мерой. Тем более, что строевые упражнения на занятиях по физической культуре (гимнастике) стали популярными в школах и вводились учителями в

канву уроков помимо начальственных указаний. На этом фоне ярким проявлением общественной инициативы выглядит образование в Москве 8 октября 1915 г. первого в стране военно-спортивного комитета (его председателем стал В.Н. Шустов).

Основная организационная работа по созданию военно-спортивных комитетов началась вслед за утверждением «Положения о мобилизации спорта». Уже 10 декабря был создан военно-спортивный комитет в Петрограде. Но определяющим для администрации школ явился циркуляр Министерства народного просвещения от 23 декабря 1915 г.; со своей стороны, поддержку оказало и Министерство внутренних дел, обязав губернские власти и уездных полицейских исправников содействовать реализации «Положения» и известить население о создании таких комитетов (с возможным открытием курсов военной подготовки). На местах подготовительную работу нередко выполняли уездные воинские начальники, но имеется множество примеров, когда эту функцию брали на себя директора гимназий и реальных училищ. Анализ их донесений показывает, что сеть комитетов была сформирована довольно быстро (за три-четыре месяца): к примеру, Нижегородский губернский комитет образовался в декабре 1915 г., Ефремовский (Тульской губ.) — в январе, Рязанский губернский и Вышневолоцкий (Тверской губ.) — в феврале, Елецкий (Орловская губ.) и Егорьевский (Рязанской губ.) — в марте 1916 года. Исключением выглядит Покровский (Владимирской губ.) комитет, созданный в ноябре 1916 года ⁸.

Столь быстрое прохождение организационного этапа имеет свои объяснения: во-первых, в мае 1916 г. предполагалось проведение итоговых испытаний, к которым воспитанников надо было успеть подготовить. А во-вторых, уполномоченные лица отнеслись к устройству комитета как к исполнению своего патриотического долга. В данном контексте типична оценка деятельности такой инициативной группы в Вязьме, высказанная начальником местного гарнизона генерал-майором Н.А. Левицким: «особо важную задачу» выполнил директор Вяземской гимназии А.А. Калачёв, «отнесшийся к этому делу весьма сочувственно и серьезно» ⁹.

Всего документально подтверждена деятельность к исходу 1916 г. не менее 17 военно-спортивных комитетов в следующих губерниях Центральной России: Владимирской (Муром, Покров), Калужской (Калуга), Московской (Москва, Серпухов), Орловской (Брянск, Елец), Нижегородской (Нижний Новгород), Рязанской (Егорьевск, Раненбург, Рязань), Смоленской (Смоленск, Вязьма), Тверской (Вышний Волочок), Тульской (Алексин, Белев, Ефремов). Приведенные сведения позволяют поставить под серьезное сомнение общеимперский показатель (23) количества военно-спортивных комитетов, который (за неимением иного) используется в обзорных и специальных работах по истории российского спортивного движения ¹⁰.

При формировании комитета в него включали представителей администрации, земств и городских дум, офицеров расквартированных воинских частей, директоров или инспекторов местных средних учебных заведений и высших начальных училищ, активистов спортивных обществ; завершился организационный этап выборами председателя и его товарищей (заместителей). Председатель и персональный

состав комитета утверждались, согласно §§ 14 и 21 «Положения о мобилизации спорта», специальным распоряжением Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи (то же предполагалось при кооптации или исключении из состава комитета). Вместе с тем, если персона, рекомендуемая к включению в комитет, уже служила по какому-либо ведомству, то для исполнения ею одновременно новых обязанностей требовалось согласие начальствующего лица по принадлежности. Проиллюстрируем эту практику рядом примеров.

Вышневолоцкий комитет возглавил уездный предводитель дворянства камергер П.К. Колзаков, одним из товарищей председателя значился директор реального училища М.Д. Папаянов, участвовали также: начальник училища кондукторов путей сообщения А.А. Елисеев, уездный воинский начальник подполковник В.А. Карташов, командир Олитского конского запаса подполковник К.Г. Андриенко, инспекторы реального и народных училищ, врач реального училища. В Раненбурге военно-спортивный комитет организовывал директор мужской гимназии Э. Маршевский, но председателем «закрытой баллотировкой» был избран председатель земской управы Н. Ракидин. Кроме них в состав комитета вошли раненбургский исправник В. Иванов, председатель родительского комитета Жаворонков, член городской управы С. Тулинов, прапорщик Медведев, инспектор технического училища И. Шашкин. В Егорьевском комитете председателем стал директор мужской гимназии С.С. Пузицкий, в Муромском — директор реального училища И.И. Смирнов (с одобрения попечителя Московского учебного округа), в Алексине — уездный воинский начальник подполковник Виноградов. В Серпухове для вхождения инспектора Александровской гимназии С.П. Веселовского в состав местного комитета понадобились не только собственное постановление от 14 мая 1916 г., но и резолюция «не встречает препятствия» со стороны помощника Главнонаблюдающего В.И. Срезневского¹¹ (получено 26 мая) и утверждение окружного начальства¹².

Если в небольших городах отсутствовали условия (в том числе, материальные) для образования комитета, то учебные заведения, где должна была осуществляться допризывная подготовка, приписывались к губернскому или ближайшему уездному военно-спортивному комитету. Так, Рязанскому комитету (председатель — директор Рязанской 2-й гимназии И.Н. Борисов) было подчинено Спасское реальное училище, Брянскому — Бежицкая гимназия, а деятельность Московского комитета распространялась вне столицы на местности, которые не имели возможности организовать собственные комитеты, а именно — на Сергиев Посад, Подольск, село Раменское¹³. Разумеется, в ведении комитетов находились все расположенные на вверенной территории мужские учебные заведения (государственные, общественные и частные, в том числе — эвакуированные в 1915 г. из западных губерний России) вне зависимости от ведомственного подчинения.

Для повседневной работы комитетов важное значение имели два документа — «Инструкция» Канцелярии Главнонаблюдающего от 1 марта 1916 г. и циркуляр Министерства народного просвещения от 3 мая 1916 г. по применению «Положения и мобилизации

спорта»¹⁴. По тексту «Инструкции» можно судить о содержании и направленности курса допризывной военной подготовки учащихся. Курс включал: изучение присяги, строевую подготовку, гимнастические упражнения, бег, стрелковую подготовку, поведение воина перед боем и в рассыпном строе. Причем, все следовало «проходить исключительно практически» и с учетом состояния организма обучаемого: «проходя гимнастические упражнения, нужно следить за физиологически правильностью их выполнения, а при тренировке в беге на первом месте должна быть поставлена ритмировка дыхания». Продолжительность подготовки устанавливалась по три занятия в день с длительностью в 45 мин. каждое, здесь же рекомендовалось и примерное расписание. Приведем его полностью. *Первый день*: первое занятие — гимнастика, лазание, ходьба и бег, второе занятие — строевая подготовка, третье занятие — строевая подготовка. *Второй день*: первое занятие — полевая гимнастика, ходьба и бег, второе занятие — сведения, обязательные для рядового, третье занятие — полевая служба. *Третий день*: первое занятие — гимнастика, лазание, ходьба и бег, второе занятие — строевая подготовка, третье занятие — строевая подготовка¹⁵.

Указанный «стандарт» в содержательной части реализовывался повсеместно и без отступлений; правда, в архивных документах приводятся сведения об инициативе Вышневолоцкого комитета, где реалисты VI и VII классов обучались верховой езде и «элементам конного строя». Более того, директор местного реального училища в донесении от 3 мая 1916 г. даже обосновал желательность обучения воспитанников езде на велосипеде, управлению «мотоциклетом и автомобилем» при условии «свободного времени по исполнению установленной программы». Примерно то же предложил и председатель Рязанского комитета¹⁶.

Остановимся подробнее на содержании второго документа — министерского циркуляра, поскольку в нем излагалась организационная составляющая допризывной подготовки будущих воинов¹⁷: 1. Определялся возрастной и учрежденческий состав учащихся, подпадавших под действия «Положения»: это достигшие 16-ти лет выпускники всех типов средних школ (общеобразовательных и специальных), а также высших начальных училищ. 2. Учащимся предпоследних классов, желающим по окончании учебного года поступить на военную службу, разрешалось прохождение курса допризывной подготовки одновременно с учениками VIII класса гимназий и VII класса реальных училищ. 3. Допускались к занятиям по допризывной подготовке учащиеся — «иностранные подданные не воюющих с нами государств» (по разрешению их родителей). 4. Ученики с физическими недостатками, лишенные возможности заниматься допризывной подготовкой, освобождались от физических упражнений решением педагогического совета по заключению гимназического врача, но с прохождением «словесной» части программы, куда входили «военный устав и много других полезных сведений, изучение которых может способствовать приучению учащихся к совместным действиям и к дисциплине, развивая в них вместе с тем сознание долга и преданности Царю и Родине». 5. Испытания учеников в знании курса производятся в мае особой комиссией от местного военно-спортивного комитета; выдача аттестатов и выпускных свидетельств должна быть приурочена к выдаче

удостоверений о допризывной подготовке и происходить в конце мая. 6. Допризывная подготовка является совершенно отдельным предметом среди программ учебных заведений. 7. Оплата труда инструкторов по допризывной подготовке должна производиться как из денег, отпускаемых военно-спортивным комитетам (20 руб. за сдавшего испытания и 50 руб. за ученика, удостоенного комиссией звания «инструктор»), так и за счет средств, «из которых обыкновенно оплачиваются уроки гимнастики». 8. Для предупреждения уклонений учащихся от изучения военного строя педагогическим советам предписывалось «ознакомить учащихся со значением допризывной подготовки» (пункт оказался излишним — «уклонений» не было отмечено).

Для успеха процесса обучения важное значение имеет его материальное и кадровое обеспечение: помещения и условия для занятий, оборудование, наличие квалифицированных преподавателей. Из отчетов председателей военно-спортивных комитетов следует, что немалые трудности возникали с помещениями для занятий. И если уроки гимнастики и военного строя могли проходить в хорошую погоду на школьном дворе, то в холодную и дождливую — требовались закрытые помещения: оборудованные спортивными снарядами гимнастические залы (часто проектами зданий не предусмотренные). В столицах и крупных губернских городах, где было несколько гимназий и реальных училищ, решение проблемы достигалось использованием таких залов в соседних школах, где военно-спортивным комитетам разрешалось приводить занятия и с юношами «беззальных» учебных заведений. Правда, этот «допуск» зависел не столько от желания директоров, сколько от «пропускной способности» спортивных залов и состояния школьных зданий. Так, в Москве директор гимназии Н.П. Страхова в январе 1916 г. предоставил помещения гимназии для нужд Московского военно-спортивного комитета, ибо считал это «своим нравственным долгом» Аналогично поступили и в других московских школах (например, гимназиях В.Д. Касицына, З.Н. Шамониной, С.И. Ростовцева и др.).

Однако благоприятные решения были возможны далеко не везде. К примеру, в части помещений (и гимнастическом зале) Петропавловского реального училища располагался госпиталь на 250 чел., устроенный Биржевым и Купеческим обществами. Поэтому занятия по военной подготовке пришлось проводить в коридорах. Директор Московского 3-го реального училища счел возможным выделить зал военно-спортивному комитету только на вечернее время — «от 7 до 10 часов вечера» (включая воскресенье), объяснив это занятостью гимнастического зала своими учениками («с 12 до 2 дня») и воспитанниками эвакуированного Варшавского 2-го реального училища («от 3 до 5 часов вечера»). Точно так же поступил и директор Лазаревского института (правда, в июне он разрешил использовать в каникулярное время не только гимнастический зал, но и «плацдарм в саду»). В небольших уездных городах с одним или двумя учебными заведениями ситуация была сложнее: в зимнее время и в непогоду при отсутствии спортивного зала приходилось использовать школьные рекреации и коридоры. В Вяземской же гимназии местом для занятий строевой гимнастикой служил актовый зал «длиной — 10 саж., шириной — 3, высотой — 2 саж» (соответственно, примерно 21,3х6,4х4,3 м)¹⁸.

На первый взгляд, летние вакации 1916 г. должны были устранить, хотя бы на каникулярное время, проблему нехватки залов (площадок) для занятий военным строем. Но и здесь возникли разного рода осложнения. И если директора ряда московских школ (реального училища К.П. Воскресенского, гимназий Н.П. Страхова, В.Д. Касицына, З.Н. Шамониной, имени Г. Шелапутина) удовлетворили ходатайства военно-спортивного комитета, то в гимназии А.Е. Флерова и 3-м реальном училище их по веским причинам отклонили: в первом случае предстоял ремонт учебного здания, а во втором — гимнастический зал был ранее предоставлен «Общественной спортивной организации» и обществу «Физическое воспитание»¹⁹.

Как сказано выше, в программу занятий с учащимися входила стрелковая подготовка, и поэтому в распоряжение военно-спортивных комитетов было передано оружие из ближайших арсеналов (например, в Москве — это винтовки системы Бердана, в Вышнем Волочке — трехлинейные винтовки Мосина)²⁰. В свою очередь, местные комитеты предоставляли оружие администрации учебных заведений.

Преподавание военных дисциплин осуществлялось инструкторами — штатными учителями гимнастики или офицерами из расквартированных рядом воинских частей. Так, в московской гимназии Н.П. Страхова руководил подготовкой учеников VII и VIII классов офицер Алексеевского военного училища георгиевский кавалер подпоручик Кадаманов, в московском Петропавловском реальном училище занятия прошли с пользой благодаря «особой энергии преподавателя гимнастики С.В. Казанского», в Вышневолоцком — преподавали «без всякого вознаграждения» и «очень интенсивно» поручик Хрипов, корнет С.Н. Шиманчевский и прапорщик С.Н. Скрипицын²¹. О значении, которое военное ведомство придавало таким занятиям, можно судить по распоряжению командования Московского военного округа «не отправлять на фронт офицеров, ведущих допризывную подготовку до окончания курсов таковой»²². За свои труды инструкторы получали, согласно п. 7 «Инструкции», «воспособление», то есть соответствующую оплату. Вместе с тем, документы свидетельствуют о сложностях, с которыми сталкивались комитеты при комплектовании штата офицеров-инструкторов. Так, начальник Рязанского гарнизона генерал-лейтенант А.С. Гласко с трудом выделил трех офицеров — прапорщика Смирнова, капитанов Цитовича и Шелеметьева (им были приданы «четыре помощника из числа фельдфебелей и нижних чинов»), а уже в мае 1916 г. из-за «перехода войск в лагери» с учащимися занимался один офицер²³. Те же трудности отмечены в небольших уездных городах, особенно, если там не были дислоцированы войска. Любопытно, что в Калужском военно-спортивном комитете инструктором работал военнопленный чех — унтер-офицер Вацлав Трефни (он имел право свободного проживания в Калуге)²⁴.

Здесь уместно сказать, что руководство ведомства беспокоили не только заполнение штата инструкторов, но и манера общения офицеров (не педагогов) с юношами. В этом отношении показательны рекомендации, высказанные В.И. Срезневским директору Рязанской 2-й гимназии И.Н. Борисову: «Г.г. преподающие должны в высшей степени вежливо обращаться с курсистами, памятуя, что курсисты, по окончании курсов, могут сделаться наставниками для молодых

солдат и, безусловно, переймут те методы учения, которые испытали на себе. Результаты некорректного обращения с молодежью обнаруживаются на уменьшении числа обучающихся, а иногда влекут за собой еще более тяжкие последствия»²⁵.

Указания, содержащиеся в «Инструкции» и циркулярах по организации занятий по военному делу, носили самый общий характер, и поэтому на практике школы самостоятельно определяли поурочно-временное построение учебного процесса. Обращение к текущей документации учебных заведений позволило выделить два этапа такого построения. Первый состоял в проведении полуторачасовых занятий (на двух последних уроках) два-три раза в неделю в течение второго полугодия 1915—1916 учебного года и продолжался до конца апреля (с 1 мая в школах традиционно начинались выпускные экзамены, а с 15 мая — переводные). Строевые упражнения обычно устраивались в воскресные дни во избежание создания помех учебному процессу. Например, в гимнастическом зале Московского 3-го реального училища они проходили с «12 до 2 дня» для собственных воспитанников, а «от 3 до 5 часов вечера» — с учениками эвакуированного Варшавского 2-го реального училища.

На втором, майском, этапе организовывались ежедневные занятия только по военному делу (по дисциплинам общеобразовательной школьной программы оценки выставлялись выпускникам в «аттестат зрелости» на основании результатов годовой успеваемости, то есть без сдачи экзаменов); по их завершении комиссия проводила испытания по усвоению дисциплин военной подготовки. Столь длительное «погружение» в военную тему реализовывалось следующим образом: учащиеся приходили в учебное заведение, где в течение шести часов — в здании (в классах, гимнастических и актовых залах, коридорах) или на свежем воздухе (на гимнастических площадках) — занимались изучением устава, строевой подготовкой, физическими упражнениями, стрельбой и т.п. К примеру, в Ранебургской гимназии занятия по гимнастике были окончены в апреле, обучение же военному строю и ружейным приемам (с использованием винтовок) продолжалось в период с 1 по 28 мая. График ежедневных тренировок был весьма плотным: «с 9 до 12 часов утра и с 3-х до 6-ти часов пополудни». «Производил» занятия, то есть выполнял функции инструктора допризывной военной подготовки прапорщик В.А. Глазов. По отзыву директора гимназии, «обучение им было поставлено серьезно»²⁶. В Ефремовском реальном училище воспитанниками был «пройден полный курс допризывной подготовки, обучение стрельбе в цель дробинками из винтовок системы Бердана»²⁷. Подобным образом на втором этапе строились занятия по военному делу в большинстве учебных заведений.

Однако в ряде школ применялся другой вариант, когда при поддержке местных военных властей и родителей для выпускников устраивались лагерные «сборы», логическим завершением которых также являлись итоговые испытания в конце мая. Разумеется, для этого требовались безупречные материальные и организационные условия, а поскольку они имелись далеко не везде, то примеры использования данного варианта единичны — в ходе архивного поиска выявлены лишь в Вышнем Волочке и Вязьме. Рассмотрим их подробнее.

В Вышневолоцком реальном училище ученики выпускного VII класса жили с 7 по 25 мая в специально оборудованном помещении на нижнем этаже школы. По мнению директора училища, это было сделано «ввиду серьезности задания и краткости времени, для большей продуктивности обучения и создания соответствующей атмосферы». Учащиеся весь день проводили «в занятиях», здесь «был установлен совершенно воинский уклад жизни с несением караулов, соответствующим распределением дня и пр.». Рядом с реалистами неотлучно находился поручик Хрипов, который лишь иногда разрешал своим подопечным «отпуск»²⁸.

В Вязме интенсивные занятия по военной подготовке гимназистов выпускного VIII класса были организованы во второй половине мая и продолжались две недели. Учащиеся проживали в военном лагере — в армейских палатках — и питались согласно «солдатской раскладке». По сообщению генерал-майора Левицкого, в лагере «в течение всего времени поддерживался отличный внутренний порядок и дисциплина всеми юношами». Результаты не замедлили сказаться: 26 мая комиссия под председательством генерал-майора В.П. Мезенцова, проведя «испытание боевой подготовки учеников», определила, что «успехи превзошли все ожидания». А именно: «строевая подготовка не оставляет желать ничего лучшего, стрельба отличная, инструкторские обязанности усвоены хорошо, знание уставов очень хорошее; но, главное, прекрасное настроение и сознательное отношение молодежи к делу подготовки себя к будущей роли защитника царя и Отечества».

Особым образом организовали майские занятия с выпускниками в Рязани. Здесь военно-спортивный комитет, не располагая площадками в школах для организации тренировок всей массы учащихся (более 150 чел.) и не имея возможности привлечь достаточное количество офицеров-инструкторов, предпочел перенести часть уроков за город — в армейский лагерь. Но в отличие от вяземского варианта (с проживанием восьмиклассников в солдатских палатках) военные власти Рязани не смогли обеспечить, даже на месяц, размещение допризывников в лагере из-за дислокации там войсковых частей. В результате, как констатировали в комитете, около ста учеников 1-й и 2-й гимназий, реального и эвакуированного Ковенского коммерческого училищ «должны были непроизводительно тратить время и во всякую погоду, часто ненастную, ходить из города в лагерь и обратно», преодолевая расстояние в 8 верст. Только учащиеся гимназии Н.Н. Зелятрова (54 чел.) и курсисты (то есть более 50 взрослых жителей, пожелавших получить военную подготовку на организованных комитетом курсах) продолжили заниматься в Рязани под руководством поручика конно-полицейской стражи В.Я. Лудемера: первые — на гимназической площадке, вторые же — сначала на городской площади, затем во дворе полицейского управления и, в завершении, на «специальной площадке в подгородней роще Рязанского спортивного общества»²⁹.

Показательно, что первые результаты обучения военному строю были продемонстрированы до завершения курсов — на городских парадах 6 мая («День рождения государя императора») и 14 мая («День Священного Коронования Их Величеств»).

После окончания обучающего цикла во всех военно-спортивных комитетах приступили к работе испытательные комиссии. Они имели целью определить, насколько ученики овладели, в первую очередь, практическими навыками, хотя проверялось и знание воинского устава. В состав комиссий входили члены военно-спортивного комитета с представительством офицеров местного гарнизона. Экзамену подлежали проходившие военную подготовку выпускники всех средних и низших учебных заведений (и светских, и духовных), приписанных к данному комитету. Итоги испытаний фиксировались в протоколах (экзаменационных ведомостях), параллельно составлялись списки лиц, окончивших курсы допризывной подготовки, для выдачи соответствующих удостоверений; отчеты о работе комиссий направлялись в управляющие инстанции по ведомственной принадлежности. Согласно отчетам, испытания выдержали от 90 до 100 процентов явившихся на экзамен. Приведем ряд примеров.

Высокий уровень подготовки будущих воинов был отмечен и испытательной комиссией Вышневолоцкого военно-спортивного комитета. Она вынесла следующее суждение по итогам экзамена 25 мая: «подготовка учеников VII класса по всем отделам программы, включая вольтижировку и верховую езду, оказалась превзошедшей ожидания комитета». Подчеркивалось, что все эти «чрезвычайно ценные результаты» явились, в значительной мере, «результатом желания учеников VII класса», принятого «сочувственно» их родителями. Комиссией Егорьевского военно-спортивного комитета 31 мая были признаны «подготовленными» 78 учеников из 86 сдававших. 17 мая комиссия Московского военно-спортивного комитета оценила как «весьма успешные» итоги экзамена 16 учеников реального и 17 учеников гимназического отделений Петропавловского училища. В Раненбургской гимназии выпускники выдержали 28 мая испытания «блестяще». В Новоторжокском реальном училище (г. Торжок Тверской губ.) экзамены с успехом сдали все 24 испытуемых, столько же учащихся реального и начальных училищ было испытано 30—31 мая в Севске (Орловской губ).

Однако далеко не все школы располагали возможностями исполнить указания циркуляра. Часть директоров, опираясь на недавний успешный опыт, ориентировалась на возобновления занятий по допризывной подготовке со второго полугодия 1916—1917 учебного года. К такому решению их склоняли и повседневные школьные реалии: погодные условия осени препятствовали проведению тренировок вне помещений, а вынужденное совместное обучение с эвакуированными детьми вело к скученности учащихся, переполненности классов, двусменным занятиям и позднему окончанию уроков. Положение могло усугубиться использованием части учебных зданий под госпитали или штабы. В данном контексте весьма показательны обстоятельства, сложившиеся в Ростовской гимназии (Ярославской губ.). Как явствует из протокола заседания педагогического совета от 18 октября 1916 г., в гимнастическом зале гимназии действовала начальная школа для детей беженцев, третий этаж занял лазарет Всероссийского земского союза (вместимостью 200 коек), а на оставшихся двух этажах разместились мужская гимназия и женская Мариинская, «чье здание реквизировано военными властями»; уроки для мужской гим-

назии начинались «во вторую очередь с 1 час. 20 мин». Обсуждавшие ситуацию педагоги подчеркнули, что выполнению предложения Министерства просвещения о занятиях на свежем воздухе будет препятствовать «суровая с сильными ветрами зима в здешнем краю». Перенос же военной подготовки на второе полугодие, ближе к весне, полезен и позволит обзавестись для учащихся «нужным количеством сапог, которых на настоящее время имеется небольшой запас»³⁰.

Систематические уроки (два-три раза в неделю) по допризывной подготовке продолжились и после рождественских каникул 1916 г. и шли до конца апреля. Политические потрясения Февраля 1917 г., хотя и привели к аресту и отстранению генерал-майора В.Н. Воейкова от должности Главноуправляющего, но на течение занятий в школах существенно не повлияли. Ведомству Главноуправляющего было присвоено новое название — «Уполномоченный Временным Правительством по делам допризывной подготовки и физического развития населения России» с назначением на эту должность В.И. Срезневского. 15 марта своим распоряжением Уполномоченный определил десять «отделов», которыми проверочная комиссия должна ограничиться на предстоящих испытаниях по допризывной военной подготовке: «1) гимнастика, 2) тренировка в ходьбе и беге, 3) полевая гимнастика, 4) одиночное учение (где есть ружья — ружейные приемы и владение оружием), 5) 3-х линейная винтовка образца 1891 года, 6) приготовительные к стрельбе упражнения, 7) поучение воина перед боем, 8) сознательное применение к местности, 9) служба полевого караула, и 10) разведка». 15 апреля последовали разъяснения о процедуре замещения в составе военно-спортивных комитетов уволенных должностных лиц императорской администрации представителями новой местной власти (например, по этой причине 6 мая Рязанский губернский комиссар Ф.К. Павлов назначил в состав комитета на место бывшего полицмейстера П.Г. Кузнецова начальника Рязанской городской милиции полковника В.А. Анисимова)³¹.

Однако военно-спортивные комитеты беспокоили не столько организационные новшества, сколько материальное и, особенно, финансовое обеспечение преподавания курса. Строго говоря, кратковременные задержки в поступлении денег отмечались еще летом 1916 года. Тем не менее, в августе были получены средства и на текущую деятельность, и на выплаты офицерам, занимавшимся с учащимися в феврале-мае. К 1 марта 1917 г. все военно-спортивные комитеты предоставили в Петроград «Отчеты о полученных и израсходованных в 1916 году суммах» и ожидали продолжения финансирования. Однако такого не последовало, хотя занятия интенсивно шли на протяжении января-апреля и завершились испытаниями в мае 1917 года. В результате, комитеты оказались в тяжелом финансовом положении, которое можно проиллюстрировать на примере Рязанского военно-спортивного комитета. На 1 января 1917 г. он располагал суммой в 148 руб. 43 коп. (она сложилась из двух частей: переходной с 1916 г. — 99 руб. и канцелярской — 49 руб. 43 коп.). На заседании комитета 15 мая было констатировано, что за подготовку 175 допризывников шести учебных заведений Рязани и Спасска необходимо заплатить офицерам-инструкторам по смете 3500 руб., не считая расходов на делопроизводство. Столь значительными средствами комитет, естественно, не распола-

гал, и поэтому на имя Уполномоченного было направлена просьба о выдаче «воспособления» в указанном размере ³².

Но вместо этого 15 июня из Петрограда в адрес военно-спортивных комитетов Срезневским был отправлен циркуляр следующего содержания: «Финансовые затруднения, в которых ныне находится Государство, побуждают Правительство всемерно озаботиться наибольшим сокращением расходов, ограничиваясь лишь самыми неотложными. Ввиду этого Председатель Министров князь Г. Львов, признавая расход на допризывную подготовку не вызываемым крайнею необходимостью в настоящее время, предложил дальнейшую подготовку новых выпусков остановить. Вследствие сего прошу Военно-Спортивный Комитет представить в самое ближайшее время необходимые сведения и прислать списки окончивших, если они еще не высланы. Если начаты новые курсы, то, не прерывая их, следует закончить полностью, сообщив предварительно, в числе других сведений, сумму, потребную для окончательного расчета» ³³. Такая «остановка» параллельно с прекращением финансирования привела к ликвидации военно-спортивных комитетов и разрушению всей системы допризывной подготовки молодежи. В арсеналы было возвращено учебное оружие, а оставшиеся средства употреблены на оплату труда технических работников. Вознаграждение же инструкторам производилось исходя из денежных возможностей конкретного комитета.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в 1915 — первой половине 1917 г. военно-спортивные комитеты являлись, при всех трудностях становления, действенной формой организации допризывной военной подготовки среднешкольной молодежи в целях создания боеспособного армейского резерва. Старшие школьники овладевали навыками обращения с оружием, прицельной стрельбы, штыкового боя, военного строя, караульной службы и др.; особое значение придавалось укреплению физического здоровья будущих воинов через подвижные игры и занятия гимнастикой, бегом, ходьбой на расстояния. Наряду с мобилизационной, военно-спортивные комитеты выполняли воспитательную функцию, поддерживая патриотические настроения, повышали общественный статус и самооценку «курсантов». Обратим внимание также на общественно-политический аспект деятельности военно-спортивных комитетов: они реально стали полем взаимодействия, координации усилий государства и общества — местной администрации, военных, органов общественного самоуправления и педагогического персонала.

Сложно определить, насколько в условиях политических катаклизмов 1917—1920-х гг. были востребованы императорской армией, милицией при Временном правительстве, противоборствующими армиями «красных» и «белых» воинские навыки потенциальных призывников — старшекласников или окончивших средние школы. Разработка указанных сюжетов предполагает кропотливое аналитическое исследование соответствующих мобилизационных списков вкупе с обращением к мемуарной литературе. Полезно изучить и степень использования опыта военно-спортивных комитетов (организационного, учебно-методического, кадрового) при создании в Советской России системы Всевобуча — всеобщего военного обучения трудящихся, тем более, что введенное декретом ВЦИК в апреле 1918 г. оно рас-

пространялось не только на взрослое население, но и на юношей и подростков (в рамкой школьной категории обучаемых).

Примечания

1. Подробнее о деятельности Канцелярии и В.Н. Воейкова в качестве Главнаблюдающего см.: СУНИК А.Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX—XX веков. М. 2004, с. 469—476.
2. См., например: ИВАНОВ А.Е. Студенты в окопах. — Родина. 1993, № 8/9, с. 150—152; СТРАХОВ В.В. Патриотическое движение российской учащейся молодежи в период Первой мировой войны (1914—1917). — Известия Российской академии образования. 2009, № 2 (10), с. 29—37; БЕЛЕНЦОВ С.И. Социальная активность учащегося юношества в годы Первой мировой войны. — Известия Юго-Западного государственного университета. 2012, № 4, ч. 3 (43), с. 229—233; ПАРХОМЕНКО В. «Прощайте дорогие родители, я еду оборонять Россию»: юные добровольцы на фронтах Первой мировой. — Родина. 2013, № 8, с. 142—145.
3. См., например: ЗУЕВ В.Н., ЛОГИНОВ В.А. Нормативное правовое регулирование отечественной сферы физической культуры и спорта (история и современность): Учебное пособие. М. 2008; СТОЛБОВ В.В., ФИНОГЕНОВА Л.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Ю. История физической культуры и спорта: Учебник для студентов вузов физической культуры. М. 2001; Мобилизация спорта. В кн.: Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. Т. 2. М. 1962, с. 388; НАГОВИЦЫН Р.С. Становление теории и практики физической культуры как самостоятельного учебного предмета в средних общеобразовательных учебных заведениях России во второй половине XIX — начале XX вв. Дисс. канд. пед. наук. Киров. 2008; МЯГКОВ Ю.Н. Участие офицерского корпуса в развитии физического воспитания и спортивного движения в России во второй половине XIX — начале XX вв. Дисс. канд. пед. наук. М. 2010.
4. КАРПОВА Н.В. Псковский военно-спортивный комитет. — Псков. 2009, № 30, с. 54—61; БЕЛЮКОВ Д.А. Подготовка допризывников Псковской губернии в годы Первой мировой войны. — Военно-исторический журнал. 2010, № 3, с. 21—25; ЕГО ЖЕ. Физическая культура и спорт в уездных городах России в конце XIX — начале XX века (на примере Великих Лук). — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2011, № 7 (13), ч. III, с. 26—28; МОРОЗОВА О. Училище Родину защищать. — Республика (Чебоксары). 2004, 18 августа, № 33 (498); СТОЮШИН О.А., НАУМОВ А.А., ШАХОВ А.А. Физическая культура и спорт дореволюционного Ельца. — Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. Вып. 1 (95). Елец. 2013, с. 158—159; СУЛИМОВ В.С. Об организации военно-спортивного комитета в Кургане в 1916 году. В кн.: Зыряновские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «VII Зыряновские чтения». Курган. 2009, с. 102—103.
5. Подсчитано по: Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. СПб. 1907, с. 674—681.
6. См. подробнее: СУНИК А.Б. Ук. соч., с. 259—262; РАЙТ Д. Подготовка граждан: царский режим и военное обучение молодежи. 1906—1914. В кн.: Последняя война императорской России. М. 2002, с. 43—64; КУДРЯШОВ Ю.В. Российское скаутское движение. Исторический очерк. Архангельск. 1997; ШОБОДАЕВА А.В. Российский скаутинг: история, теория, практика. Омск. 1995.
7. Московские ведомости. I.X.1914.
8. Центральный государственный архив города Москвы» (ЦГАМ), ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 60; Государственный архив Липецкой области (ГАЛО), ф. 140, оп. 1, д. 1, 2, 3; Государственный архив Рязанской области (ГАРО), ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 1—1об.
9. ЦГАМ, ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 12об.
10. См., например: СТОЛБОВ В.В., ФИНОГЕНОВА Л.А., МЕЛЬНИКОВА Н.Ю. Ук. соч., с. 174—175; БЕЛЮКОВ Д.А. Подготовка допризывников Псковской губернии..., с. 23,

11. Срезневский Вячеслав Измайлович (1849—1937) — ученый в области филологии и научно-технической фотографии, деятель спортивного и олимпийского движения, председатель Российского Олимпийского комитета (1911—1918). См.: СУНИК А.Б. Ук. соч., с. 569—573.
12. ЦГАМ, ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 3, 14-15, 48, 61, 82, 98.
13. ГАРО, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 7; ЦГАМ, ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 10, 46.
14. Позднее была выпущена книга: Мобилизация спорта: Руководство для допризывной подготовки. Пг. 1916.
15. ЦГАМ, ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 26—26об., 54, 56.
16. Там же, л. 82об., 87—87об.: ГАРО, ф. 910, оп. 1, д. 6, л. 34.
17. ЦГАМ, ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 6—7.
18. Там же, д. 5980, л. 21.
19. Там же, д. 8174, л. 11—11об., 42, 44, 67, 68, 70, 71, 74, 75, 96.
20. Там же, л. 39, 72—73, 87.
21. Там же, л. 71—73, 81об., 110.
22. Там же, л. 37 (об этом распоряжении МВО учебные заведения были спешно уведомлены циркуляром от 3 декабря 1916 г.).
23. ГАРО, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 5, 27.
24. БЕЛОВА И.Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 — февраль 1917 г. М. 2011, с. 128.
25. ГАРО, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 15об.
26. ЦГАМ, ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 61—61об.
27. Там же, л. 89.
28. Там же, л. 87.
29. ГАРО, ф. 910, оп. 1, д. 2, л. 22, 26, 99.
30. ЦГАМ, ф. 459, оп. 3, д. 8174, л. 64—64об. (окружное начальство перенос занятий санкционировало, но с резолюцией : «Разрешено. Нет выхода. Поздно поступило ходатайство»).
31. ГАРО, ф. 910, оп. 1, д. 8, л. 15, 28—29, 53.
32. Там же, л. 29об.—32.
33. ГАРО, л. 68.

Царские путешествия по этническим регионам России

В.В.Трепавлов

До второй половины XVIII в. русским царям приходилось проезжать по стране лишь при выездах в загородные резиденции, на богомолье или по направлению к границе в военных походах или с дипломатическими целями. Начиная с Екатерины II, монархи время от времени покидали Петербург и отправлялись в странствие по подвластной империи. В XIX — начале XX в. некоторые из них к моменту своего воцарения уже имели опыт таких поездок, приобретенный еще в ранге наследников-цесаревичей.

Смысл продолжительных вояжей заключался в нескольких аспектах. Во-первых, демонстрировалась забота о провинциях империи, в том числе и о неславянском населении. Эта забота формально могла носить вид инспекции. Но в действительности работу региональных властей проверяли, пожалуй, только Павел I и (иногда) Николай I; Александр I же в своих длительных разъездах более напоминал туриста, чем ревизора. Но все-таки само присутствие монарха побуждало устранять некоторые неполадки и ограничивать злоупотребления. Как выразилась Екатерина II, раскрывая мотивы своих разъездов: «L' il du maître engraisse les chevaux» (хозяйский глаз зорек)¹.

Во-вторых, создавалась картина единения царя с его верноподданным народом. Проявления их взаимных любви и согласия скрупулезно отмечались и умилительно описывались в официозах и стараниями литераторов и публицистов (в большинстве своем убежденных патриотов-монархистов). При этом создавалась уникальная возможность, пусть и для ничтожного количества россиян, пробиться с прошениями к вершителю судеб империи. Екатерина объясняла своему французскому собеседнику, графу Л.-Ф. де Сегюру: «Я путешествую не для того, чтобы осматривать местности, но чтобы видеть людей... Мне нужно дать народу возможность дойти до меня, заслу-

Трепавлов Вадим Винцевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

шать жалобы и внушить лицам, которые могут употребить во зло мое доверие, опасение, что я открою все их грехи, их нерадение и несправедливость»².

В-третьих, в процессе путешествий происходило как бы обновление владычества России над ее землями. В историографии отмечалось, что это было повторное, символическое, завоевание территорий и повторное изъявление покорности их жителями³. Впрочем, такая трактовка не кажется бесспорной.

В-четвертых, в некоторых случаях в сложной политической обстановке целесообразны были личное присутствие монарха и исходящие от него объяснения важных проблем.

В-пятых, объезд подвластных земель обозначал суверенитет России над ними. Это было принципиально и для Екатерины II в 1787 г. при посещении Новороссии и Крыма, отвоеванных у турок, и для Александра II в его появлении на Кавказе в 1861 г. после недавно проигранной Крымской войны. Помимо демонстрации незыблемости русского правления в новообретенных владениях, требовалось расположить к себе завоеванные народы, убедить в терпимости и снисхождении верховной власти к их жизненным устоям и верованиям.

Наконец, участие региональных, в том числе «инородческих», начальников в мероприятиях, связанных с встречей и пребыванием высоких гостей, как замечал Р. Уортман, «вовлекало глав завоеванных земель и местную придворную знать в церемониальные представления имперской элиты»⁴, то есть в систему государственных ритуалов, объединявших социально близкие страты империи.

Что касается визитов престолонаследников в регионы, то их предназначение состояло в знакомстве с народами, над которыми им предстоит царствовать в будущем (знакомство неизбежно беглое и поверхностное). Эти поездки представляли собой последний этап образования цесаревича. Уже не по книгам и рассказам преподавателей, а воочию он убеждался в огромных размерах, богатстве и разнообразии империи. Кроме того, лицезрение его подданными способствовало укреплению среди них монархических убеждений.

Сведения о том, что «Помазанник милостью Божией» собирается посетить какой-либо край, порождали вспышку активности местного руководства. Спешно приводились в приличный вид улицы и дороги, по которым предстояло следовать царскому кортежу, в казенных заведениях наводили порядок в помещениях и документах, чиновники и полицейские готовили парадные мундиры. В общем, воздвигалась очередная «потемкинская деревня». Население охватывали противоречивые чувства — досады из-за устраиваемой начальством показухи и радостного ожидания.

В результате перед августейшими посетителями представала наспех созданная с разной степенью убедительности картина процветания и благоденствия города, уезда, губернии. Они, как правило, не возражали против торжественных встреч и демонстрации преданности престолу. Разве что Павел I запрещал приветственные церемонии и скопления народа в его честь, а во время своих вояжей больше интересовался строевой подготовкой местных гарнизонов.

Из допетровской эпохи шла практика создания искусственной массовости на улицах, требование к населению толпиться или чаще

выстраиваться вдоль дорог, по которым проедут царские экипажи. Речь не идет о сгоне публики по приказу, тем более, что практически все жители ближних и дальних поселений были готовы съехаться, чтобы поглазеть на царя, царицу или цесаревича. В 1891 г. при проезде будущего Николая II через казахские степи массы окрестных кочевников чуть было не хлынули в Уральск. Во избежание столпотворения областное начальство распорядилось выделить для этого от каждого уезда только по сто кибиток⁵. В результате удалось установить стройный порядок, и встреча протекала по принятому тогда канону. В Омске вдоль дороги выстроились, встречая наследника, представители местных народностей: впереди — самые почтенные казахские султаны с подношениями, затем справа от дороги — депутаты от таранчей и дунган, слева — «группа интеллигентных киргиз» (студенты университетов, учащиеся гимназий, кадеты)⁶.

Система симметричной расстановки подданных, приветствующих своего государя, сложилась давно и соблюдалась в разных регионах. Еще Екатерину Великую при въезде в Полоцк в 1780 г. встречал весь этнический спектр населения этой бывшей экономической столицы Великого княжества Литовского. Ко времени визита императрицы половина города, разделенного рекой, вошла в состав Российской империи по первому разделу Польши (другую половину присоединили при втором разделе). Вдоль центральной Большой улицы слева стояло «собравшееся от всех имеющихся в Полоцке костелов духовенство», справа — «фамилии знатного польского дворянства», затем по обе стороны — «евреяне с их кагалами», за ними — русские чиновники и, наконец, снова «знатнейшее польское дворянство». За Триумфальными воротами «матушку-государыню» под колокольный звон, рев органа и труб приветствовали иезуиты «в служебной одежде с животворящим крестом», ремесленники и мещане, построенные по цехам и гильдиям⁷. При проезде вереницы экипажей через городки и местечки края к ним выходили «обоего пола евреяне с их кагалом», с хлебом-солью, приветственными одами и музыкой⁸. Причем, евреям, видимо, не удалось вручить свою оду в момент въезда царицы в Полоцк, и они улучили момент, когда она выходила из кареты у Наместнического правления. В придворном отчете уточняется, что это была та самая «от евреяне ода, которая подносима была... при въезде в город»⁹.

В этих построениях чувствовалась направляющая рука. Когда в 1767 г. Екатерина въезжала с волжской пристани в Казань, то на улицы и крыши домов высыпали и прилипли к окнам многочисленные горожане, причем «российские и татары». Но при шествии царицы в соборную церковь и обратно обошлось уже без русских: «по обеим сторонам стояли татары и черемисы с женами и дочерьми, во всем их богатом платье»¹⁰. То есть губернская администрация организовала своего рода этническую презентацию своей провинции, с расчетом, что она понравится любознательной визитерше. Таким же образом, выдвигая на первый план представителей «горских племен», готовились принять высоких путешественников на Кавказе¹¹.

Екатерина была дамой довольно сентиментальной. Тонко используя это, организаторы путешествий выстраивали на ее пути детей. В прибалтийских владениях выставляли напоказ маленьких девочек. На

ступенях ревельского ратгауза (ратуши) расположились двенадцать юных немок, дочерей городских должностных лиц, в одинаковых пастушьих нарядах и венках на головках, с корзинками цветов. У триумфальных ворот при въезде в Дерпт тоже двенадцать воспитанниц местных пасторов изящно разбрасывали вокруг себя цветы и «на немецком диалекте пели канты». Сцена с бросанием цветов под ноги государыни и под колеса кареты «невинными пастушками» повторялась в других городах края¹². От этих слащавых пасторальных постановок таяло сердце самодержицы всероссийской — урожденной немки-лютеранки — наплывали воспоминания о детстве, о ее далекой, милой ангальтской родине.

Задумав посетить казанского епископа, Екатерина вошла во двор дома и обнаружила там не хозяина или его прислугу, а душещипательный аттракцион: по периметру двора выстроились «учащиеся в школах малолетние татары, мордва, чуваша, черемисы и вотяки (удмурты. — *В.Т.*), которые пели “Царю небесный” и держали в руках зеленые ветви». Отпев стихиру, школьники показали госте чтецкое мастерство. Двое прочли стихи по-русски, затем выходили маленькие «инородцы» и тоже декламировали вирши на своих языках — по-чувашски, по-черемисски, по-мордовски и по-вотяцки¹³.

В Бахчисарае, по дороге из ханского дворца — тамошней резиденции императрицы — до церкви, расставили отпрысков нерусских семейств. Екатерина по пути с умилением взирала, как ей машут и кланяются «благородные малолетние греки и албанцы», за ними — дети татарских мурз, дальше — дети переселенцев из Молдавии и Валахии¹⁴. Конечно, и это приветствие не было вызвано естественным порывом детворы. Камер-фурьер прямо написал в журнале, что дети были представлены ее величеству Г.А. Потёмкиным. Тот знал о ее пристрастиях и в очередной раз не ошибся: премилые *les enfants de Crimée* (дети Крыма) растроганной императрицей были «жалованы к руке»¹⁵.

По примеру любимой бабушки Александру I тоже пришлось любоваться юными девами во время поездок по Прибалтике. В Риге он отправился в театр, где при входе обнаружил неизбежных «благородных девиц в белоснежном батисте», которые выстроились в два ряда и бросали цветы.

В регионах, где имелась неславянская элита, «во сретение» выходили, наряду с русскими чиновниками и офицерами, ее высшие чины и руководители сословных корпораций. В Прибалтике это были почти исключительно остзейские немцы. Так, в Риге в 1764 г. Екатерину II приветствовали члены магистрата и знатные мещане. Обер-фогт магистрата Висель преподнес оду на бархатной подушечке, а комендант города Посиет — ключи от крепостных ворот («кои ее императорское величество изволила от него принять и обратно ему же отдать изволила») ¹⁶. В той же Риге почти через сто лет взору Александра II предстала пешая и конная городская гражданская стража, ведущая начало от Средневековья, шпалеры ремесленных цехов и строй подмастерьев. Над всеми ими развевались знамена и символические значки — как «весьма древние и исторически любопытные», так и недавно пожалованные покойным Николаем I ¹⁷.

Кавказ предоставлял зрелища иного рода. Здесь старались удивить экзотикой местных нарядов и обычаев. Горцы с гордостью вы-

носили пожалованные им знамена. Считалось, что принимать нагрянувших в край правителей империи подобает в национальных одеждах и при традиционном оружии.

Иногда организаторы мероприятий считали уместным показать лояльность монарху инославного духовенства, его смирение с доминированием православия в империи. В Полоцке в 1780 г., во время посещения его Екатериной II, это выразилось в построении около иезуитского костела католического и униатского духовенства: самих иезуитов, доминиканцев и базилиан в полном облачении. Когда императрица удалилась в свои покои, ее ближайший сподвижник Потёмкин отправился в кафедральный униатский собор, где был встречен митрополитом этой конфессии¹⁸. У ворот Бахчисарая в 1787 г. государыню встречали православное духовенство с Евангелием в руках и татарский муфтий с Кораном¹⁹ — зримый образ единения религий под скипетром «Северной Семирамиды».

Судя по отчетам о царских путешествиях, подданные-неславяне строго придерживались назначенных им местонахождений и образа действий. Русские же участники встречи могли допустить отступление от ее тщательно разработанного и отрепетированного сценария. В мае 1802 г. русские купцы Риги попросили Александра I дозволить им впрячься в его карету и везти ее до города вместо лошадей. Ошеломленный император стал отнекиваться, но после долгих уговоров согласился, и толпа из нескольких сотен человек повлекла его на себе к городским воротам²⁰.

«Этнографический спектакль», помимо церемоний встречи, включал сопровождение путешественников силами эскортов из местных народов. Началось это в имперский период с остзейцев и потом распространилось на другие провинции. Каретный кортеж Екатерины II в 1764 г. за версту до Риги окружили и сопровождали до города «рижские от рыцарства ландраты и знатное некоторое рыцарство». По дороге от Нарвы до Ревеля и в самом Ревеле почетный эскорт составили «депутаты рыцарства эстляндского»²¹.

Многочисленными событиями такого рода было отмечено путешествие царицы в только что присоединенный Крым. Еще на подступах к полуострову, после переправы через реку Конские воды в Запорожье, ее встречала и провожала ногайско-туркменская конница. В самой Тавриде, при приближении к бывшей ханской столице Бахчисарая, у селения Алма-Кермен, состоялся настоящий парад прежних хозяев края. По равнине растянулись хоругви (отряды) 26 знатнейших мурз, занимавших некогда высокие посты при Гиреях. Теперь они состояли под началом полковника И. Горича и возглавляли, в свою очередь, 1500 «вольно вступивших на службу татар». Все они салютовали царскому фаэтону с преклонением знамен и следовали с ним до Бахчисарая. Перед въездом в него навстречу выехал тысячный татарский отряд, в составе которого было тридцать крымских аристократов в роскошных одеждах. Они проводили караван экипажей в город²².

Сопровождавший Екатерину австрийский император Иосиф II удивлялся ее смелости, безрассудному доверию к побежденным крымцам. Она, в самом деле, не выказывала признаков беспокойства. Другой ее спутник, граф де Сегюр, рискованное, на первый взгляд,

татарское сопровождение приписывал ее собственной инициативе: «Монархиня пожелала, чтобы во время ее пребывания в Крыму ее охраняли татары... недавно лишь покоренные ее власти. Этот неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг»²³. Организатор визита Потёмкин убедил свою патронессу в полной безопасности странствия. Татарские отряды были наверняка им заранее подобраны и проинструктированы. А во время посещения ею Севастополя произошел эпизод, характеризующий светлейшего князя как отменного постановщика зрелищ.

22 мая 1787 г. Екатерина со спутниками обедала в столовом павильоне, сооруженном на берегу Ахтиарской бухты, как вдруг распахнулись балконные двери, и открылась чудесная картина. На пространстве обширного залива выстроился новый русский флот и салютовал из орудий в честь государыни. *А на переднем плане этого пейзажа, вдоль берега, протянулись ровные, как на параде, ряды татарской кавалерии*²⁴. Нельзя было более наглядно отобразить триумф империи на суше и на море!

На обратном пути, остановившись в Старом Крыму, царица пригласила разделить с ней ужин весь татарский эскорт, следовавший с ней от Бахчисарая. Свои впечатления от встреч с местным населением она подытожила в письме к столичному генерал-губернатору Я.А. Брюсу: «От татар мы видели ласку, как не воображали»²⁵.

Почти во всех крупных населенных пунктах, через которые пролегли маршруты царственных странствий, устраивались аудиенции. Их обязательным элементом было участие представителей местных народов. Вместе с казенными чиновниками и офицерами расквартированных там частей они призваны были олицетворять сплоченность вокруг монарха и благоденствие под сенью его правления. Отчеты о путевых аудиенциях довольно однообразны по содержанию. Как правило, абсолютное большинство таких мероприятий ограничивалось представлением высших должностных лиц и социальной верхушки этнических меньшинств, протокольными фразами монарха о его милостивом отношении и благодарности за преданность. Иногда зачитывались приветственные адреса и стихотворные посвящения, вручались подарки (от царя) и подношения (от приглашенных). Считалось, что уместно явиться перед августейшие очи в лучшем наряде и огласить приветствие на местном наречии. Совокупность многоцветных национальных костюмов и разноязыких речей создавали наглядную картину полиэтничности и, опосредованно, обширности и могущества России.

Взаимное общение ограничивалось «милостивыми» вопросами и краткими подобострастными ответами. Из подобных диалогов невозможно было почерпнуть никакой актуальной информации о крае. На приеме казахской депутации в Оренбурге в 1824 г. Александр I, обходя длинный строй кочевой знати, остановился возле жены хана Младшего жуза Ширгази. Остановился по единственной причине — заинтересовавшись экзотичным нарядом ханши и в особенности ее причудливым головным убором. Было неудобно просто молча стоять и разглядывать даму, и царь задал ей, очевидно, первый вопрос, который пришел ему в голову: где ей больше нравится, в степи или в Оренбурге? Та с достоинством отвечала: «Государь, здесь очень хоро-

шо, но там, где родишься, кажется еще лучше»²⁶. Часто дело не доходило до непосредственного общения со всеми присутствующими, и очевидцы не могли рассказать об аудиенции ничего, кроме перечисления и описания облика ее участников: «Мы любовались их лицами, ростом и стройным сложением»²⁷.

В принципе обращаться с прошениями на аудиенциях было не принято. Лишь люди, далекие от нравов двора, позволяли себе обременять высокого визитера своими проблемами. Например, якуты постоянно добивались, чтобы власти перестали использовать их исконные земли и угодья для размещения ссыльнопоселенцев. Эту инициативу они донесли и до цесаревича Николая, который проезжал через Сибирь, возвращаясь из Японии в Петербург. Решение этого вопроса от него никак не зависело, но якутские активисты решили использовать и этот редкий шанс. Местный губернатор советовал подумать над удовлетворением их просьбы — в том числе «для поддержания в якутском народе уверенности в милосердие и могущество своего монарха»²⁸.

Знакомство с этническим многообразием империи не ограничивалось официальными церемониями. По пути венценосцы познакомились с жизненным укладом подданных. Конечно, это знакомство оказывалось беглым и поверхностным. Но какие-то бытовые детали замечались. Во время поездок членов царствующей фамилии по стране у разноплеменных подданных империи появлялась возможность рассказать о своем народе, его обычаях и жизненном укладе, продемонстрировать искусство местных умельцев и — одновременно — преданность престолу. Расширить познания такого рода у царя, царицы, цесаревичей, великих князей и т.д. можно было самым наглядным способом: преподнести им продукцию местных промыслов, предметы быта и религиозного неправославного культа, а также специально изготовленные стилизованные изделия с познавательной этнической символикой.

Нельзя было не обратить внимания на непривычную архитектуру и интерьер жилищ, предназначенных для резиденций: Екатерина II по приезде в Бахчисарай расположилась в ханском дворце, а цесаревичу Николаю Александровичу при посещении Читы встречавший его тунгусский князь Гантимуров отвел для ночлега юрту. В почетной белой юрте Николай принимал казахские депутации на берегу Урала (правда, не ночевал там)²⁹. Александр II во время проезда на Кавказ через земли калмыков в 1871 г. имел возможность увидеть жилище кочевников во всей красе: по всей степи собирали ковры, кошмы, куски разноцветного шелка, чтобы установить и украсить предназначенный для показа *гэр* — калмыцкую юрту³⁰.

Эта юрта сооружалась для своеобразной этнографической выставки с целью дать императору представление о том, чем и как живут его калмыцкие подданные. Кроме *гэра* был поставлен павильон, в котором разместили жалованные царские грамоты разных времен, традиционные одежду и оружие. Все экспонаты были осмотрены императором и наследником-цесаревичем, будущим Александром III. Калмыки продемонстрировали визитерам процесс перекочевки и утановки такого жилища.

Похожую презентацию через двадцать лет устроило начальство Степного генерал-губернаторства для следующего престолонаследника

— Николая. В 12 верстах от столицы края Омска было устроено казахское кочевое стойбище с выставкой предметов быта, изделий домашних промыслов и ремесел, старинного вооружения. В юртах было велено сидеть «киргизам», среди которых расположились «совершенно подомашнему» чабаны, знахари, борцы и невеста в полном свадебном облачении. Для полноты степного пейзажа был пригнан скот и пущен пастись вдалеке от юрт. Близко его не подпускали, «чтобы поберечь зеленый вид местности, на которой был расположен киргизский аул». Выставка прошла успешно. Цесаревич поехал дальше, а довольное успехом начальство наградило казахов-участников почетными кафтанами, похвальными грамотами, золотыми часами и саблей.

Осматривать казахское кочевье на реке Илеке довелось некогда и Александру I. Царь взглянул на юрты («подвижные шалаши»), табуны, вежливо поинтересовался назначением некоторых «домашних приборов». Из публикации в «Отечественных записках» неясно, было ли то кочевье настоящим или бутафорским ³¹.

При посещении степных местностей гостей старались познакомить с народными развлечениями. Когда цесаревич Александр Александрович по пути из столицы в Крым в 1863 г. заехал в калмыцкую степь, для него были устроены «увеселения и зрелища». Замысел астраханских чиновников состоял в том, чтобы «показать великому князю в продолжение одного дня всю жизнь и весь быт калмыков в степи». Налицо был полный набор потех и забав кочевников: скачки на лошадях, борьба, соколиная охота, ловля диких лошадей, джигитовка. Устроители сочли, что сановным посетителям будет интересен и процесс перегонки молока в водку — *арку* ³².

Скачки всегда были любимым развлечением кочевников. Калмыцкие, казахские, башкирские всадники с удовольствием показывали свое мастерство и удаль, вихрем проносясь перед ликующими земляками и любопытствующими приезжими зрителями. Иногда для солидности зрелища их облачали в одинаковую одежду. Калмыки также устраивали показательные конные состязания среди мальчиков и женщин. И взрослых, и юных победителей, обогнавших соперников на конях или верблюдах, подзывали к царственным особам, и те поощряли их щедрыми призами (часами, деньгами, золотыми монетами) ³³. Из других развлечений устраивались укрощение необъезженных копей, соколиная охота, усаживание на землю верблюдов и прочее.

На все это путешественники взирали со стороны. Мне встретились единичные упоминания противоположного плана. В Мингрелии для Александра II была устроена облавная охота на оленей. В тот раз охотникам не везло. Чтобы не оставить царя без трофея, организатор мероприятия, «туземный» князь, направил в облаву собственного ручного оленя. Однако тот не бросился бежать, а спокойно стоял на месте и разглядывал людей. Александр, конечно, не стал его убивать, а подошел и погладил со словами: «Охота кончена и взят плен олень» ³⁴. Там же, в мингрельских горах, царю довелось отведать удивительное угощение, о котором остались воспоминания очевидцев. «Четыре рослых мингрельца подносят царю зажаренного на вертеле цельного быка, — разрезывая его, вынимают из внутри теленка, из теленка барашка, из этого индейку, из индейки — цыпленка, а из него дрозда, и все это приправлено артистически вкусно» ³⁵.

Сына Александра II в Области Донского войска знакомили с бытом калмыков, и он решил прокатиться на верблюде. Этим новым впечатлением он остался очень доволен, а уж «самодовольствие калмык не имело границ»³⁶.

При удобном случае принимающая сторона старалась развлечь высоких гостей музыкой. Репертуар зависел от региона. Если в прибалтийских провинциях давались стандартные европейские балы и маскарады, то на востоке государства, в степях и на Кавказе, «иногородцы» устраивали концерты музыки на национальных инструментах, с песнями и плясками. Где-то это выглядело как аккомпанемент к другим зрелищам или фон пиршества. А в Казани Екатерина II устроила смесь бала со сборным концертом. В загородный дом губернатора «собраны были татары, чуваша, мордва, черемисы и вотяки с женами, которые плясали, каждая порознь, при том играла их татарская музыка с припевами»³⁷.

В поле зрения и внимания самодержцев попадали места поклонения и священнослужители разных религий. Искренний или показной интерес к ним проявляли почти все коронованные путешественники. Инославное христианство католического и протестантского толка имело многочисленную паству относительно недалеко от северной столицы: в Прибалтике, Финляндии и землях, доставшихся России после разделов Польши. Во время приездов туда монархи посещали костелы, кирхи и монастыри, интересовались назначением предметов культа, деталей интерьера и внутреннего убранства, иногда осматривали кельи и духовные училища, присутствовали на богослужениях³⁸. В последнем случае в помещении храма воздвигались балдахин или трон.

Стоя перед таким тронем, Екатерина II слушала мессу в иезуитском костеле в Могилеве в мае 1780 года. Свидетель этого события, польский вельможа С. Понятовский в своих воспоминаниях объяснил ее желание посетить католический молебен тем, что до того она ни разу не была в костеле. Наблюдавшая много лет пышную, торжественную обрядность в русских церквях, она была разочарована аскетичностью католической службы, заскучала и едва выстояла до конца. За границей интересовались, «правда ли, что императрица греческая (то есть православная. — *В.Т.*) осквернила себя присутствием при католическом обряде». Доверенный корреспондент Екатерины, немецкий барон Ф.М. Гримм, пояснял любопытствующим, что «она была там только в качестве зеваки»³⁹. Сама императрица поделилась впечатлением с Понятовским: «Признаюсь, у меня было совершенно иное представление об иезуитах». «Иное представление» она получила накануне, при посещении домов иезуитов. Поразившись их веселью и любви к танцам, она поспешно, как потом оказалось, заключила: «Все остальные католические ордена свиньи в сравнении с ними»⁴⁰. Тем не менее, необходимость убедить неправославных новых подданных в своей благосклонности побуждала демонстрировать интерес к их вере.

Свидетелями мусульманских молебнов-намазов императоры, кажется, не были. Однако они порой наблюдали другие религиозные обряды. Когда Петр I в мае 1722 г., в преддверии своего Персидского похода, вместе с женой Екатериной I прибыл в Астрахань, ему дове-

лось присутствовать при характерном шиитском обряде самоистязания (ашура, шахсей-вахсей) в день поминовения святого имама Хусейна. Перед домом астраханского губернатора персы «рубилась ножами», «резались ножами», истекая кровью в знак траура ⁴¹.

Непонимание и любопытство сквозят в впечатлениях Екатерины II от Бахчисарая: «... Там мы помещены между минаретами и мечетями (в ханском дворце. — *В.Т.*), где кричат, молятся и вертятся на одной ножке 5 раз каждые 24 часа» ⁴². В голове православной немки явно смешались пятикратный намаз и суфийский обряд «сама (сема)» — вращение дервишей с целью достижения духовного просветления. Этим странным для нее нищенствующим подвижникам, мечетям, мусульманским духовным лицам Крыма (равно как и православным русским и греческим священникам) от Екатерины доставалось денежное подавание ⁴³. Ведь религиозная терпимость была одним из девизов ее царствования. Конечно, никакого сентиментального сочувствия к религиозным чувствам иноверных подданных у нее не было. Императрица откровенно высказалась в разговоре со своим кабинет-секретарем А.В. Храповицким накануне отъезда в Крым, что ее разрешение строить мечети и инициатива издать Коран сделаны «не для введения магометанства, но для приманки на уду» ⁴⁴.

Потомки Екатерины в целом придерживались толерантной политики по отношению к исламу. К этому обязывала многомиллионная масса подданных-мусульман, для которых царь стремился быть таким же покровителем и заступником, как и для своих единоверцев. По этой причине Николай II, несмотря на подчеркнутое преклонение перед всем русским и православным, при выезде на фронт в 1914 г. посещал не только церкви, но и мечети ⁴⁵.

При проезде путешественников через Калмыцкую степь им обязательно старались продемонстрировать буддийские храмы (хурулы) и исполнить некоторые религиозные обряды. Ставились кибитка для бакши (старшего ламы) и кочевой разборный хурул, перед ним выстраивались священнослужители и монахи в канонических желтых и красных одеждах, музыканты хурульного оркестра. При приближении высоких гостей начинали реветь длинные трубы, пищать дудки и рожки, грохотать барабаны и литавры. После этого десятиминутного приветствия, которое в одной публикации тех лет названо «страшным молитвенным концертом», прибывших приглашали осмотреть молельню и резиденцию багши, с удовольствием отвечали на вопросы о смысле обрядов и назначении тех или иных предметов. В честь царственных особ устраивалось богослужение ⁴⁶.

У людей, выросших в рафинированной придворной среде, отношение к «национальным окраинам» было настороженным. Блестящее воспитание, получаемое отпрысками царских семей, формировало широкий географический и культурный кругозор, но не избавляло от застарелых стереотипов. Еще во второй половине XVIII в. сохранялся взгляд на Поволжье, завоеванное двести лет назад, как на если не враждебную, то чужую землю. Отголосок такого отношения сквозит в письме Екатерины II некоей г-же Бельке: «Сегодня вечером или завтра утром я уезжаю в Казань вопреки трусам» ⁴⁷. «Труссы» из ее окружения в 1767 г. явно пытались отговорить государыню от невиданного в истории русской монархии предприятия — ознакомитель-

ной поездки в «инородческую» провинцию. Сама Екатерина не выказывала явных опасений. Свое намерение она оценивала спокойно и буднично: «Au mois de mai j'irai me promener a Cazan, c'est comme qui dirait a une maison de campagne» (В мае я проедусь в Казань, это как поездка на дачу)⁴⁸. Такое умонастроение обнаруживает восприятие императрицей Казанской губернии как части доставшегося ей «хозяйства», но несколько расходится с трактовкой в историографии ее путешествия по Волге как символического повторного «завоевания» татарских земель (Р. Уортман и др.).

Во время передвижений самодержцев по стране пристальное внимание уделялось их безопасности. Охрана была организована тщательно, и о каких-либо инцидентах сведений найти не удалось. Да и внутривластная обстановка в империи до 1870-х гг. оставалась в общем спокойной. Лишь когда развернулся народовольческий и эсеровский террор с его кульминацией — убийством Александра II, пришлось пересмотреть отношение к таким поездкам. Они почти прекратились. Цесаревич Николай Александрович уже не завершил цикл своего образования познавательной поездкой по России, но вместо этого отправился в далекие восточные страны (правда, возвращался он в Петербург из Японии через всю Сибирь).

Символический ресурс власти, которым обладал российский самодержец, нуждался в периодическом обновлении и пополнении. В атмосфере всеобщего казенного преклонения и обожания, которая окружала царственных путешественников на просторах империи, происходила регенерация этого ресурса. Щедрость императора и его приветливое отношение к людям из всех без исключения социальных слоев и этнических сообществ носили некоторый налет самолюбования. В нем укреплялась уверенность в процветании и бесконфликтности подвластного народа (Николай I: «В России все молчит, ибо благоденствует».) Это было результатом, в том числе, и умелой «режиссерской» работы организаторов путешествий.

Примечания

1. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785—1789). СПб. 1865, с. 155.
2. Там же, с. 154—155.
3. УОРТМАН Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М. 2004, с. 25.
4. Там же, т. 1, с. 195.
5. ШИПОВ Н.Н. Пребывание его императорского высочества наследника цесаревича Николая Александровича в Уральской области в 1891 году. Уральск. 1892, с. 22.
6. Пребывание его императорского высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича в г. Омске (Посещение киргизской кочевки и народных скачек). — Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. 20.XII.1891, № 50, с. 2—4. Киргизы (киргиз-кайсаки) — прежнее русское название казахов.
7. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1780 года. СПб. 1888, с. 317—318, 331. См. также: САПУНОВ А.П. Пребывание императрицы Екатерины II в Полоцке. Полоцко-Витебская старина. Витебск. 1916, с. 58.
8. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1780 г., с. 337.
9. Там же, с. 323.
10. Журнал камер-фурьерский 1767 г. СПб. 1856, с. 182.

11. См.: Заметки о путешествии его величества государя императора по Терской области. — Терские ведомости. 15.X.1871, № 42, с. 2; Пребывание на Кавказе в 1888 г. их императорских величеств государя императора Александра III Александровича и государыни императрицы Марии Феодоровны. — Кавказский календарь на 1889 год. Приложение. Тифлис. 1888, с. 3.
12. Журналы камер-фурьерские 1764 г. Б. м., б. г., с. 278—279, 301—303, 312, 339.
13. Журнал камер-фурьерский 1767 г., с. 190—191.
14. ЕСИПОВ Г.В. Путешествие Екатерины II в южную Россию в 1787 г. — Киевская старина. 1891, № 9, с. 424.
15. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб. 1886, с. 483—484.
16. Журналы камер-фурьерские 1764 г., с. 296.
17. Пребывание государя императора Александра Николаевича в Риге 25-го, 26-го и 27-го мая 1856 года. — Русский художественный листок. 10.VIII.1856, № 23, с. 2.
18. САПУНОВ А.П. Ук. соч., с. 58.
19. ЕСИПОВ Г.В. Ук. соч., с. 420.
20. Приложение к камер-фурьерскому журналу 1802 года. Январь — июнь. СПб. 1902, с. 12.
21. Журналы камер-фурьерские 1764 г., с. 270—271, 285—286.
22. БРИКНЕР А.Г. Путешествие Екатерины II в Крым. — Исторический вестник. Т. XXI. СПб. 1885, с. 488, 490; ЕСИПОВ Г.В. Ук. соч., с. 409, 420; Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 г., с. 454.
23. Записки графа Сегюра..., с. 208.
24. БОРИНОВИЧ А. Императрица Екатерина II. Новороссия и Одесса. Одесса. 1896, с. 26.
25. Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 г., с. 493; Приложение к камер-фурьерскому журналу 1787 г. СПб. 1889, с. 27.
26. О пребывании его величества государя императора в Оренбурге. — Отечественные записки. 1825, ч. 21, № 59, с. 414—415.
27. ПОБЕДОНОСЦЕВ К.П., БАБСТ И. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М. 1864, с. 361.
28. История Якутии в отчетах якутских губернаторов. Якутск. 2007, с. 61.
29. ЕСИПОВ Г.В. Ук. соч., с. 424; Телеграммы. — Тургайские областные ведомости. 23.VI.1891, с. 6; ШИПОВ Н.Н. Ук. соч., с. 44.
30. БУР[ДУ]КОВ Н. Император Александр II (В Калмыцкой степи в 1871 г.). — Гражданин. 8.XI.1898, с. 8.
31. Там же; О пребывании его величества государя императора в Оренбурге. — Отечественные записки. 1825, ч. 21, № 59, с. 416; Пребывание его императорского высочества государя наследника цесаревича Николая Александровича в г. Омске (Посещение киргизской кочевки и народных скачек). — Особое прибавление к Акмолинским областным ведомостям. 20.XII.1891, № 50, с. 3—4; Приказы по степному генерал-губернаторству. — Там же, 13.XII.1891, № 49, с. 1—2.
32. ПОБЕДОНОСЦЕВ К.П., БАБСТ И. Ук. соч., с. 415—421.
33. БУР[ДУ]КОВ Н. Ук. соч., с. 7; О посещении его императорским высочеством наследником цесаревичем Тургайской области. — Тургайские областные ведомости. 18.VIII.1891, с. 6; Путешествие его императорского высочества государя великого князя Николая Николаевича старшего, генерал-инспектора по инженерной части и кавалера. — Русский инвалид. 20.V.1871, с. 4.
34. ЩЕРБАКОВ А. Император Александр II на Кавказе в 1861 году. — Русская старина. Т. XL. 1883, с. 386—387.
35. Там же, с. 389.
36. Путешествие их императорских высочеств государя наследника цесаревича, государыни цесаревны и великого князя Алексия Александровича в Земле Войска Донского. — Русский инвалид. 26.VIII.1869, с. 5.
37. Журнал камер-фурьерский 1767 г., с. 193.
38. См.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1780 г., с. 282; Пребывание государя императора Александра Николаевича в Риге..., с. 3; САПУНОВ А.П. Ук. соч., с. 60.
39. БРИКНЕР А.Г. Путешествие Екатерины II в Могилев в 1780 году. — Русский вестник. Т. 154. 1881, с. 501.

40. САПУНОВ А.П. Ук. соч., с. 62, 64.
41. Походный журнал 1722 года. СПб. 1855, с. 90, 131.
42. КОВАЛЕНСКИЙ М.Н. Путешествие Екатерины II в Крым. М. 1916, с. 102.
43. БЕССАРАБОВА Н.В. Взаимоотношения Екатерины Великой с подданными во время путешествия в Крым. Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым. М. 2012, с. 164.
44. Цит. по: БЕССАРАБОВА Н.В. Внутриполитический и внешнеполитический аспекты путешествий Екатерины II по России. В кн.: Е.Р. Дашкова и ее современники. М. 2002, с. 126.
45. CREWS R.D. The Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. L. 2006, p. 352.
46. ПОБЕДОНОСЦЕВ К.П., БАБСТ И. Ук. соч., с. 3; Путешествие их императорских высочеств государя наследника цесаревича, государыни цесаревны и великого князя Алексея Александровича в Земле Войска Донского. — Русский инвалид. 26.VIII.1869, с. 460—465;
47. Цит. по: ИБНЕЕВА Г.В. Путешествие Екатерины II по Волге в 1767 году: узнавание империи. <http://idealhistory.org.ru/pdfs/10Ibneeva/pdf>.
48. Цит. по: БИЛЬБАСОВ В.А. Походы Екатерины II по Волге и Дону. В кн.: БИЛЬБАСОВ В.А. Исторические монографии. Т. 3. СПб. 1901, с. 231 (письмо от 20 января 1767 г.).

Словенский политик Б. Вошняк о России. 1904—1917 гг.

Л.А. Кирилина

Богумил Вошняк — юрист и публицист, один из видных словенских либеральных политиков первой половины XX века. Он родился в 1882 г. в Целье в достаточно известной словенской семье инженера и основателя либеральных кооперативов в словенских землях Михаила Вошняка, его дядей был видный либеральный политик и писатель Йосип Вошняк. Отец впоследствии постоянно оказывал сыну моральную и финансовую поддержку во всех его начинаниях, особенно во время его эмиграции в 1915—1918 годах¹. В 1901—1906 гг. Богумил Вошняк изучал право в Праге, Граце и Вене. В Вене он защитил докторскую диссертацию, а затем пополнил образование в Париже и Гейдельберге.

Период начала XX в. ознаменовался многими новыми явлениями в словенской общественно-политической жизни. Это было время усиления конфронтации между либеральной и католической партиями, падения авторитета первой и стремительного роста популярности второй, в которой все больше набирало силу христианско-социальное движение во главе с Я.Е. Креком. Накануне 1914 г. партия католиков (Словенская народная партия), благодаря эффективной социально-экономической политике привлекавшая на свою сторону большинство крестьянского населения, стала бесспорным лидером в Словении.

Либеральное движение, в отличие от католиков, не смогло предложить сколько-нибудь действенных мер для решения социального вопроса, поэтому все больше теряло свои позиции. В либеральном движении существовало несколько группировок. Одной из них стало движение национальных радикалов, студентов, в начале XX в. отделившихся от либеральной партии из-за недовольства ее малоэффективной политикой. К этой группировке и присоединился молодой Богумил Вошняк. Во время обучения в Вене он был председателем

Кирилина Любовь Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

студенческого общества «Словения», являвшегося центром, вокруг которого объединялись национальные радикалы.

В студенческие годы Б. Вошняк много путешествовал, посетил балканские страны, Италию, Палестину, Египет, а также, в 1904 г., и Россию. Юноша проявил большой интерес к самому крупному и могущественному славянскому государству. Сразу после путешествия, на основании своих путевых заметок он написал достаточно обширную (396 с.) книгу «На рассвете». Она вышла из печати в 1906 году. Книга студента оказалась актуальной — события русско-японской войны и начавшейся в 1905 г. первой русской революции подхлестнули интерес словенцев к стране и перспективам ее будущего развития.

Намерением Вошняка было представить целостное и фундаментальное исследование всех важнейших сторон жизни русского государства, выявить потенциал и перспективы его развития, а также препятствия, встречающиеся на его пути к «рассвету».

Любопытно, что в одной из первых глав книги молодой автор сделал попытку рассмотреть развитие русско-словенских связей, начиная с посещения Москвы С. Герберштейном в XVI в. и пребывания в России Ю. Крижанича (который, по мнению автора, был наполовину словенцем) в XVII в. и заканчивая словенскими стипендиатами Славянского учительского института, учившимися и работавшими в России в 1870—1880-х годах. Наибольшее внимание Вошняк посвятил Ф. Целестину, жившему в России в 1869 — 1873 гг. и затем вернувшемуся на родину, разочаровавшись в русской действительности и в идеалах славянского единства. Однако, скорее всего, виной его «разочарования» были и его неудачи в педагогической практике². По всей видимости, Вошняк читал книгу Целестина «Россия после отмены крепостного права», вышедшую в 1875 г. в Любляне на немецком языке и запрещенную в России из-за содержащейся в ней резкой критики русского абсолютистского правления и продажного чиновничества. Во всяком случае, Вошняк написал о разочаровании «полных светлых идеалов» словенских учителей, не нашедших в русских губернских городах отклика на идею славянства³.

Главный акцент в книге Вошняк делает на изучении русской среды с точки зрения позитивистской социологии и экономики. Описывая различные социальные слои русского общества, он уделяет большое внимание крестьянству и русской общине. «Россия — царство мужиков», — указывает Вошняк, — поэтому значение аграрного вопроса столь велико. «Тип русского мужика приближается к некоему социалистическому идеалу». Автор идеализировал русскую общину, вместе с тем отмечая архаичность земельных отношений в России, приводящую к «душевной летаргии» крестьян.

Вошняк видел и потенциал русского купечества, указывая, что у этого слоя общества есть будущее. «Вредно пытаться перескочить буржуазный период социального развития, потому что это просто невозможно, к тому же, буржуазия, вопреки всем существующим общественным антипатиям, расчищает путь» новому. Однако российский абсолютизм, по его мнению, препятствует свободному развитию буржуазии.

Самым большим злом российской действительности словенский публицист считал самодержавие и бюрократию, которые распростра-

нились в России со времен реформ Петра I, проводившихся под немецким влиянием. Отрицательное отношение к Петру I, по-видимому, сложилось у Вошняка под влиянием славянофилов. В развязывании русско-японской войны он обвинял не русский народ, а «деспотический режим Петра Первого и его немецких наследников». Абсолютистский режим с неэффективным коррумпированным чиновничьим аппаратом, по его мнению, препятствует прогрессу страны, репрессивными мерами душит общественную активность широких слоев населения. Буржуазия и интеллигенция тем самым исключаются из политической борьбы. Борьба абсолютизма с интеллигенцией была жестокой, «что привело к прямо-таки патологическому душевному состоянию интеллигенции, тупое смирение сменялось диким выпадом бесконечной ярости в адрес угнетателей»⁴. Поэтому в русском обществе развился неполитический дух, склонный к крайностям. Из этого последовал вывод: «В России все привыкли к повиновению, но никто не умеет управлять по-умному».

Национальный вопрос, по мнению Вошняка, русских особо не интересует. Часть интеллигенции — космополиты, часть — «консервативные националисты».

В России словенский студент сблизился прежде всего с кругом славянофилов. Он бывал на приемах у графа Н.П. Игнатьева, русского дипломата и государственного деятеля, с 1888 г. являвшегося председателем С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. Графа Игнатьева, которому Вошняка посвятил целую главу своей книги, он не причислял к «консервативным славянофилам», подчеркивая его «либеральность». «Игнатьева все уважают, как пожилые, так и молодежь. Интеллигенция видит в нем единственного заступника того старого славянофильства, которое не считало особой обязанностью быть более самодержавным и православным, чем сам царь»⁵.

В одной из бесед Вошняка с графом Игнатьевым о балканском вопросе была затронута и проблема австрийского Приморья. Игнатьев привел мнение, высказанное ему некогда Бисмарком, о стратегическом значении для немцев его геополитического расположения. Вошняка принял это замечание к сведению и впоследствии учитывал его в своей дипломатической деятельности⁶, направленной на благоприятное для словенцев решение вопроса о Триесте.

Вошняка имел разговор о национальном вопросе и с Л.Н. Толстым, которого он посетил в Ясной Поляне. Встреча с великим русским писателем произвела на него колоссальное впечатление. Толстой высказал тогда словенскому студенту свое убеждение, что «воинствующий национализм — это большое человеческое несчастье».

Очевидно, что в то время молодого словенского студента еще увлекали идеи славянской взаимности, он подчеркивал родство русских и словенцев. По его мнению, «только два народа были призваны стать идейными вождями славянства — поляки и русские». Однако поляки, преданные Западу, не смогли бы дать славянству ничего самобытного. Вошняка выступил против независимости Польши, считая, что поляки злоупотребили бы ею. При этом он признавал, что царское правительство допустило в польской политике очень много ошибок⁷.

Словенский историк и литературовед Иван Приятель (1875—1937), по окончании Венского университета в 1903—1904 гг. стажировав-

шийся в России и более глубоко, чем Вошняк, ознакомившийся с ее реалиями, написал рецензию на книгу «На рассвете», которая была напечатана в крупнейшем словенском литературном периодическом органе того времени, журнале «Люблянски звон», в 1906 году⁸. Приятель оценил опус словенского студента достаточно критически. Он писал, что книга слишком поверхностна и оптимистична. Попав под влияние узкого круга славянофилов, Вошняк не сумел познакомиться с настоящей Россией. Вошняк — представитель нового поколения, типичный экономист. Он изучает крестьянскую общину, рабочие артели, быт купечества и жизнь «босяков». У писателя «зоркий глаз». Кто хочет узнать особенности «внешней жизни» России, «каков русский пейзаж, каковы петербургские улицы и московский Кремль..., не может представить себе лучшего путеводителя». Но тот, кто хочет глубже понять русскую культуру, русскую мысль, «найдет в этой книге лишь обрывки, крохи материала»⁹.

По мнению Приятеля, социально-экономическую жизнь России Вошняк рассматривал как экскурсант. Он совсем ничего не написал о русской истории, не охарактеризовал деятельность российских императоров. Он должен был бы показать, что освобождение крестьян было неполным, вследствие чего плохо развивались сельское хозяйство и промышленность. Не знал Вошняк и о борьбе народников и марксистов. Писатель должен был осветить причины недовольства крестьян и рабочих, тогда читатель бы понял, «почему Россия идет через рабочие забастовки и крестьянские волнения к рассвету»¹⁰. Не осветил он положения студенчества и церкви, мало рассказал о русской литературе, об инородцах — поляках, финнах, украинцах, евреях. Вместо этого в книге — недопустимый сентиментальный оптимизм. Автор не показал, почему Россия — на пороге рассвета, ибо написал книгу с позиций узкого славянофильского круга.

Вместе с тем, Приятель отметил, что, хотя книга Вошняка мало актуальна, на настоящий момент она является лучшей из тех, что написаны словенцами о России¹¹.

Сложно не согласиться со взвешенной и справедливой оценкой Приятеля книги Вошняка. Впрочем, трудно было бы ожидать от двадцатидвухлетнего студента глубокого погружения во все сферы российской жизни и серьезного их осмысления. Сам Вошняк во введении к своей книге признавал, что «писать о России — дело нелегкое. Никто пусть не воображает, что понимает русские события и знает русских людей, как бы ни старался он порядком углубиться в русскую душу и мысль»¹².

«Славянофильство» Вошняка, в котором упрекал его Приятель, вскоре нашло свое выражение в том, что он присоединился к неославистскому течению, которое начало развиваться в словенских землях. Сторонниками неославизма среди словенцев стали как известные либеральные политики И. Хрибар, А. Габрщек (издатель газеты «Соча» в Горице), О. Рибарж (редактор триестской газеты «Единость»), так и некоторые представители либерального студенчества, национальные радикалы, в число которых входил и Вошняк.

После введения в России конституционной монархии в 1905 г. у ряда национальных деятелей австрийских славян усилились надежды на изменение внешней политики России, укрепилась ориентация на

сотрудничество с ней. Лидер младочешской партии Карел Крамарж стал активно пропагандировать идеи неославизма, видя в единстве всех славян гарантию признания империей их политических и национальных прав. Он выступал за тесное сотрудничество с Россией, считая, что она — единственная сила, способная поставить преграду немецкому натиску и защитить славянские народы, и как таковая должна стать главным политическим и экономическим союзником Австрии. Неослависты стремились к созданию культурного, научного и экономического (но не политического) союза всех славян, способного превратить австрийских славян в мощную силу, требования которой монархия уже не сможет игнорировать. Неавстрийским славянам сближение с австрийскими и с Россией помогло бы освободиться от турецкого влияния¹³.

Неослависты считали важным придать идее славянской взаимности более конкретные очертания, перейти к практическому воплощению ее в жизнь. Они полагали, что русский панславизм как идея создания великого славянского государства под эгидой России изжил себя, и новые взаимоотношения между славянами нужно строить на основе принципов «свободы, единства и братства». Сходная интерпретация идеи славянской взаимности появилась и в славянофильски настроенных кругах русских либералов¹⁴.

В отличие от наиболее последовательных сторонников ориентации на Россию Хрибара и Габршека национальные радикалы И. Лах и Вошняк делали упор, прежде всего, на развитии культурных связей с Россией. Вошняк, в то время являвшийся одним из наиболее преданных идее неославизма словенцев, опубликовал в газете «Омладина» («Молодежь»), органе национальных радикалов, статью «Словенское студенчество и идея неославизма»¹⁵. Неославизм он трактовал как культурное движение, обладающее объединительной силой, которое благодаря своей аполитичности приемлемо и для левых, и для правых. Национальные радикалы, как неполитическое течение, по мнению Вошняка, должны его безусловно поддержать. Впрочем, большинство национальных радикалов, хотя и принимали идею славянской взаимности, отклоняли сотрудничество с либеральной партией и с неославистами.

Первый съезд неославистов состоялся в Праге в июле 1908 года. В нем приняли участие четыре словенца: Хрибар, Габршек, Рибар и Вошняк. В своей статье «Славянский съезд в Праге», опубликованной в журнале «Люблянский звон», Вошняк дал его подробное описание, коснувшись при этом вопроса о славянофильстве и его связи с неославизмом. Прежде всего, он подчеркнул существенные отличия так называемого «политического панславизма» от «общественной славянофильской науки», подчеркивавшей «культурные моменты на строго национально-русской основе». Неославизм частично принимает «национальные основы славянофильской системы», однако его краеугольным камнем должна быть, прежде всего, «западнославянская мысль чехов и словенцев»¹⁶. Пришедший на смену славянофильству политический панславизм не имел для западных славян никакого значения. Он проводил прежде всего «балканскую, а не славянскую политику» и подчеркивал приоритет православия¹⁷. Любопытно, что смерть графа Игнатьева, которому Вошняк в 1904 г. дал весьма лест-

ную характеристику, словенский политик воспринял как символ «конца воинствующего панславизма»¹⁸.

Австрийские славяне ожидали «начала борьбы за русскую свободу с трепетом, полным надежды». Теперь в России, по мнению Вошняка, с концом абсолютизма наступит новая эпоха, что «колоссально увеличит силы славянства». «Православие и самодержавие не нужно больше принимать во внимание, потому что они — социальный призрак прошлого». Пражский съезд, по мнению Вошняка, показал, что в этом направлении произошел сдвиг — ведь слово «православие» на нем не произнесли ни разу! Славянские народы пришли к взаимопониманию. В целом Вошняк охарактеризовал съезд неославистов в Праге в 1908 г. как «переворот во взаимоотношениях славянских народов»¹⁹.

О значении, которое Вошняк придавал в то время роли России в деле славянского сближения, свидетельствует и его замечание о том, что русский язык является «единственно возможным языком общения между славянами»²⁰.

Аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины в сентябре 1908 г. разбила надежды на возможное политическое сближение Австрии и России. Вместе с тем, словенские политики восприняли ее с воодушевлением. Аннексия означала для словенцев усиление славянского элемента в монархии, возрождала надежды на возможность федерализации империи. Она дала новый импульс и развитию югославянской идеи. В объединении с южными славянами словенские политики видели более близкую и реальную возможность решения национальных проблем, чем во всеславянском сотрудничестве. Вошняк, еще в 1908 г. бывший сторонником неославизма, в 1910 г. писал: «Между словенцем и славянином стоит югослав»²¹. В 1912 г. национальные радикалы выдвинули в своей программе на первый план борьбу за создание Объединенной Словении. В том же году они вновь вошли в состав либеральной партии, оформив в ней «младолиберальное» крыло, и в дальнейшем в целом придерживались ее политики.

На рубеже 1910-х гг. Вошняк вел преподавательскую деятельность в Горице, куда его семья переехала в 1906 г., писал научные книги и популярные статьи в словенские газеты и журналы («Домовина», «Соча», «Люблянски звон»). Он стал инициатором создания и соредактором научно-популярного журнала «Веда» (1911—1915). Вместе с другими словенскими патриотами Вошняк включился в борьбу за основание словенского университета. В этом вопросе он поддержал точку зрения приморских либералов о том, что словенский университет нужно открыть не в Любляне, а в Триесте. В 1912 г. Вошняк стал приват-доцентом загребского университета, где преподавал государственное право вплоть до начала первой мировой войны.

Эволюция идеологической и политической ориентации Вошняка от всеславянства к югославизму во многом определила и изменения в его восприятии России, куда он вновь отправился в 1912 году. Он стал старше, за прошедшие восемь лет у него появился большой опыт публицистической и общественно-политической деятельности, взгляды его уже четко оформились. Российскую действительность Вошняк теперь воспринял совсем в другом ключе.

О своей второй поездке в Россию он написал очерк и опубликовал его в журнале «Веда» («Знание»). Он побывал тогда в Москве и Петербурге. Если в 1908 г. Вошняк видел мощный потенциал в российском обществе, то теперь он разочаровался в русской интеллигенции. Словенский политик пришел к выводу, что именно образованный слой виновен в провале конституционного развития России. «Недисциплинированная русская интеллигенция» оказалась «неспособной построить новое государство». Социальная и политическая борьба в России, по мнению автора, является «странной патологической карикатурой» на Запад. Но в западных странах «люди довольны своей жизнью, там солнце светит ярче, там легче жить». Россия же «всем недовольна. Россия не нашла своего пути»²².

Разочарование в русской интеллигенции и в способности России пойти по пути прогресса усугублялось для Вошняка еще одним обстоятельством. Для него, как для представителя малого славянского народа, веками находившегося под властью немцев, самым важным являлся вопрос о том, поймет ли самое могущественное славянское государство чаяния словенцев и поддержит ли их. В 1908 г. Вошняк еще надеялся, что это произойдет, а в 1912 г. дал ответ на этот вопрос. Он больше не ждал от русских понимания национального вопроса южных славян. Препятствием к этому была «российская политическая примитивность». Особенно непонятными для русских были проблемы малых народов. Был и еще один, очень существенный момент, перекрывавший, по мнению Вошняка, всякую возможность взаимопонимания. Он с горечью констатировал в своем очерке: «Но будем откровенны! Национальный вопрос, особенно когда речь идет о южных славянах, для русских все еще является вопросом веры. Если бы болгары и сербы были католиками, русские их никогда бы не освободили. Они освободили, прежде всего православного человека, а не славянина»²³.

Таким образом, на первый план для Вошняка выступило различие культур и мировоззрения, базирующееся на разных религиозных традициях и разных исторических путях развития. Осознание всех этих моментов явилось одним из решающих факторов, повлиявших на оформление политических взглядов Вошняка. Надежды на Россию и ее освободительную миссию были сильно поколеблены.

Однако прошло два года, и грянула первая мировая война. В начале войны Вошняк был мобилизован, но уже в конце 1914 г. вернулся в Горицу. В апреле 1915 г. он эмигрировал сначала в Венецию, затем в Лозанну и в Женеву. В Риме он стал одним из деятельнейших членов основанного в Париже в мае 1915 г. Югославянского комитета, который возглавил хорват А. Трумбич. Хорватские, словенские и сербские политики, являвшиеся членами комитета, рассчитывали на победу стран Антанты и распад Австро-Венгерской монархии, что создало бы возможности для объединения сербов, хорватов и словенцев в единое югославянское государство. Из словенцев ключевую роль в Югославянском комитете играл Вошняк, развивший в эмиграции бурную публицистическую деятельность. В своих трудах и лекциях он доказывал историческую необходимость распада империи Габсбургов и объединения австро-венгерских южных славян с Королевством Сербия²⁴. В 1915—1918 гг., пропагандируя эти

идеи, он исколесил всю Европу, писал книги и статьи, выступал с лекциями.

Одной из важнейших задач Югославянского комитета было привлечь внимание мировых держав, входящих в блок Антанты (Англии, Франции, России, США), к нуждам маленьких югославянских народов Австро-Венгрии и заручиться их поддержкой. И тогда Вошняк предпринял еще несколько попыток «достучаться» до русских — убедить российское правительство поддержать идею создания независимого югославянского государства, а также словенские притязания на Триест.

На следующий день после прибытия в Женеву (14 апреля 1915 г.) Вошняк посетил В.П. Сватковского, русского журналиста, осведомителя МИД, с которым он познакомился ранее в Вене. Со Сватковским, имевшим обширные связи среди австрийских славян и сочувствовавшим идеям К. Крамаржа, у Вошняка и его коллег по Югославянскому комитету состоялся весьма доверительный разговор о будущем объединении югославян. Вошняк подчеркнул, что хорваты и словенцы стремятся объединиться с сербами, не жертвуя при этом «своей самостоятельностью во внутренних делах». Создание централизованного государства с широкой автономией областей «сделало бы возможным в будущем присоединение Болгарии». Сватковский счел эти идеи разумными и дал членам Югославянского комитета ряд советов по поводу того, как им вести пропаганду в Париже и Лондоне. По его мнению, австрийским югославянам нужно было подчеркивать, что они стремятся «к своей независимости, но ни в коем случае не желают попасть под влияние России». Сватковский высказался также за заключение персональной унии между чехами и югославянами, во главе которой встал бы сербский престолонаследник Александр. Решение вопроса о будущей государственной принадлежности Триеста Сватковский вполне обоснованно ставил в зависимость от того, насколько нужна Антанте поддержка Италии. Эмоциональный ответ Вошняка, что «будет странно, если словенцы станут первой жертвой “освобождения” России», задел Сватковского. Он заявил, что говорить об освобождении России — «романтизм». Югославянские патриоты ушли от русского журналиста с неприятным ощущением, что их «продадут»²⁵.

Это ощущение только усилилось после беседы с бывшим российским министром иностранных дел (1906—1910), а позже российским послом в Париже А.П. Извольским, имевшей место 26 мая 1915 года. Извольский произвел на Вошняка впечатление «дипломата старой школы, для которого православие превыше всего». Члены Югославянского комитета покинули российское посольство с убеждением, что о малых славянских народах Австро-Венгрии Извольский мало что знал и судьбой их не интересовался²⁶.

Тогда они еще не знали, что судьба Приморья уже решена. В апреле 1915 г. был заключен Лондонский договор, согласно которому предусматривалась передача Италии, в случае, если она вступит в войну на стороне Антанты, Горицы, Истрии и др. югославянских земель. 23 мая 1915 г. Италия объявила войну Австро-Венгрии. Военные действия переместились на словенскую территорию. К осени 1916 г. итальянцы захватили уже всю Горицу и Посочье.

Вошняк зафиксировал в своем дневнике беседу с далматинским либералом Ф. Супило, вернувшимся из России в июне 1915 г. и уже осведомленным о заключении Лондонского договора. Записывая свои впечатления от рассказа Супило, Вошняк выражал полное согласие с его оценкой ситуации: «Сазонов (министр иностранных дел России. — Л.К.) и официальная Россия вели себя просто бесстыдно при заключении договора». Она препятствовала попыткам Супило «расположить к нашему делу русское общество». «У официальной России перед глазами только православие, она желает объединения балканских церквей в цариградском патриархате. Она не желает объединения южных славян, не верит, что хорваты могут и хотят объединиться с сербами»²⁷.

Как видно, уже к середине 1915 г. Вошняк совершенно разочаровался в возможности Югославянского комитета хоть как-то повлиять на русскую политику. Официальная Россия не принимала в расчет «австрийских и балканских славян» в своих внешнеполитических планах, хотя, по мнению Вошняка, в ее же собственных интересах было бы «позаботиться» о них²⁸.

Весной 1916 г. Вошняк, продолжавший собирать информацию о настроениях российских властей и общественности, решил, что ситуация начала меняться. Он считал, что русские власти желают распада монархии Габсбургов, многомиллионная российская армия хорошо вооружена и будет сражаться до победы. Делегатам Югославянского комитета необходимо поехать в Россию, теперь их пропаганда может принести плоды. Дошедшие до Вошняка сведения о беспорядках в Сербском добровольческом корпусе в России, где словенские и хорватские военнопленные выказывали недовольство обращением с ними сербских офицеров, окончательно укрепили решимость словенского политика поехать в Россию и всеми силами содействовать формированию отдельных словенских и хорватских отрядов²⁹.

10 ноября 1916 г. российский посол в Париже Извольский послал в МИД на имя товарища министра иностранных дел гофмейстера А.А. Нератова секретную телеграмму, в которой информировал его о том, что члены Югославянского комитета Иво де Джули, И. Баньянин, Д. Тринайстич и Вошняк просят разрешения приехать в Россию с целью пропаганды идеи объединения всех югославянских земель. Сербский посол в Париже «горячо поддерживает эту просьбу», сочувственно отнеслось к ней и французское правительство³⁰. Министерство, по всей видимости, обратилось к проживавшим в то время в Петрограде хорвату В. Мандичу и словенцу Ф.Л. Туме (племяннику видного словенского социал-демократа Х. Тумы) с просьбой охарактеризовать этих югославянских деятелей. Эти характеристики прилагались к телеграмме.

Тума привел известные ему сведения о первых трех членах комитета, подчеркивая, что не знаком с ними. Намного подробнее он охарактеризовал Вошняка. Упомянув о том, что последний был одним из инициаторов «неоиллирийского» движения и автором книги о России, «в которой он говорит с большим воодушевлением и любовью по адресу России», Тума подчеркнул преданность Вошняка идее югославянства и ненависть его к габсбургской империи. «Я считаю Вошняка единственным чисто словенским национальным предста-

вителем в Комитете. Его прибытие в Россию считаю потому крайне нужным и ... полезным», — написал он в заключение и добавил, что вполне ручается за Вошняка, которого знает лично, «что он безусловно политически благонадежен»³¹.

11 ноября 1916 г. на имя начальника военной охраны Петрограда генерал-майора М.И. Занкевича пришло секретное сообщение из Министерства иностранных дел, касающееся приезда делегации Югославянского комитета в Петроград. В нем указывалось, что согласно наведенным МИД справкам, «наиболее влиятельным из названных членов Югославянского комитета является Вошняка, сын недавно умершего популярного словенского общественного деятеля и участник в издании одного из лучших словенских журналов “Веда”. Посетив лет 10—12 тому назад Россию, он выпустил о ней в 1905 г. большой труд под названием “На рассвете”, написанный с большим воодушевлением и любовью к русскому народу. Политическая благонадежность Вошняка является, таким образом, вполне обеспеченной. Вместе с тем, его желание приехать в Россию одновременно с Баньянином и Тринайстичем, о которых более подробных сведений у нас пока не имеется, может до известной степени служить показателем и их политической благонадежности с русской точки зрения»³².

Так, по иронии судьбы, одним из решающих доказательств политической благонадежности членов Югославянского комитета, собравшихся в конце 1916 г. приехать в Россию, стала книга о России, написанная Вошняком в юности. Хотя от восторженных русофильских идей, высказанных тогда в ней, словенский политик уже отошел, она, по сути, стала для него и его товарищей пропуском в Петроград в бурное военное время, накануне Февральской революции.

Готовясь к поездке в Россию, члены Югославянского комитета вновь посетили в Женеве Сватковского. Последний подробно проинструктировал их относительно того, с кем, прежде всего, надо встретиться в Петрограде и как вести переговоры. Так, Сватковский посоветовал членам комитета в беседе с российскими властями говорить, что они приехали к русским за советами относительно того, что им нужно делать. При этом упомянул, что с императором «не требуется такого византизма, как с главой правительства».

В ноябре 1916 г. Сватковский послал из Женевы донесение в российское Министерство иностранных дел о делегации югославянского комитета, собиравшейся приехать в Петроград. Он упомянул, что в Петроград поедут Вошняка, Баньянин, Тринайстич, которые предполагают остаться там на несколько месяцев. По мнению Сватковского, главной задачей делегации было «добиться концентрации пленных югославян в России, содействовать формированию из них военных частей и агитировать среди них с этою целью при помощи распространения газеты “Славянский Юг”». В качестве другой задачи Сватковский выделил желание «познакомиться с русскими общественными и политическими деятелями». Любопытно объяснение, данное русским журналистом тому, почему члены югославянского комитета только теперь собрались в Россию: «До сих пор южнославянский комитет работал преимущественно в Англии и Франции, рассчитывая на то, что в славянской России симпатии к южнославянскому делу более обеспечены, нежели где-либо. Ныне работа в Анг-

лии и Франции сделана: политический мир этих стран успел проникнуться идеей солидарности интересов Соглашения с интересами объединенного в будущем южного славянства». Очевидно, такое мнение сложилось у него в результате беседы с членами Югославянского комитета. Сватковский определенно поддержал идею поездки югославянской делегации в Петроград: «Русское общество подготовлено, но более живой обмен с ним мнений и взглядов весьма желателен»³³.

Уже 24 ноября 1916 г. гофмейстер Нератов отправил срочную телеграмму Извольскому в Париж. В ней указывалось, что препятствий для приезда в Россию членов Югославянского комитета нет³⁴. А 1 января 1917 г. Извольский, тоже в секретной телеграмме, сообщил Нератову, что «Баньянин и Вошняк выехали в Россию. Поездка третьего члена не состоится»³⁵.

Однако в результате не состоялась и поездка в Россию Вошняка и Баньянина. Сам Вошняк написал об этом так: «Ни разу за все время войны я не видел России. Нередко я размышлял о том, почему Пашич не пустил нас в Россию. Вероятно, русскому правительству было не по вкусу, чтобы мы проводили там агитацию за объединение в смысле идей, которые совсем не соответствовали духу русского режима»³⁶. Судя по вышеприведенным архивным документам, та часть предположений Вошняка, которая касается позиции русского правительства, не верна. Разрешение на приезд делегации русские власти, после проведения тщательной проверки, все же дали.

И еще одна интересная деталь. Буквально сразу после начала Февральской революции в России в издававшейся Ф.Л. Тума в Петрограде на собственные средства газете «Югославия» был опубликован отрывок из книги Вошняка «На рассвете» — о славянских путешественниках, приезжавших в Россию. Лейтмотивом в нем звучала идея близости славянских народов: «Бесценна и неопишимо радостна мысль, что нам русский народ родствен по крови, духу и языку». «Это родство не выдумка, оно является совершенно реальным фактором, мы родные, это говорит некий внутренний голос»³⁷. Как видно, для словенцев, оказавшихся в эти трудные годы далеко от родины, в России, идея родства словенцев и русских была актуальна, она поддерживала их надежды на лучшее будущее своего народа.

Февральскую революцию 1917 г. в России Вошняк воспринял с энтузиазмом. «Меня потрясло это известие, это прелюдия великих событий», — писал он в своем дневнике. «Русское самодержавие повергнуто на землю. Русская демократия стала плотью и кровью». «Если новому режиму удастся укрепиться, славяне станут первым народом в мире»³⁸. В душе словенского политика, похоже, тогда ожили прежние юношеские надежды, что в России наступит рассвет, а с ним — и новая эпоха для всего славянства.

Богумил Вошняк стал единственным словенцем, принявшим участие в переговорах с сербским правительством на о. Корфу и в разработке Корфской декларации 1917 года. На совещаниях он отстаивал свой план создания унитарного государства, с широкой областной автономией. Примечательно, что на обеде у престолонаследника Александра Вошняк дал будущему югославскому королю совет наладить связи с революционной Россией. Строя с ней новые отношения,

«нужно подчеркивать демократические, культурные и антиимпериалистические устремления нашей политики». «Нужно действовать новыми методами. Романовы никогда не вернуться», — убеждал Вошняк Александра, и ему показалось, что эти доводы произвели на престолонаследника «глубокое впечатление»³⁹.

Но вскоре произошла Октябрьская революция в России, разрушившая все надежды словенского либерала. Дневник Вошняка пестрит замечаниями о Февральской революции, об Октябрьской же в нем нет ни слова. И о России Вошняк в нем больше не пишет.

В 1918 г. по поручению Югославянского комитета Вошняк провел несколько месяцев в США, пропагандируя идеи югославянского объединения. В конце 1918 г. он был главным секретарем югославянской делегации на Парижской мирной конференции. Словенский политик, внесший немалую лепту в дело создания единого югославского государства, и далее продолжал работать на его благо. В 1919—1920 гг. он преподавал государственное право в люблянском университете, в 1921 и 1923—1924 гг. был югославским послом в Праге, затем жил в Белграде, занимался публицистикой, писал книги.

Советскую Россию Вошняк не принял, как и большинство словенских политиков. Будучи убежденным сторонником монархической Югославии, во время второй мировой войны он поддержал монархическое четническое движение Д. Михайловича. После освобождения Югославии силами народно-освободительного фронта и прихода к власти коммунистов в 1945 г. Вошняку пришлось эмигрировать в США. Умер Вошняк в Вашингтоне в 1959 г., до конца жизни сохранив интерес к родине и к происходившим в Югославии событиям.

Богумил Вошняк был своего рода идеалистом и романтиком, верившим в великое будущее славянства, в буржуазную демократию, в возможность существования централизованного государства с широкой автономией областей. Его политические взгляды в начале XX в. претерпели эволюцию от русофильства и неославизма к идее создания югославского государства. Как-то осенью 1915 г. во время встречи с сербским престолонаследником Александром Вошняк, рассказывая ему о настроениях словенцев, утверждал, что все они выступают за Югославию⁴⁰, что, разумеется, совершенно не соответствовало действительности. Но Вошняк, кажется, верил, что дело, которому он посвятил все свои силы, находит отклик у его народа. Мечта о Югославии воплотилась в жизнь. Однако мечта юности о том, что могучая Россия стряхнет с себя оковы деспотизма, станет демократической страной и выполнит миссию освобождения и сплочения славянства, растаяла довольно быстро. Восторженная идеализация Вошняком России в начале XX в. вскоре уступила место более сдержанному и скептическому отношению. Однако и во время первой мировой войны словенский публицист в своих планах отнюдь не сбрасывал Россию со счетов, в нем не раз возрождалась надежда привлечь внимание российских политиков к проблемам своего народа, склонить их к поддержке национальных требований словенцев.

Примечания

1. KRANJEC S. Vošnjak Bogumil. Slovenski biografski leksikon. <http://nl.ijs.si:8080/fedora/get/sbl:sbl/VIEW/>.
2. См. письма А.А. Воскресенского А.И. Георгиевскому от 6.11. и 22.12.1873 г., в которых дается характеристика педагогической деятельности Ф. Целестина. В кн.: Русско-словенские отношения в документах (XII в. — 1914 г.). М. 2010, с. 581—582.
3. VINKLER J. Na razsvitu Bogumila Vošnjaka zgodnja percepcija ruske družbe, politike in diplomaciji. In.: Slovenski diplomati v slovanskem svetu. Ljubljana. 2010, s. 64.
4. VOŠNJAK B. Na razsvitu. Ruske študije. Ljubljana. 1906, s. 333.
5. Ibid., s. 35.
6. VINKLER J. Op. cit., s. 67.
7. VODOPIVEC P. O dveh potopisnih pričevanjih Bogomila Vošnjaka iz Rusije pred prvo svetovno vojno. In.: Slovenija — Rusija (Pogled v preteklost in sedanjost). Ljubljana. 1998, s. 138—139.
8. PRIJATELJ I. Bogumil Vošnjak: Na razsvitu. — Ljubljanski zvon. Ljubljana. 1906, št. 5, s. 312—315.
9. Ibid., s. 312.
10. Ibid., s. 314.
11. Ibid., s. 315.
12. VOŠNJAK B. Op. cit., s. IV.
13. GANTAR GODINA I. Neoslavizem in Slovenci. Ljubljana. 1994, s. 11—12.
14. Подробнее см.: НЕНАШЕВА З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М. 1984, с. 67.
15. Omladina. 1908, s. 121.
16. Ljubljanski Zvon. 1908, s. 601—602.
17. Ibid., s. 667.
18. Ibid., s. 672.
19. Ibid., s. 602—603.
20. Ibid., s. 670.
21. GANTAR GODINA I. Op. cit., s. 175.
22. VOŠNJAK B. Zimski dnevi v Petrogradu. Veda. Dvomesecnik za znanost in kulturo. Gorica. 1912, s. 1—2.
23. Ibid., s. 10.
24. RAHTEN A. Od aneksijske krize do Ženevskega sporazuma: slovensko-srbski odnosi 1908-1918. In.: Slovenski diplomati v slovanskem svetu, s. 81.
25. VOŠNJAK B. Dnevnik iz prve svetovne vojne. Ljubljana. 1994, s. 44.
26. Ibid., s. 48—49.
27. Ibid., s. 60.
28. Ibid., s. 116.
29. Ibid., s. 153, 159.
30. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. «Особый политический отдел», оп. 474, 1916—1917, д. 288, л. 4.
31. Там же, д. 208, л. 36об.— 37.
32. Там же, д. 288, л. 5—6.
33. Там же, д. 208, л. 46—48.
34. Там же, д. 288, л. 9.
35. Там же, л. 7.
36. VOŠNJAK B. U borbi za ujedinjenu narodnu državu. Ljubljana-Beograd-Zagreb. 1928, s. 140.
37. Rokopisna zbirka Narodne in Univerzitetne knjižnice v Ljubljani. Jugoslavija. 27.3.1917, № 5—6, с. 31—33.
38. VOŠNJAK B. Dnevnik iz prve svetovne vojne, s. 180—181.
39. Ibid., s. 197—198.
40. Ibid., s. 94.

Власть и государство у кельтов

Ю.В. Куликова

Кельты — один из древнейших народов Европы, история и культура которых тесно переплетена с античной и средневековой цивилизациями, а через них — с современным миром. Их государственные структуры, искусство, культура, пройдя длительный путь формирования и взаимодействия с другими народами, стали фундаментом в длительном процессе образования государств после падения Западной Римской империи и явились основой их христианской культуры.

Изучая историю кельтов, современные исследователи постоянно находят все новые темы для дискуссий, хотя, казалось бы, она достаточно хорошо изучена. Одним из таких аспектов является вопрос о структурных элементах и сущности власти у кельтов. Чтобы выстроить целостную картину, понять восприятие власти кельтами, обратимся непосредственно к источникам.

Сами источники — произведения античных авторов и ирландские саги — создавались в разное время и на разных территориях, но именно их сопоставление позволяет выявить полную картину властных структур в кельтском обществе, обрисовать общие черты власти у кельтов.

Древнегреческий оратор Лисий сказал, что народ выбирает ту форму управления, которая ему выгодна ¹. Эти слова в полной мере можно отнести и к кельтам.

Цезарь застал кельтские племена не только на разной стадии общественно-политического развития, но и на определенном этапе изменения всей структуры власти. Он отмечал, что государственный строй на территории Галлии не везде одинаков. Ведущий отечественный ученый-кельтолог Н.С. Широкова придерживается мнения, что к моменту завоевания Цезарем Галлии в кельтских общинах шел активный процесс формирования государственности ². Можно утверждать, что этот процесс также находился на разной стадии эволюции,

Куликова Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, доцент Московского педагогического государственного университета.

определяя формы властных структур. Подтверждением этому может служить тот факт, что у кельтов этого периода имелась система высших и низших магистратов (должностных лиц), которая не была зафиксирована в раннегреческом обществе, что свидетельствует об уже пройденных этапах политического развития властных структур³. Кроме того, существовавшая в одном из самых влиятельных племен кельтов — у эдуев — должность вергобрета, встречается уже в эпоху Римской империи у других племен⁴, указывая на продолжавшийся процесс эволюции политической власти⁵.

Филип Ян утверждал, что кельты с древнейших времен были знакомы с таким институтом, как королевская власть⁶. И, возможно, он был прав, настаивая на том, что титул правителя кельтов назывался король, хотя в современной историографии общепринятым считается мнение, что королевская власть в Европу была принесена германскими племенами. Что касается континентальных кельтов, то античная традиция также сохранила отчетливое воспоминание о традиционных галльских царях ранних времен, которые были военными вождями и предводителями племен. Кроме того, их власть носила и сакральный характер, поскольку передавалась по наследству и принадлежала членам одной семьи, считавшейся священной⁷. Царская власть такого рода напоминает власть царей гомеровской Греции и ранних римских царей, представляя собой традиционную царскую власть героической эпохи. Королевская власть в ранней Ирландии наряду с архаическими чертами (она по-прежнему считалась священной) демонстрирует и более развитые элементы этого института: она не всегда передавалась от отца к сыну во избежание чрезмерного усиления какого-либо рода.

Тем не менее, в наследовании учитывалось положение человека, как члена королевского рода. Таким образом, тот, чей прапрадед по отцу был королем, мог претендовать на этот титул. В этом есть положительная сторона, поскольку при такой системе наследования власть не концентрируется у одной линии потомков. Подобную картину мы видим и у континентальных кельтов, хотя к моменту завоевания Цезарем Галлии у некоторых племен только наметилась тенденция к установлению наследственной власти, что, безусловно, нельзя сказать обо всех племенах⁸.

Согласно античным источникам, царская власть продолжала существовать у некоторых племен в период завоевания Цезарем Галлии, в частности, у свессионов, атребатов, арвернов, нитиобригов, эбурунов, карнутов и сенонов⁹. Однако, по большей части, это была ограниченная монархия, соответствовавшая, правда, античному определению такой власти: «при добровольном народном согласии и на основе законов...», что подтверждается и словами Цезаря, указывавшего, что цари получали власть только с одобрения всего племени¹⁰. Зачастую, интересы народа выражала знать. Подобное мы видим и в позднейшее время в Ирландии, где единый сход мог лишить власти короля и передать полномочия другому, более достойному лицу¹¹. Только в некоторых племенах царскую власть сменили на институт выборных вергобретов, который по своей сути был подобен власти римских высших магистратов¹².

Царя (короля) избирали из среды влиятельной аристократии при поддержке сторонников, чьи интересы и должен был поддерживать новоизбранный лидер. Характер власти был также различен в разных племенах. У одних кельтских племен цари избирались только для командования войсками, у других царь действовал и в мирное время, но его решения должны были также проходить через одобрение народа: «Масса также властвует надо мной, как и я над массой»¹³. В ирландских сагах король обладает уже намного большими полномочиями. В его руки перешла законодательная и судебная власть, однако при этом подчинение законам распространяется и на самого короля, остающегося зависимым от религиозных традиций и наложенных на него гейсов — определенных предписаний и запретов, невыполнение которых грозило смертью.

Сама личность царя должна быть выдающейся, если только в племени не слишком сильна власть аристократии, которая пытается прикрыться некой фигурой и двигать ее по своему усмотрению. Царь — это, прежде всего, человек аристократического происхождения, среднего возраста, отличившийся в сражениях, крепкий и ловкий, пользующийся симпатией и авторитетом у народа и аристократии, способный командовать армией. Не менее важное значение имели качества будущего царя — ум и справедливость, при этом не последнее место занимала щедрость. Значительную роль играли в данном случае родовые связи: царь должен был быть близким родственником предыдущего¹⁴.

Подчас отсутствие согласия по поводу кандидатуры царя приводило к тому, что власть захватывали силой. Однако известны случаи, когда цари не соответствовали указанным характеристикам, а привлекли симпатии благодаря своему богатству и необычайной щедрости, как, например, царь арвернов Луэрн. Но было и еще одно обязательное требование — король не должен был иметь физических недостатков, а в случае получения какого-либо увечья, он переставал быть королем. Так, ирландский король Кормак Мак Арт, ослепший на один глаз, не имел права входить в Тару¹⁵. Этот же запрет налагался на любого получившего увечье короля¹⁶. Особа ирландского короля наделялась мистическим могуществом, намного превосходившим его реальную политическую власть. И даже его рождение обязательно сопровождалось какими-то мистическими событиями, что, впрочем, уже соответствует историографическим традициям. Но и галльские цари обладали сакральными функциями¹⁷.

Если народ и аристократия не могли прийти к единому решению по вопросу личности царя, они могли пригласить и избрать царя со стороны — из другого племени и даже из другого народа, как это было в случае с царем свевов Ариовистом. Здесь, вероятно, повлиял и авторитет Ариовиста среди соплеменников, и полученный им благодаря протекции тогда еще консула Гая Юлия Цезаря титул «друга римского народа». Известно, что кельты придерживались традиций избрания и в более поздние времена. Так, зимой 258—259 гг., по свидетельству античных авторов, был провозглашен императором Марк Кассиан Латиний Постум при согласии и одобрении кельтов¹⁸.

Избрание царя (короля) и его вступление в должность было, несомненно, связано с религиозными традициями, чтобы подчеркнуть

получение власти от богов. Отголоски этого можно увидеть в ирландских сагах, где описываются религиозные церемонии, связанные с инаугурацией. Друид проводил обряд, чтобы во сне увидеть личность будущего короля, после чего объявлял народу волю богов ¹⁹. К инаугурации король готовился, проходя очистительные и иные обряды. Известно также и о ритуале гадания на внутренностях животных с целью узнать, благоприятным ли будет для народа и государства правление избранного короля. При этом зачастую инаугурация сопровождалась ритуальным совокуплением с белой лошадью, видимо, подобно вступлению в священный брак с богиней в некоторых культах Древнего Востока, и купанием в мясной похлебке ²⁰. После проведения всех ритуалов друид выкрикивал имя короля с титулом.

Неугодных царей, их детей и внуков, вероятных претендентов-соперников аристократия могла изгнать под разными предлогами, опасаясь конкуренции во время выдвижения своих кандидатур и выборов ²¹.

Изгнание как мера позволяла устранять неугодных людей, ведь такой человек должен был покинуть границы племени и, зачастую, скитаться. Сомнение вызывает утверждение, что изгнание было связано только с религиозными запретами ²². Король был носителем многих функций, в частности, в качестве гаранта справедливости, он являлся хранителем права и закона и их действенности, что, в свою очередь, также обеспечивало благополучие страны. Так, когда король Ирландии Лугайд Мак Кон вынес несправедливое решение, разбирая судебную тяжбу, несчастья обрушились на все его королевство, начиная от разрушения места суда до засухи и неурожая. Лугайд был лишен власти, а его место занял Кормак Мак Арт, который разрешил спор, предложив справедливое, по общему мнению, решение ²³.

Особое место во властных структурах кельтов занимали друиды. Обладая правом отлучения от культа, судебными функциями, авторитетом и стройной организацией, они имели огромное преимущество и власть над всеми слоями гражданского общества ²⁴. В отличие от римской политической структуры, друиды не являлись магистратами с определенными полномочиями, а составляли отдельную корпорацию, полномочия которой распространялись на всех кельтов. Друиды не находились под контролем общины, наоборот, сами практически полностью ее контролировали ²⁵.

Античные авторы говорят о большом политическом авторитете друидов и даже об их влиянии на волю царей ²⁶. Как отмечает Франсуаза Леру: «Кельтская царская власть жила в тени и, так сказать, под покровительством друидического жречества» ²⁷. По мнению Н.С. Широковой, в этом двуединстве духовная власть имела преимущественное значение, но это не значит, что светская власть не пыталась освободиться от этой, порой излишне навязчивой, опеки ²⁸.

Безусловно, каждый новый царь имел поддержку в лице друидов. Подобное мы видим и в раннесредневековой Ирландии, где, однако, эволюция королевской власти и ее связи с религией привели к почти полной зависимости короля и его действий от друидов. Даже после принятия христианства коронацию проводил именно друид, вручая королю символ власти ²⁹. При вступлении короля на престол друиды окружали его многочисленными гейсами, тем самым контролируя

каждый его шаг ³⁰. Филиды, являвшиеся частью друидической организации, были единственными, кто мог открыто «критиковать» короля и его действия, распевая хулительные песни ³¹. С другой стороны, сам король, его дом и территория вокруг (отмерялась обычно в несколько бросков камня) — являлись своеобразным гейсом для всех подданных.

Ко времени прихода Цезаря в кельтском обществе наступил период социальной дезинтеграции. Институт царской власти переживал глубокий упадок. Уже трудно говорить о существовании настоящей царской власти в Галлии в этот период. Скорее, речь может идти о царской должности, хрупкой и фрагментарной, которая более напоминает республиканскую магистратуру, чем власть царя. Недаром Цезарь называл ее «*regia potestas*» ³². Выбранному или приглашенному царю могли вручить не всю власть, а только решение определенных вопросов, например, вести переговоры, заключать договоры о войне и мире. Вероятно, кельты уже испытали на себе последствия сосредоточения полной власти в руках одного человека, поэтому у некоторых племен военная власть была отделена от гражданской ³³.

Пришли более развитые структуры и формы управления. Согласно античным источникам, кельтские племена объединялись в сильные союзы, используя для этого развитый институт клиентелы ³⁴. Таким образом, кельтская структура власти определялась не только внутренним развитием каждого отдельного племени, но и общими тенденциями. Наиболее сильные племена контролировали более мелкие и слабые, гарантируя им различную (военную, экономическую) помощь и усиливаясь за их счет в военном плане. Даже в условиях конфронтации и противоборства необходимо было решение общих вопросов, поэтому самым значительным в этой вертикали власти было, безусловно, общегалльское собрание, о котором упоминают античные авторы ³⁵. Возникшее еще в раннюю эпоху, оно было сохранено императорской властью Рима, став частью политики императоров в отношении Галлии. Широкова отмечает, что у Собрания Трех Галлий было собственное управляемое имущество, доходы от которого и составляли его основной бюджет помимо пожертвований и, вероятно, обязательных сборов общин кельтов. На эти деньги проводились общегалльские собрания, празднества и игры, организовывались священнодействия ³⁶. Вообще любое межплеменное собрание обязательно начиналось с предварительных встреч, обсуждения условий переговоров, обмена заложниками. Такую же тактику использовал и Цезарь.

У некоторых из этих племен Галлии утвердилось подобие республиканской формы правления, все влияние в которой было у аристократии. Руководство делами принадлежало Совету, который Цезарь называл сенатом ³⁷. К сожалению, мы не знаем, каков был его состав (Цезарь сообщает то о ста, то о 600 человек в каждом отдельном племени) и широта полномочий. Представлял ли этот сенат совет старейшин по типу римского сената царского периода или был подобен сенату республиканского периода? Вероятно, в разных племенах мы можем встретить оба типа такого органа власти. Во всяком случае, именно он, по мнению Цезаря, отвечал за всех своих соплеменников и являлся основой власти и государства ³⁸.

Полномочия кельтского сената заключались в законосовещательных функциях, решении ряда каких-то внутренних вопросов, поскольку известны случаи, когда совет просто разгоняли из-за неспособности принять решение, из-за недовольства народа вынесенным решением, либо членов сената не выпускали, пока не было вынесено решение. Однако в некоторых племенах сенат отвечал за всех членов племени, являлся основой власти и государства. На сенат могли воздействовать разными способами, многие из которых применял и Цезарь, в том числе, можно было просто его разогнать ³⁹. То, что сенат пополнялся из знати подтверждают слова Цезаря, отождествляющие знать и сенат, но не известно, происходило это по выбору народа, либо каким-то иным способом. Помимо советов племен существовали совместные советы и собрания союза племен, а также общегалльские собрания, которые созывал и Цезарь, пользуясь этим органом власти в своих интересах ⁴⁰. Авторитет племени имел прямую зависимость от личности царя, его способности выставить больше воинов, снаряженную конницу, а также от количества зависимых племен и территории, занимаемой племенем ⁴¹.

Верховная власть там, где отсутствовала царская власть, поручалась избираемым на один год вождям, называемым Цезарем *magistratus*. Такие должностные лица должны были иметь в своем подчинении еще несколько должностных лиц, о чем свидетельствует множественное число термина, употребляемого в труде античного автора ⁴². Важно то, что, безусловно, должностными лицами были представители знати. За голоса остальных представителей аристократии претендент готов был бороться любыми способами. Вероятно, в некоторых племенах выбор царя был исключительно прерогативой совета князей, из среды которого на определенный срок его избирали. Царь или вождь производил денежные раздачи, в его руках был откуп государственных доходов и пошлины, на его плечи ложилось содержание конницы, а в некоторых случаях ему даровались исключительно военные функции, но и решение по военным вопросам зачастую не могло быть принято самостоятельно и навязывалось народом ⁴³. Подобная система известна из римского строя.

О сосуществовании королевской власти и вождей сообщают и ирландские саги. В целом вертикаль власти выстраивалась, вероятно, следующим образом: совет общины, знать, совет знати, царь. Народное собрание в разных племенах представляло разные ступени власти: от чисто условного положения до значительного влияния, с которым вынуждены были считаться представители аристократии. Цезарь указывает, что в функции народного собрания входило установление отношений с соседними общинами. Собрание собиралось по созыву князей в определенный день. Помимо этого, народный сход (народное собрание?) могло собираться в случае чрезвычайной ситуации, чтобы лишить власти или передать власть кому-либо.

Безусловно, одним из признаков государственности у кельтов было наличие системы налогообложения, о которой упоминает и Цезарь. Принимая во внимание терминологию Цезаря для обозначения налогов у галлов — *portoria* и *vestigalia* — можно предположить ⁴⁴, что, по крайней мере, отдельные галльские племена знали уже дифферен-

цированное налогообложение: прямые налоги — *tributa* — и косвенные — *portoria* и *vectigalia*.

Однако политика Цезаря подчас меняла некоторые обычаи. Ему было выгодно иметь своих сторонников, особенно, если эти сторонники обладали всей полнотой власти у себя в племени и способны были единолично принимать нужные Риму решения. Цезарь возвращал изгнанников и заставлял племена принимать их в качестве царей. Зачастую, он даже восстанавливал институт царской власти в некоторых племенах ⁴⁵.

Именно Цезарь заставлял кельтский сенат отчитываться перед ним и отвечать за поступки членов племени. Он сам созывал общегалльское собрание, действуя как наместник провинции и имея право два раза в год собирать такие собрания, на которых он разбирал споры, распределял налоги, объявлял распоряжения Рима и свои собственные, то есть по сути, ввел римский обычай и лишил полномочий друидов, поскольку даже в решении вопроса о назначении царей его слово было последним.

Однако не стоит думать, что все изменения произошли только благодаря вмешательству Цезаря. К моменту прихода римских войск на территорию Галлии в галльских племенах стали происходить изменения, затронувшие институты власти и положение социальных слоев.

Римское завоевание лишь способствовало изменению в расстановке сил в обществе и в формах управления. В частности, царь стал обладать большими судебными полномочиями за счет фактического уничтожения друидов, при этом судебные полномочия короля тоже были окружены гейсами: король мог проводить суд только в определенный день, чтобы не вынести ложный приговор и чтобы урожай не стал хуже ⁴⁶.

В Ирландии король обладал навыками боевого применения колесницы и умел не только управлять ею, но и сражаться. Именно такое умение было одним из условий избрания короля в Ирландии. Однако там личность короля была более священной, чем во времена Цезаря. В сражении перед королем шли лучшие из уладов — герои, король имел право на каждую женщину уладов и на первую брачную ночь ⁴⁷. Но, королевская власть была ограничена героями, советом и друидами.

Посланники знатных людей во время завоевания Галлии Цезарем имели особый статус. Они действовали от лица конкретного человека, зачастую царя, могли вести переговоры, давать гарантии и принимать решение о выдаче заложников. То же фактически мы видим и в Ирландии, где посланник короля — это сам король, любое желание которого должно быть исполнено, а отказ посланнику короля может сказаться на дальнейшей судьбе народа, урожае и благополучии самого короля ⁴⁸.

Римская экспансия подтолкнула наметившиеся ранее тенденции к централизации власти. Хотя немного ранее на территории Галлии сложились две противоположные тенденции: усиление власти царя и республиканские черты. Но восстание Верцингеторикса, вероятно, поддержало именно первую тенденцию за счет союза светской и духовной власти. Общегалльское собрание, совет знати приняли едино-

гласное постановление о вручении царю верховного командования, права судить, подвергать наказаниям, пыткам, казням, в том числе и сожжению⁴⁹.

Народы Галлии воевали между собой или с другими народами, заключали союзы как самостоятельные политические единицы. Однако, известно, что делопроизводство у них велось греческими буквами. Существование законов, определяющих жизнь общества, судебной, законодательной и исполнительной ветвей власти, системы налогообложения, четко выстроенной структуры власти, границы племен и племенных союзов, намечающаяся тесная связь между светской и духовной властями, которая являлась крепкой основой для развития структуры власти в целом, существование в обществе политических сил и политических группировок и партий, которые начинали диктовать свои условия и поддерживать своего кандидата на верховную власть, все это позволяет говорить именно о государстве, в котором уже не царь обладает судебной властью, а политический лидер. Власть позволяет народу знать только то, что считает необходимым сообщить⁵⁰.

Живучесть властных структур и кельтской культуры подтверждается множеством фактов. Например, даже в III в. Галлия оставалась среди немногих провинций, где наряду с латинским употреблялся кельтский язык, а также собиралось общегалльское собрание. Дальнейшая эволюция власти у кельтов происходила уже под влиянием римской государственности, а в дальнейшем — христианской церковной иерархии и властных структур других народов, формируя основы средневекового общества. Так, власть короля в раннесредневековой Ирландии также носила сакральный характер, сохраняя древние традиции.

Если принимать определение, что государство — это совокупность политических институтов, главной целью которых является защита и поддержание целостности общества на определенной территории, то, безусловно, несмотря на кажущуюся разрозненность кельтских племен, это все же было государство, хотя и контролируемое жреческой корпорацией, но объединенное единым собранием, общим культом и религиозными празднествами и имеющее властные структуры и учреждения. Безусловно, говорить о развитом государстве невозможно, но и назвать это протогосударством тоже нельзя.

Кельты эпохи завоевания Цезарем Галлии уже обладали аппаратом управления и принуждения, дифференцированной системой налогообложения, верховными органами власти с законодательными и законосовещательными функциями, судебными инстанциями и исполнительной властью в виде должностных лиц. Существовавшие в их обществе законы устанавливали правовой порядок на территории, имевшей административное деление, а чеканка собственной монеты позволяла развивать торговлю. У кельтов этого периода отмечалось также наличие городской структуры, при этом один из городов на каждой конкретной территории племени являлся столицей. Конечно, количество таких государств определялось контролируемой наиболее сильным племенем территорией, а об их единстве свидетельствует тот факт, что границы многих французских департаментов совпадают с границами галльских *civitates*⁵¹. Похожая ситуация отмечалась и

в раннесредневековой Ирландии, где в каждом туате был свой король, количество которых доходило до 150.

Таким образом, сопоставление разновременных источников позволяет рассмотреть основные аспекты сущности власти у кельтов, проследить ее эволюцию и ответить на вопрос о наличии государства у кельтов периода проконсульства Цезаря.

Примечания

1. Lys., XXV, 8—10.
2. ШИРОКОВА Н.С. Ранняя государственность и сакральное право у древних кельтов. — Древнее право. 2001, № 1(8), с. 52.
3. Там же.
4. Caes. V.G., I, 16; у сантонов и лексовиев — CIL XII 366; XIII 1048.
5. ШИРОКОВА Н.С. Ук. соч., с. 53.
6. ФИЛИП ЯН. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага. 1961, с. 93.
7. Liv., V, 34; Athen., IV, 37; Strabo, IV, 2, 3; Oros., V, 14, 1; Hor., I, 37; Valer. Maxim., IX, 6, 3.
8. ШКУНАЕВ С.В. Община и общество западных кельтов. М. 1989, с. 23; БЕЛОВА Н.Н. О формировании элементов государственности и государственных учреждений у кельтов Галлии. — Ученые записки Уральского ГУ. 1971. Серия историческая. Вып. 22, № 112, с. 179.
9. Caes. V.G., II.4; III.13; IV.21; V.24, 38; VI.31.
10. Xen., XIV, 6, 12; Caes. V.G., I, 2.
11. Ср.: Caes. V.G., I, 16; Сказание о Конхобаре. В кн.: Саги об уладах. М. 2004, с. 16.
12. БЕЛОВА Н.Н. Ук. соч., с. 182.
13. Caes. V.G., I, 50.
14. Ср.: Caes. V.G., I, 17, 31; II, 4; Tac. Ann., II, 13; Hist., IV, 3, 8—9; Рождение Кухулина. В кн.: Саги об уладах, с. 78.
15. Тара представляет из себя холм (скорее, удлиненную возвышенность), расположенный на территории современной Ирландии в графстве Мит. Она являлась не только столицей и резиденцией королей древней Ирландии вплоть до XII в., но и ритуальным местом коронации Верховных королей, в точности повторяя четырехчастное деление древней Ирландии. По преданию, именно здесь находился камень Лиа Фаль, который вскрикивал, когда на него ступала нога истинного Верховного короля.
16. Изгнание Десси. В кн.: Предания и мифы средневековой Ирландии. М. 1991, с. 166.
17. Liv., V, 34; Strabo, IV, 2, 3; Oros., V, 14, 1.
18. SNA. Gall. Duo. 4.3.
19. Разрушение Дома Да Дерга. В кн.: Предания и мифы средневековой Ирландии, с. 104.
20. БОНДАРЕНКО Г. Повседневная жизнь древних кельтов. М. 2007, с. 64; БИРН Ф.Д. Короли и верховные правители Ирландий. СПб. 2006, с. 17.
21. Caes. V.G., I.50; I, 16; V, 20, 25.
22. Caes. V.G., I, 50.
23. Битва при Маг Мукрима. В кн.: Предания и мифы средневековой Ирландии, с. 160.
24. ШИРОКОВА Н.С. Кельтские друиды: структура корпорации и ее значение. Античное общество—3. Тезисы докладов научной конференции 22—23 марта 1999 г. СПб. 1999.
25. Caes., V.G., VI, 13, 14; ШИРОКОВА Н.С. Кельтские друиды. Л. 1984, с. 37; МОРОЗОВА В.В. Шотландское право: Раннее средневековье. — Научные исследования лаборатории теории права НИУ ВШЭ. 2012, вып. 11, № 3, с. 12.
26. Dion Chrys. Or., XLIX.
27. LE ROUX. F. Les Druides. Paris. 1960, p. 47.

28. ШИРОКОВА Н.С. Царская (королевская) власть и ее символика у древних кельтов. Античное общество — IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов. СПб. 2001.
29. БИРН Ф.Д. Ук. соч., с. 14.
30. Рождение Кухулина. В кн.: Саги об уладах, с. 78.
31. Осада Эдара. Там же, с. 46.
32. Caes. B.G., VII, 32.
33. Caes. B.G., I, 3; 7; 13; VI, 8; VII, 88; Strabo. IV, 4.3.
34. Caes. B.G., VI, 12.
35. Dio. LIV. 32; Strabo. IV. 3; CIL. XIII. 1671.
36. ШИРОКОВА Н.С. Мрамор из Ториньи. В кн.: Античный мир и археология. Саратов. 1983, с. 72, 77.
37. Caes. B.G., II, 5, 28, 31; III, 11, 17; V, VII, 55.
38. Caes. B.G., III, 16.
39. Caes. B.G., V, 54; III, 16; II, 5, 28; III, 17; I, 31.
40. Caes. B.G., I, 30-31; V, 54-55.
41. Caes. B.G., I, 3; I, 35; I, 16; VII, 31.
42. Caes. B.G., VI, 20; VII, 55; I, 16; VII, 31.
43. Caes. B.G., I, 18; II, 23; V, 56; V, 27; V, 3-5; I, 16.
44. БЕЛОВА Н.Н. Ук. соч., с. 183.
45. Caes. B.G., VII, 20, 25.
46. Сказание о Конхобаре, с. 16.
47. Там же, с. 17.
48. Ср.: Caes. B.G., II, 3; Осада Эдара, с. 33.
49. Caes. B.G., VII, 4.
50. Caes. B.G., VI, 20.
51. ШИРОКОВА Н.С. Древние кельты на рубеже старой и новой эры. Л. 1989, с. 208.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

Панисламизм в Средней Азии перед первой мировой войной

С.Б. Панин

Накануне первой мировой войны на территории Туркестана, в Бухаре и Хиве стала заметной панисламистская активность, которая во многом питалась процессами, происходившими в Турецкой империи. Тиранический режим Абдул-Хамида II (1876—1909 гг.) в Турции, именуемый отныне термином «зулюм» (деспотия, тирания), проявил себя крайними формами произвола и беззаконий в отношении личности. Его идеологическим обрамлением стал панисламизм, стремившийся к объединению всех мусульман на общей религиозной основе вокруг единого духовного центра, который олицетворял турецкий султан. И хотя первоначально это религиозно-политическое течение было направлено на приспособление исламского мира к новым реалиям, созданным в результате активного воздействия европейского колониализма, подмятое под себя «зулюмом», оно неизбежно превратилось в реакционную идеологию, которая, видимо, должна была исчезнуть вместе с этой системой. Однако у панисламизма оказалась иная судьба. В ходе революции 1908 г., низложив Абдул-Хамида и захватив власть при новом султани Мехмеде V, младотурки подхватили эту идеологию и использовали ее в своих целях. Их власть укрепилась в ходе Балканской войны 1912 г., а затем в годы первой мировой войны, когда Турция управлялась младотурецким триумvirатом — Энвер-паша, Талаат-паша и Джамаль-паша. Хотя «иттихадисты», как стали именовать младотурков по названию их газеты «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), начинали как прогрессивное движение против системы «зулюм» и выступали за равенство, справедливость, единство прав всех подданных империи, в ходе борьбы за власть и при ее осуществлении особенно в годы мировой войны на стороне Германии они радикализировались настолько, что сделали гонения на другие народы, геноцид армян и формирование жесткой, авторитарной власти сутью своего правления¹.

Панин Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета.

Это стало возможным после того, как выдвинутый младотурками лозунг «Мы — братья, все мы оттоманы» в ходе Балканской войны не удержался. Греки, сербы, албанцы, македонцы, болгары — подданные Порты — поддержали ее врагов и развеяли первоначальную идею оттоманизма. На смену ей пришел тюркизм, вскоре ставший агрессивным и шовинистическим пантюркизмом, провозгласившим превосходство турецкой расы и подчинение всех «туранских» народов власти Стамбула. Активный пантюркист того времени Текин Альп писал: «Объединившиеся турки должны образовать центр притяжения для всего исламистского мира. Арабы Египта, Марокко и Туниса, персы, афганцы и т.д. должны представлять собой полностью единый фронт»². Панисламизм с усиленным религиозным фактором, взятый на вооружение младотурками, в ходе всех этих изменений и политических перемен оставался общей начинкой, приспособившаяся к новым нуждам.

В ходе всех этих сложных, неоднозначных процессов Кабул, используя панисламизм как общую объединительную идеологию, начал формировать идею создания на Востоке нового панисламистского центра в лице самого Афганистана, способного при определенных условиях выступить сторонником и защитником восточных народов. Новая, панисламистская роль Кабула диктовалась сложным, противоречивым положением Турецкой империи и одновременно желаниями кабульских правителей поднять авторитет своей страны, кардинально изменив свой имидж на Востоке. Эти настроения, по мнению И.М. Рейснера, формировались еще со времен эмира Абдурахман-хана (1880—1901 гг.), который стремился занимать особую позицию в мусульманском мире: «не высказывался за государственное объединение всех мусульман», но и «не признавал верховенства турецкого султана как халифа»³. Его наследник эмир Хабибулла-хан (1901—1919 гг.) внешне также долго демонстрировал нейтральную позицию в отношении Турции и халифа, что положительно воспринималось курировавшими внешнюю политику эмира англичанами, уверенными в том, что именно такой, дистанцированный от остального Востока Афганистан способен сдерживать распространение агрессивного панисламизма в сторону Индии⁴. В действительности, это послужило превращению панисламизма в панафганизм.

Первые признаки этой тенденции в политике Кабула стали отмечаться после проявленного Хабибуллой-ханом несогласия с положениями англо-русской конвенции 1907 г., которая разграничила сферы влияния держав в Персии, Афганистане и Тибете, но поставила вступление в силу афганской части соглашения в зависимость от одобрения Кабулом. Ничего подобного не было в статьях по Персии, которые считались ведущими. Персия, разделенная державами на сферы влияния и охваченная гражданской войной, приведшей в 1909 г. к низвержению власти шаха, с точки зрения Кабула, была уже не способна на такую роль. В 1912 г. афганский эмир, видимо, желая не столько солидаризироваться с Персией, находившейся в длительном периоде смут и революций, сколько усилить свою патронирующую роль на Среднем Востоке, заявил англичанам, хотя от него этого никто не требовал, что Афганистан и его совет не смогут признать соглашение 1907 г. в части, касающейся Персии⁵. Однако самым яр-

ким проявлением патронирующей роли афганцев стал проведенный весной 1912 г. в Кабуле с разрешения и при активном участии эмирских властей Первый Всеафганский панисламистский конгресс. Открытый самим эмиром, он всенародно провозгласил актуальность для Афганистана принципов «иттихадизма». Газета «Туркестанские ведомости» 8 апреля 1912 г. по этому поводу писала: «Гаснувший факел, зажженный на берегах Босфора, подхвачен твердой рукой, и неизвестно какие всходы дадут семена Джамаль-Эддина ⁶, перенесенные на восток» ⁷.

Проявленная эмиром самостоятельная позиция в отношении англо-русской конвенции привлекла внимание восточных стран, в первую очередь Турции, к Афганистану, куда потянулись турецкие инструкторы, стремившиеся поднять его статус в мусульманском мире и помочь в реформировании эмирской армии. Одним из первых зафиксировал факт их прибытия в Афганистан американский путешественник Кларк Грахам, который сумел побывать в эмирате ⁸. Эти эмиссары турецкого правительства, как правило, несли с собой идеи панисламизма. Русская разведка в 1908 г. также сообщила, что в Кабуле находятся 10—12 турок, а некоторые из них работают на оружейном и артиллерийском заводах ⁹. В секретной инструкции российскому генеральному консулу в Индии (видимо, 1908 г.) указывалось: «Вам следует обратить особое внимание на это обстоятельство и постараться выяснить, насколько упомянутые сведения основательны и сколь глубоко турецкая пропаганда пустила свои корни в Афганистане» ¹⁰.

Меморандум министра иностранных дел России С.Д. Сазонова на имя статс-секретаря по иностранным делам Великобритании Э. Грея, представленный 11 (24) сентября 1912 г. во время поездки в Лондон, подтверждал присутствие в Афганистане не менее 80 турецких военных инструкторов и офицеров. В нем подчеркивалось, что эти люди, «содействуя организации афганской армии», «одновременно ведут панисламистскую пропаганду, одинаково опасную как с точки зрения русских, так и английских интересов» ¹¹. С 1909 г. в афганской столице постоянно присутствовал официальный представитель турецкого правительства, роль которого выполнял торговый агент Фехми-паша ¹². Турки, по данным русской разведки, опираясь на панисламистские принципы, весной 1912 г. обращались к Кабулу с просьбой о помощи войсками в военном конфликте с Италией. И хотя в этой просьбе эмир официально отказал, сославшись на зависимость его политики от договоров с Великобританией, по его распоряжению с населения были собраны значительные деньги для помощи Турции ¹³.

Характерно, что турки сами активно побуждали Афганистан к тому, чтобы «проснуться от долгой спячки», хотели видеть его на особом месте в мусульманском мире, активно подталкивали его правителя к будущим переменам, к изменению имиджа страны в мире. Именно турки, посетив Афганистан, распространяли затем представления о нем как о будущей опоре панисламизма, оплоте противодействия британской политике на Востоке. Поэтому, безусловно, одним из важнейших факторов, приблизивших Афганистан к переменам в первой четверти XX в., к завоеванию независимости, было турецкое

влияние. Перемены в Турции, все то, что произошло с этой страной в первые десятилетия XX в., заставили всколыхнуться и Афганистан. И объективно следует признать, что панисламизм стал важнейшим идеологическим течением, позволившим многим афганцам узнать об окружающем мире, о мире ислама, о близости их интересов с интересами других восточных народов.

Следует подчеркнуть, что за исключением таких отдельных, ярких мероприятий как панисламистский конгресс, Афганистан при Хабибулле-хане в основном избегал открытой демонстрации своих желаний взять на себя лидирующую роль в мусульманском мире в противовес слабеющей Турции, с которой Кабул не хотел ссориться. Ведь для этого и самому Кабулу надо было изменить сложившийся характер взаимоотношений с Великобританией, отказаться от подписанных договоров, о чем эмир Хабибулла-хан, видимо, думал как об отдаленной перспективе. В силу ряда объективных причин и, в первую очередь, зависимого положения во внешнеполитической деятельности от Англии и англо-индийского правительства, Афганистан не мог распространить свое влияние на отдаленные территории и уж тем более на весь мусульманский Восток. Главными объектами его опеки стали пуштунские племена приграничной полосы с Индией и Бухара, куда накануне и в годы первой мировой войны направлялась наибольшая панисламистская активность афганцев, часто совпадавшая здесь по целям и задачам с их разведывательной деятельностью. Намерение стать лидером на Востоке начнет по-настоящему пробивать себе дорогу чуть позже, при эмире Амунолле-хане (1919—1929 гг.), в условиях низвержения Османской империи и отмены султаната. Поэтому в данный период эти идеи во многом навязывались Кабулу турками, активно распространявшими по всему миру представления об Афганистане как о будущем панисламистском центре, надеясь тем самым усилить антибританские чувства в народе и у эмира.

Одним из генераторов этих идей был журнал «Мусульманин», который в 1909—1910 гг. издавался в Париже. Здесь печатались статьи турок, побывавших в Афганистане, среди которых наиболее выделялись публикации Г. Хаджакова об этой стране как будущей опоре панисламизма¹⁴. Конечно, в самой Турции, на ее высших властных этажах неоднозначно и даже ревниво воспринимали афганские надежды поднять свой статус в мусульманском мире, ибо это, казалось, может быть сделано лишь за счет снижения статуса самой Турции. Так, когда в 1909 г. афганский эмир в письме султану заявил о готовности послать в Турцию 10 тыс. лучших своих воинов, подчеркнул при этом, что прослышал «о стесненных обстоятельствах султана», тот ответил, что в помощи не нуждается и, наоборот, сам прислал в Кабул 1000 винтовок и знамя, которое было установлено в центре Кабула¹⁵.

Следует признать, что в мире и на Востоке существовали предубеждения и сомнения в отношении перспектив превращения Афганистана в новый религиозный и идеологический центр, способный объединить всех мусульман. Они возникали потому, что сам Афганистан являлся многоконфессиональным и многоэтническим сообществом с различными религиозными толками, которые с трудом уживались в пределах одной страны. По мнению газеты «Туркестанс-

кие ведомости» (май 1909 г.), объединительная судьба Афганистана на Востоке сомнительна, ибо он «представляет из себя коллекцию племен разного этнографического происхождения и различных толков», которые живут в условиях постоянных распрей¹⁶. Это делало кабульские надежды на руководящую роль в международном исламе изначально сомнительными для реального воплощения.

Распространение панисламизма в самом Афганистане было во многом связано с личностью и деятельностью Махмуда Тарзи (1865—1933), который при эмире Абдурахман-хане был вынужден эмигрировать из страны и много лет прожил в Дамаске, Константинополе и других областях Оттоманской империи, став свидетелем попыток турецких реформ. В своей деятельности он придерживался панисламистских взглядов и после того, как с семьей вернулся в Кабул, возглавил националистическую придворную группировку, к которой, по разным причинам, тяготели и брат эмира консервативный Насрулла, и все более заявляющий о себе, как человек нового поколения, Аманулла. Именно Тарзи стал тем человеком, который пусть и формально, но объединил эти группировки для решения важнейших государственных задач¹⁷. Тарзи укрепил свое влияние при дворе, когда отдал своих дочерей в супруги сыновьям эмира. Он также, видимо, был организатором приезда первых турок в Кабул, а в годы мировой войны способствовал появлению здесь германо-турецкой миссии Нидермайера-Хентига.

Панисламистская пропаганда направлялась Тарзи через руководимую им кабульскую газету «Сирадж-ал-ахбар», которая была хорошо известна за пределами Афганистана — в Индии, Турции, а с 1912 г. — в русском Туркестане и Бухаре, где, по данным российского политического агента, в 1913 г. у нее насчитывалось не менее 120 подписчиков. С учетом же того, что газета здесь нередко передавалась из рук в руки (от одного человека — десятерым), число ее реальных читателей было значительно больше¹⁸. Исследователь М. Шинази, изучавший это издание в подлиннике в кабульской библиотеке, по почтовым маркам на письмах, адресованных редакции газеты, сделал вывод, что ее выписывали также в Японии и Австралии¹⁹. Редакция «Сирадж-ал-ахбар» получала информацию, в том числе из туркестанских и российских изданий, которые распространялись в Туркестане и Бухаре. Доставка газеты из Афганистана в Бухару осуществлялась коммерческим агентом афганского эмира.

Чиновники в Ташкенте следили за распространением «Сирадж-ал-ахбар» на территории Туркестана и Бухары. По их поручению делались переводы статей, которые затем отправлялись в Петербург, в частности, в Главное управление по делам печати при Министерстве внутренних дел империи. Именно это министерство в январе 1914 г. выступило инициатором прекращения распространения газеты не только в Туркестане, но и в Бухарском ханстве. Туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов (март 1909 — август 1914 гг.), получив соответствующие рекомендации от министра внутренних дел Н.А. Маклакова, уверенного в том, что афганская газета осуществляет панисламистскую пропаганду и возбуждает в мусульманском мире вражду и ненависть к России, посоветовал политическому агенту в Бухаре М.М. Гирсу при личной встрече с бухарским эмиром прокомменти-

ровать статьи, в которых газета язвительно и непочтительно отзывалась о пожаловании ему российским императором титула «высочества»²⁰. Гирс выполнил поручение, хотя в целом считал, что газета по своему содержанию и тематике статей «никакой опасности не представляла». Тем не менее, в том же 1914 г. она была запрещена на территории Туркестана и Бухарского эмирата²¹.

Британцы, боясь вызвать недовольство афганского эмира, решились на подобные меры в отношении «Сирадж-ал-ахбар» на территории Индии лишь в начале 1917 года²². Некоторые архивные документы свидетельствуют о том, что ее запрет в Туркестане и Бухаре из-за панисламистской пропаганды негативно сказался на выполнении задач русской разведки, особенно на Памире, территориально оторванном от остального Края. В условиях начавшейся первой мировой войны, когда напряжение на афганской границе периодически обострялось и не хватало сведений о том, что происходит по другую сторону границы, запрет на распространение газеты стал отрицательным фактором для русской разведки. Несмотря на то, что газета еще в марте 1914 г. была выписана с полной оплатой ее годовой стоимости начальником Памирского отряда через постоянного разведчика, обозначавшегося в документах как «М.С.» (в Ишкашине), и через Махрам Бека (в Хороге), получить ее в результате собственного же запрещения не удалось. Афганцы в условиях начавшейся мировой войны проявили особую осторожность, и фэйзабадский джарнейль, на которого вышел «М.С.», хотя и отправил по поводу доставки газеты на российскую территорию запрос в Кабул, ничего не пообещал и вскоре возвратил предварительно внесенные деньги²³. Тот же неоднозначный характер последствий прекращения распространения «Сирадж ал-ахбар» отмечен в российских архивных документах, датированных февралем 1917 года. Газета понадобилась в Главном управлении Генерального штаба России, но дипломатический агент в Бухаре А. Миллер был вынужден сообщить в Петроград, что «ввиду яркого панисламистского и враждебного нам направления» она «уже три года запрещена в России и Бухаре» и «доставать экземпляры этого германофильского издания довольно трудно»²⁴.

Толчком для активизации панисламистской пропаганды и деятельности в российской Средней Азии стали события и последствия проигранной Россией войны 1904—1905 гг. с Японией, которая сломала сложившуюся систему международных отношений и продемонстрировала внутреннюю слабость огромной империи. Эти события усилили активность исламистских структур в Бухарском ханстве, подменяя здесь пантюркизм панафганизмом и, в целом, питаясь идеями защиты и освобождения Бухары с помощью Афганистана от русского влияния. Панисламистская пропаганда находила здесь большое число сторонников и активно сочеталась с доставкой оружия из соседних стран. Начальник керкинского гарнизона уже в августе 1905 г., в период подписания Портсмутского мира с Японией, докладывал своему руководству о резком оживлении на бухарской границе контрабандной перевозки оружия из Афганистана, когда, по его данным, каждый афганец, приезжавший в Бухару, обязательно вез с собой оружие и сбывал его местным жителям²⁵. По свидетельству начальника Туркестанского районного охранного отделения подполковни-

ка Андреева, в предвоенные годы в Бухаре не было двора и кишлака в ханстве «которые не имели бы огнестрельного оружия»²⁶. Это совпадало с панисламистскими представлениями о враждебной краю и населению российской власти, против которой надо держать оружие и готовить восстания. В свою очередь, следует подчеркнуть, что и русская власть никогда не считала местные элиты и само население Туркестанского края и Бухары надежным оплотом России. Поэтому все досоветские годы Туркестан держался в подчинении военного министра, а не гражданских ведомств, как это было в других регионах империи. Думается, что это достаточно веское свидетельство того, что Средняя Азия всегда воспринималась в Петербурге как колониальная территория.

Конечно, привоз оружия в Бухару и Туркестан далеко не всегда определялся панисламистскими целями. Наводнение Бухары оружием в предвоенные годы было типичным контрабандным явлением. По свидетельству историка Х. Назарова, оружие доставлялось в Бухару как из Афганистана, так и с российских военных заводов контрабандным путем и сбывалось здесь по спекулятивным ценам, в чем участвовала даже русская пограничная охрана. Историк приводит пример, как в 1909 г. младший офицер (корнет) Отдельного корпуса пограничной стражи получил распоряжение от кого-то из своих непосредственных начальников наскоро обследовать и пропустить через таможенную контрабандный караван с 50-тью ящиками английских винтовок, пришедший из Афганистана. По официальным данным, только в 1910 г. из Афганистана и России было привезено в Бухару оружия для спекулятивной продажи на 900 тыс. рублей²⁷. Вместе с тем, цели его сбыта и накопления, наряду со спекулятивными и контрабандными, безусловно, опирались на более сильную панисламистскую установку о необходимости готовности населения к будущей борьбе с русской властью, что активно поддерживалось афганцами.

Следует подчеркнуть, что русская администрация Туркестана и дипломатическое представительство в Бухаре, постоянно говоря о расширяющемся панисламистском движении на Востоке, в действительности, долгое время мало обращали внимания на процессы, которые происходили у них под боком. Считалось, что внутренняя ситуация в российской Средней Азии стабильна, а отдельные, хотя и активные действия афганцев и турок не способны вызвать особого напряжения. Эти представления обосновывались тем, что турецкая империя находилась в состоянии глубокого кризиса, где происходили явления распада. Считалось, что у внешних сил нет ни военных, ни экономических возможностей поколебать российское могущество в Средней Азии без активных военных действий и участия в них местного населения, которое в предвоенные годы казалось достаточно спокойным.

Однако в 1910—1911 гг. русской администрации Туркестана пришлось обнаружить активные проявления панисламизма и деятельности афганской и турецкой разведок, работавших в регионе. Эти события совпали со сменой власти в Хиве и Бухаре, находившихся под российским влиянием. В августе 1910 г. в Хиве вместо Мухаммада Рахим-хана II у власти утвердился его сын Асфандийар-хан (1910—1918 гг.), а в декабре скончался бухарский эмир Сейид Абд ал-Ахад (1885—1910 гг.) и власть перешла к его наследнику, последнему эми-

ру Бухары Сейид Мир-Алим-хану (1910—1920 гг.). Однако задолго до того как эти события внешне спокойно совершились, внутренние и внешние силы, особенно со стороны Афганистана, активно распространяли слухи, в частности, о намерении российского правительства использовать смену власти в Бухаре, чтобы окончательно присоединить ханство к империи. Это, по сути, ожидаемое исламистами событие заставляло многих поверить в то, что все так и произойдет. Русский генеральный консул в Мешхеде (Персия) признавал, что напряжение, которое поддерживалось афганцами в связи с этими слухами, было способно объединить всех мусульман против «коварных намерений» России и вызвать всплеск антирусских настроений²⁸.

Отношение российских властей к вопросу бухарской самостоятельности было неоднозначным, противоречивым, но осторожным. Сущность позиции официального Петербурга в отношении судьбы Бухары в марте 1909 г. выразил министр иностранных дел А.П. Извольский: «основной тенденцией нашей политики является содействие постепенному слиянию Ханства с нашими среднеазиатскими владениями и подготовка этого слияния мерами, не затрагивающими ни религии, ни издревле установленных законов и обычаев Бухары»²⁹. В Ташкенте неоднократно поднимали вопрос о необходимости окончательного и полного присоединения Бухары к империи, надеясь тем самым решить целый ряд проблем в торгово-экономических и пограничных вопросах. Однако в Петербурге занимали осторожную позицию и тянули с решением этого вопроса, ища подходящие условия и боясь нарушить сложившееся равновесие сил в регионе. Тем не менее, по настоянию Ташкента, царские министры неоднократно обсуждали вопрос о возможном поглощении ханства: на совещаниях в феврале и в августе 1909 г., а затем — летом 1914 г. на пленарном заседании Государственной Думы. Однако окончательное решение так и не было принято³⁰.

В период ожидавшейся смены власти в Бухаре, в ханство стали активно прибывать афганцы, что привлекло внимание туркестанских властей. Русская разведка, которая в тот период не имела специальной структуры и числилась среди задач и функций отдельного корпуса пограничной стражи³¹, развернутого на афганской границе, или корпуса жандармов, обратила внимание на 11 младобухарцев (Мулла Усман, Мулла Шир-Мамеди, Мулла Азым и другие), которые благодаря посредничеству афганского торгового представителя в Бухаре Мухаммад Гаус-хана направились в Кабул для встречи с братом афганского эмира Насруллой. После этого в Бухару и Хиву прибыла большая группа молодых афганцев из Герата, Кабула и Мазари-Шарифа, насчитывавшая несколько сотен человек, в основном, этнических узбеков, туркмен и таджиков. Эти люди, минуя русские пограничные и таможенные посты, тайно переправились через границу и с начала ноября 1910 г. стали появляться в бухарской столице и в Хиве. При помощи секретной агентуры русской разведке удалось установить имена всех этих людей. Выяснилось, что большую часть этой молодежи составляли афганские солдаты, сохранившие часть своего обмундирования и военного снаряжения³². Затем около 20 тыс. афганцев, заявленные как чернорабочие, также оказались на бухарской территории. У руководства пограничной охраны и в штабе Тур-

кестанского военного округа возникли подозрения, что эти действия связаны с планами отдельных представителей бухарских властей держать «наготове» в окрестностях столицы «достаточное количество афганцев», которые могут понадобиться на случай возможного конфликта с Россией при ожидавшейся смене власти в Бухаре. Агентура также назвала пункты, где может храниться приобретенное на этот случай оружие. Ими оказались дома афганского торгового агента в Бухаре Мухаммада Гаус-хана, а также бухарцев Муллы Абдурразака, Джурабека Арабова, Таракуль-бая и некоторых других³³.

Вскоре были выявлены лица из администрации бухарского эмира, которые руководили этими процессами. Ротмистр отдельного корпуса жандармов Зозулевский конфиденциально доложил начальнику Туркестанского районного охранного отделения о том, что чарджуйский бек Мухаммад Юнус-бий, по данным разведки, заключил тайное соглашение с афганцами о совместных действиях на случай конфликта с Россией. По данным Зозулевского, «выработан целый план и ждут только удобного момента»³⁴. Разведка также подтвердила, что особую роль в связях с афганцами играл первый человек в окружении бухарского эмира, кушбеги³⁵ Насрулла-бий, прежде занимавший посты первого министра, премьер-министра и министра внутренних дел. Насрулла-бий стал кушбеги эмира только в январе 1910 г., после разразившейся в Бухаре кровавой резни между суннитами (узбеки и таджики) и персами-шиитами, которых патронировал прежний кушбеги. После этих событий в свите эмира последовали увольнения³⁶.

Однако секретная агентура уже в первые месяцы 1910 г. указала на нового кушбеги-суннита как на тайного приверженца младобухарской партии и сторонника низвержения бухарского эмира с помощью афганцев. По данным агентуры, кушбеги поддерживал связи с братом афганского эмира Насрулла-ханом, постоянно пугал бухарского эмира опасными последствиями дружбы с русским правительством и одновременно являлся участником тайных собраний, на которых вырабатывалась фетва (манифест), осуждавшая самого эмира и призывавшая искать защиту от русских у афганцев. В декабре 1910 г. фетва с призывом поддержать бухарское население в случае свержения бухарского эмира, которому покровительствует русское правительство, с подписями 56 наиболее известных и уважаемых населениям бухарцев была отправлена в Афганистан и Турцию. Туркестанское охранное отделение получило полный список лиц, подписавших петицию³⁷. Таким образом, в Бухаре, в отличие от Турции, проявилась характерная особенность панисламистской пропаганды и деятельности, которая направила свое недовольство режимом и на самого бухарского эмира, «сдавшего», по мнению исламистов, Бухару русским и не способного обеспечить ее независимость от России. Именно на почве антиэмирской и панисламистской пропаганды в Бухаре в этот период поднялась и заявила о себе Партия младобухарцев, которая фактически агитировала за низвержение эмирского правительства и превращение Бухары в автономную республику, допуская при этом покровительство либо со стороны России, либо Афганистана. Эти события совпали в декабре 1910 г. со смертью в Кермине бухарского эмира Сейид Абд ал-Ахада.

В тот же период, в декабре 1910 г., по требованию российского императорского Политического агента, бухарские власти провели обыски в домах некоторых афганцев, проживавших в Бухаре, — Мухаммада Гаус-хана, официального агента афганского эмира по продаже каракуля, а также шести афганских подданных, работавших у него в подчинении. Были обнаружены ожидаемые запасы оружия (револьверы и ружья, в основном берданки, а также значительное количество боевых патронов к ним, в основном с разрывными пулями). Однако при этом в руки бухарских и туркестанских властей попали документы, которые свидетельствовали о том, что Мухаммад Гаус-хан в течение всех шести лет пребывания в должности официального афганского торгового представителя возглавлял шпионскую организацию, собиравшую разведывательные сведения по Бухаре и всему Туркестанскому краю³⁸. По выражению туркестанского генерал-губернатора А. Самсонова, «только благодаря счастливой случайности» удалось выйти на подпольную организацию муджахидов «Обреченные на смерть»³⁹, действовавшую на территории Туркестана и Бухары и ставившую своей целью отделение Туркестана от России и осуществление панафганской идеи — объединения мусульманских народов Средней Азии под эгидой «единоверного Афганистана». Обнаруженные документы указали на наличие филиалов этой организации в Ташкенте, Чимкенте, самаркандской области. Муджахиды, помимо пропаганды, также занимались скупкой золота и серебра в Бухаре и городах Туркестана, отправляя их в Афганистан и Турцию. Из документов следовало, что член ташкентской организации Мухаммад Салих ездил в Джелалабад, где был принят самим эмиром, передав ему письмо и деньги, собранные организацией⁴⁰. Афганские торговые агенты в Бухаре, сначала М. Гаус-хан, а позже Абдунаби-хан курировали отделения этой организации и, по сути, являлись ее руководителями.

Чинам 7-го пограничного округа, в обязанности которых входила и разведывательная деятельность, удалось выяснить, что торговый агент афганского эмира сумел создать достаточно разветвленную агентурную сеть, которая своим влиянием охватила обширный регион. Собираемые агентурные сведения направлялись в Мазари-Шариф, являвшийся центром разведывательной деятельности афганцев, откуда их доставляли в Кабул на имя принца Насруллы-хана или в канцелярию самого эмира. У Мухаммад Гаус-хана, который оказался не только деятельным и энергичным коммерсантом, но и не менее активным и талантливым организатором шпионской работы, были найдены черновики его донесений в Кабул и подлинные рапорты разведчиков, работавших под его руководством. Документы выявили около 80 человек, которые выполняли такую роль или имели с афганским торговым представителем тайные контакты⁴¹.

Содержание отдельных документов свидетельствовало о весьма любопытном факте: действуя с бухарской территории против России и ее интересов, Гаус-хан пытался получить российскую защиту от возможного вмешательства бухарцев в его экономическую деятельность. Так, он обращался к российскому политическому агенту в Бухаре с просьбой назначить ему охрану для надежной доставки товаров до границы и обратно, а вместе с ними, как оказалось, и секрет-

ной почты ⁴². Правда, в этом ему было отказано, но это не стало большой проблемой: в Старую Бухару два раза в месяц приезжали одетые в туркменские костюмы афганские кавалеристы (до 30 чел.), которых специально отправлял мазари-шарифский губернатор для сопровождения секретной почты через границу ⁴³. Нередко Гаус-хан и его помощники и сами совершали поездки из Бухары в Мазари-Шариф, попутно проводя наблюдения и описывая в подробностях особенности дорог, наличие мостов, русских таможенных и пограничных постов, отмечая расстояние между ними ⁴⁴.

Изучение обнаруженных документов показало, что наряду с мероприятиями по подготовке ожидавшейся смены власти в Бухаре и Хиве, панисламисты пытались содействовать экономическому ослаблению Великобритании и России и созданию для них экономических трудностей. Для решения этих задач в 1910 г. в Бухару по поручению афганского принца Насруллы-хана прибыл некий Мамед Акбар-хан, который, как выяснила русская разведка, должен был установить контакт с Мухаммадом Гаус-ханом и с помощью курируемой им организации организовать скупку золота у населения и в банках. К осени 1910 г. Мамед Акбар-хан уже начал выполнение этой задачи и отвез скупленного золота, как писалось в донесении русского агента, «на громадную сумму такового в Афганистан» для последующей отправки в Турцию. Затем он возвратился в Бухару с родственником губернатора Мазари-Шарифа, и вокруг них, а также Мухаммада Гаус-хана и прибывших из Кабула неких Ахмад-Джана, Сеида Мухаммад-хана и Мамеда Керим-хана сложился круг лиц, которые пытались установить контакты со знатными бухарцами для решения новых задач ⁴⁵. Секретная агентура отметила, что они установили тесные связи со знатными бухарцами — Ишаном Ибадулла-ханом и Бурханудином. Последний являлся сыном кази-каляна Бухары ⁴⁶. Примкнув к создаваемой группе, Ибадулла стал в ней духовным распорядителем, а Бурхануддин отвечал за сбор пожертвований для панисламистской пропаганды. Он же выделял деньги на командировки для панисламистской деятельности соответствующих агентов ⁴⁷.

Русская агентура отметила, что наряду с афганцами деньги с населения в пользу султана активно собирали и сами турки, но, как правило, при непосредственном участии или посредничестве афганцев. Так, весной 1914 г. по Восточной Бухаре ездили два турка в сопровождении афганского офицера, собирая деньги на военные приготовления Турции против русских, после чего ушли на афганскую территорию ⁴⁸. Следует отметить, что сборы денег с населения, как в Бухаре, так и в Туркестане накануне мировой войны стали обычным явлением, о чем русская администрация Туркестана и представительство в Бухаре получали частые сообщения, но не успевали должным образом реагировать. Иногда реакция была спонтанной, неоправданно жесткой, а обвинения иностранцев не всегда находили подтверждения. К примеру, в 1912 г. в Ташкенте, в закрытом режиме прошли судебные процессы над тремя афганцами, которых обвиняли в панисламистской пропаганде и сборе денег с населения. Однако они были оправданы ⁴⁹. Также в июне 1914 г., когда наблюдался большой наплыв в Бухару людей, собиравших деньги с населения и бухарской администрации в пользу турецкого султана, были арестованы два турка,

которые заявили, что являются сыновьями шерифа ⁵⁰ Медины — Абдуллою и Хасаном Ибрагимовыми. Хотя обыск ничего не дал, и ничто не подтвердило их шпионской деятельности, русская военные проявили активность только потому, что иностранцы странно объяснили свое появление в регионе: поехали из Медины в Бомбей покупать шесть лошадей, чтобы продать их в Кабуле, после чего возвращались в Турцию через Россию, заехав в Бухару ⁵¹.

Обеспокоенный сообщениями о панисламистской и разведывательной активности афганцев и турок в Средней Азии генерал-губернатор А. Самсонов (1909—1914 гг.) потребовал изучить вопрос и представить ему предложения по противодействию новым вызовам и угрозам российской власти. Секретный доклад штабс-капитана Фенина, составленный по результатам изучения обстановки в Бухаре и Туркестанском крае, содержал вывод о том, что уровень панисламистской активности очень высок, особенно в Бухаре, и то, что она еще не захватила все ханство, он объяснял лишь темнотой народных масс, которая при активности панисламистов не могла долго продержаться. Его рапорт «Панисламизм в Бухаре» подчеркивал необходимость активной контрпропагандистской работы среди населения и разоблачения установок исламистов, чтобы не получить в будущем, по его выражению, «распропагандированное, фанатичное и враждебное нам население», которое заставит держать в Туркестане и Бухаре «втрое больше войск», чем обычно, превратив эту окраину империи в регион, который «будет постоянно стремиться отложиться от России» ⁵².

Требования генерал-губернатора и выводы специалистов заставили руководство Туркестанского военного округа определить основные направления работы и критически взглянуть на свои возможности. Заметных успехов во взаимодействии с населением было мало, а потому в штабе округа больше надеялись на «интенсивность ведения разведки и наличие офицеров, прекрасно изучивших местные языки, нравы и обычаи туземцев», чтобы вести борьбу с вредной деятельностью афганцев ⁵³. Однако при детальном анализе стало ясно, что штаб Туркво не имеет в своем распоряжении достаточного количества агентов и разведчиков. Действовала практика получения основных данных с помощью агентов и доносителей, нанимаемых для такой работы из местных жителей, которые шли на нее исключительно за деньги и обычно выполняли ее небрежно. Зачастую многие сведения, которые добывались такими разведчиками, считались самим руководством Штаба «за весьма малыми исключениями» малодостоверными ⁵⁴. Судя по отчетам разведчиков, например Памирского военного района, здесь сложилась простая, но малоэффективная система: постоянными и надежными числились лишь несколько разведчиков (буквально в пределах одного десятка человек), которые обозначались в документах некими аббревиатурами (скорее всего, это были первые буквы имен или прозвищ) и на которых мог непосредственно выходить, например, начальник Памирского отряда или кто-то из русских официальных представителей, а уже они сами подбирали себе из местных жителей, обычно за деньги, людей для выполнения конкретных задач, ограничиваясь взаимоотношениями только с ними ⁵⁵.

Кроме того, постоянной причиной российского беспокойства в Бухаре и Туркестане было то, что афганцы и персы имели практичес-

ки неограниченный доступ на эти территории, в то время как доступ иностранцам в пределы Афганистана был закрыт. С учетом значительной протяженности границы Бухары с Афганистаном, в основном проходящей по Амударье-Пянджу, установить наблюдение удавалось лишь за некоторыми приезжими, ибо выявить всех лиц, проникавших в Бухару из Персии и Афганистана в туземных одеждах, которые принимались жандармской полицией за местных, было физически невозможно. Такую же трудность составляли лица, которые прибывали по железной дороге, где регистрация, как правило, не осуществлялась. По свидетельству начальника керкинского гарнизона генерал-майора Моторного, афганцы могли проживать в Керки и в Термезе, главных русских военно-стратегических центрах вдоль афганской границы, и беспрепятственно наблюдать учения российских войск в этих гарнизонах⁵⁶. Предложения закаспийских властей ввести регистрацию афганцев по всей границе с Афганистаном были сомнительны для реального воплощения по политическим, экономическим и техническим причинам, в том числе из-за отсутствия пропускных пунктов на значительных участках границы, особенно вверх по течению Амударьи-Пянджа.

Обращения российского правительства к англичанам с требованиями воздействовать на афганского эмира, чтобы он не допускал активности панисламистов и удалил из страны турецких военных инструкторов, активно направлявших эту деятельность, не привели к успеху. Англичане признались, что им «затруднительно сделать какие-либо представления эмиру», ибо это может осложнить отношения с Афганистаном и привести к обострению ситуации, как на индийской границе, так и в самой Индии, хотя были уверены, что турецкие инструкторы «настроены столь же англофобски, сколь и русофобски». Англичане полагали, что больше пользы принесет воздействие на турецкое правительство, чем бесполезные обращения к афганскому эмиру⁵⁷.

После проведенного обыска и конфискации переписки М. Гаусхан написал афганскому эмиру. Доклад был составлен в оправдательном духе, изобиловал резкими выражениями в отношении неправомочных действий русских чиновников и солдат (видимо, чтобы усилить тональность своего доклада Гаусхан доложил именно о действиях русских, хотя прекрасно знал, что операция была проведена бухарскими чиновниками, явившимися с приставом и в сопровождении бухарских кавалеристов). Русской разведке стало известно, что эмир вынужден был по этому поводу собрать дурбар, на который были приглашены Насрулла-хан, Инаятулла, высшие гражданские и военные чины Кабула. Хабибулла-хан, со свойственной ему манерой говорить долго, лишь в конце речи выходя на сущность заявленного вопроса, также в начале вспоминал о том, что именно Россия приютила его отца в сложнейший период их жизни, что у него нет к ней и ее народу негативного отношения, что он не хочет портить с ней отношения. Собрание, выслушав речь эмира, в которой уже были расставлены нужные акценты, по данным разведки, «единодушно высказалось за сохранение добрых отношений с Россией, прося эмира не обращать внимания на недоброжелательное по отношению к России донесение Мухаммед Гаус-хана». Разведчики также сообще-

ли, что Хабибулла-хан остался очень недоволен донесением торгового агента, который своими действиями бросил тень на афганского правителя, заявив, что выполнял волю эмира. После этого совещания поползли слухи о том, что в ближайшее время Мухаммад Гаус-хан будет отрешен от должности ⁵⁸.

Афганский торговый агент пытался оправдаться и перед российскими властями. Он отправил несколько писем на имя туркестанского генерал-губернатора, в которых, в частности, подчеркнул, что разрешение на хранение оружия он, якобы, получил от российского политического агента в Бухаре ⁵⁹. Это свидетельство Гаус-хана, которое может трактоваться очень широко, не нашло какого-либо подтверждения в изученных нами архивных документах. Скорее всего, Гаус-хан, прекрасно зная о двойственном статусе российского политического агента в Бухаре, который, с одной стороны, назначался МИДом, но по должности подчинялся и туркестанскому генерал-губернатору, представлявшему военное ведомство, просто рассчитывал затянуть выяснение своей роли и одновременно посорить российские ведомства. Однако эти уловки не помогли. Торговому представителю афганского эмира бухарские власти предложили покинуть ханство. Однако разрешение вопроса оказалось курьезным: после того, как в начале июня 1911 г. Гаус-хан выехал из Бухары, официально отозванный Кабулом из-за болезни, в конце сентября в Бухару прибыл новый торговый агент Сефдар Али-хан, и туркестанская администрация, которая направляла действия Бухары, решила смириться с этим фактом, но продолжила следить за деятельностью афганского представительства ⁶⁰.

Хотя туркестанские и бухарские власти, раскрыв накануне мировой войны тайную деятельность афганского торгового представительства в Бухаре, серьезно подорвали его панисламистскую и разведывательную активность, она какое-то время еще продолжалась, прикрываясь торговлей. Уже после отъезда Гаус-хана из Бухары в столицу эмирата приехали два афганца, заявившие о намерении продать правительственный каракуль. Они сразу привлекли внимание сотрудников туркестанского охранного отделения, которые заподозрили, что целью приезда этих людей в Бухару является не торговля, а панисламистская пропаганда. Действительно, афганцы стали посещать дома знатных жителей Бухары, участвовать в тайных собраниях, на которых обсуждалась ситуация в эмирате. В частности, из донесений разведчиков и агентов Штаба туркестанского военного округа стало известно о готовящемся обращении жителей Бухары к афганскому эмиру с жалобой на политику эмира Бухарского, отдавшего, по словам авторов обращения, Бухару во власть России. В октябре 1911 г. российской агентурой были перехвачены письма к афганскому эмиру, в которых подписанты признавали афганского монарха «царем Ислама» и возлагали на него все надежды в освобождении Бухары от России ⁶¹.

В апреле 1913 г. Сефдара Али-хана сменил новый торговый агент афганского эмира Хаджи Абдунаби-хан, который стремился восстановить тайные связи с муджахидами. При этом, хотя туркестанские и бухарские власти теперь пристально следили за деятельностью афганского агента, Абдунаби-хану удавалось поддерживать контакты с каршинским, чарджуйским беками и другими известными лицами

Бухары. С началом мировой войны в письмах, которые он получал из Кабула, по-прежнему содержались указания и требования воздействовать на бухарское правительство, чтобы получить от него денежную помощь для Турции, участвовавшей в войне, и подготовить население Бухары к мысли о неизбежности войны с Россией. Однако в годы войны деятельность муджахидов, несмотря на усилия афганцев, ослабла, и к 1915 г., по мнению исследователя Л.М. Ланды, почти сошла на нет⁶². Решающим фактором оказались мероприятия российских и бухарских властей, разоблачивших в 1910—1911 гг. афганскую шпионскую организацию, работавшую много лет под прикрытием и на средства эмирского торгового представительства в Бухаре.

Примечания

1. Подробнее см.: ВАСИЛЬЕВ Л.С. История Востока. Т. 2. М. 2003, с. 142—145.
2. ГОТЛИБ В.В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М. 1960, с. 39, 42.
3. РЕЙСНЕР И.М. К вопросу о складывании афганской нации. — Вопросы истории. 1949, № 7, с. 73.
4. НОТОВИЧ Н.А. Россия и Англия. СПб. 1909, с. 254.
5. Туркестанские ведомости. 24.VIII.1912.
6. Речь идет о Джамаль-ад-Дине аль Афгани — основателе панисламизма.
7. Туркестанские ведомости. 8.IV.1912.
8. Туркестанский сборник. Статьи и заметки из русских и иностранных газет. Т. 466. Ташкент. 1908. (библиотека А. Навои), с. 23.
9. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Фонд Среднеазиатский стол «Б», д. 1596, л. 9.
10. Синяя книга. Сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел. М. 1918. с. 3.
11. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917. Серия 2. Т. 20. М. 1940, ч. 2, с. 254.
12. Туркестанский сборник, т. 502, с. 176.
13. Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА Республики Узбекистан), ф. И-2, оп. 2, д. 467-с, л. 14.
14. Туркестанские ведомости. 27.V (9.VI).1912.
15. АВПРИ, ф. Фонд Среднеазиатский стол «Б», д. 1626, л. 84.
16. Туркестанские ведомости. 27.V.(9.VI).1912.
17. ADAMEC L. Afghanistan, 1900—1923. A diplomatic history. Berkeley-Los Angeles. 1967, p. 81.
18. НАЗАРОВ Х. Равобити Бухоро ва Афғонистон аз барпо шудани давлати дуррони-хо то галтидани Аморати Бухоро. Душанбе. 1963, с. 87.
19. SCHINASI M. Siradj al-akhbar l'opinion afghane et la Russie. — Afghanistan. Kabul. 1972, vol. 25, N. 2, p. 30.
20. Английская агрессия в Афганистане (1883—1917 гг.). Сб. документов (По материалам Центрального государственного исторического архива Узбекской ССР). Ташкент. 1951, с. 252—253.
21. НАЗАРОВ Х. Ук. соч., с. 87.
22. Английская агрессия в Афганистане..., с. 259.
23. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 1396, оп. 2, д. 2093, л. 118—119.
24. АВПРИ, ф. Фонд Среднеазиатский стол «Б», оп. 486, д. 230, л. 2.
25. НАЗАРОВ Х. Ук. соч., с. 85.
26. ЦГА Узбекистана, ф.1, оп. 31, д. 737, л. 39.
27. НАЗАРОВ Х. Ук. соч., с. 85.

28. Там же.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА. Санкт-Петербург), ф. 23, оп. 18, д. 238, л. 56об.
30. ТУХТАМЕТОВ Т.Г. Русско-бухарские отношения в конце XIX — начале XX вв. Победа Бухарской народной революции. Ташкент. 1966, с. 69—73.
31. Подробнее о деятельности отдельного корпуса пограничной стражи, в том числе на афганской границе, см.: ПЛЕХАНОВ А., ПЛЕХАНОВ А. Отдельный корпус пограничной стражи на границе России (1893—1919). М. 2012, с. 289—290.
32. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1148.html>.
33. ЦГА Узбекистана, ф. 1, оп. 31, д. 729, л. 151об.; д. 737, л. 40об.
34. Там же, оп. 31, д. 729, л. 151об.
35. Кушбеги — высший государственный чиновник Бухары, замещавший эмира при его отсутствии в столице.
36. <http://www.history.tj/matveeva.php>.
37. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1148.html>.
38. Там же.
39. ЦГА Узбекистана, ф. 1, оп. 31, д. 729, л. 24об.
40. ЛАНДА Л.М. Панисламистская и пантюркистская агентура в Туркестане (конец XIX — 1917). Дисс. канд. ист. наук. Ташкент. 1953, с. 199—201.
41. Туркестанский военный округ, штаб. Сводка сведений о сопредельных с Туркестанским военным округом стран, добытых разведкой за январь 1911 г., № 1, с. 8.
42. ЦГА Узбекистана, ф. 1, оп. 31, д. 737, л. 1—2.
43. Сводка сведений ... за январь 1911 г., с. 7.
44. ЦГА Узбекистана, ф. 1, оп. 31, д. 737, л. 29.
45. Там же, л. 39об.
46. Кази-калян — титул чиновника, руководившего с согласия эмира судебной системой Бухары.
47. <http://zerrspiegel.orientphil.uni-halle.de/t1148.html>.
48. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2088, л. 8—8об.
49. Туркестанские ведомости. 16 (29).IX.1912; 18.IX (1.X.).1912.
50. Шерифами, как и сеидами, в мусульманской традиции обычно именуют потомков Мухаммеда.
51. РГВИА, ф. 1396, оп. 2, д. 2088, л. 10об.
52. ЦГА Узбекистана, ф. 1, оп. 31, д. 729, л. 42об.
53. Сводка сведений... за январь 1911 г., с. 9.
54. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 162б, л. 43.
55. Архив востоковедов. Петербургское отделение Российской Академии наук, ф. 115 (А.Е. Снесарёв), оп. 1, д. 164, л. 1—6.
56. АВПРИ, ф. Среднеазиатский стол «Б», д. 162б., л. 42—42об.
57. Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917. Серия 2. Т. 20. М. 1940, ч. 2, с. 360.
58. Сводка сведений ... за январь 1911 г., с. 14—16.
59. ЦГА Узбекистана, ф. 1, оп. 31, д. 737, л. 2. М. Гаус-хан ссылается на политического агента в Бухаре Я.Я. Лютша (1902—1911). Лютш в 1911 г. был отозван в Петербург, но причиной этого были, видимо, не свидетельства Гаус-хана, а докладная генерал-губернатора Самсонова о событиях января 1910 г. в Бухаре, когда агентство не смогло предотвратить кровавую резню между суннитами и шиитами. Однако после отставки Лютш был вновь назначен генеральным консулом в Сеул (1911—1921). См. подробнее: МАТВЕЕВА Н.В. Первое постоянное представительство России в Бухарском эмирате. <http://www.history.tj/matveeva.php>.
60. ЦГА Узбекистана, ф. 1, оп. 31, д. 737, л. 33; Сводка сведений... за период с 1 апреля по 1 июля 1910 г., № 4—6. Ташкент. 1910, с. 32.
61. Там же, д. 729, л. 151.
62. ЛАНДА Л.М. Ук. соч., с. 199—201.

Процесс по делу Ш. Конарского и судьбы польских ссыльных

А.С. Манойленко, Ю.Е. Манойленко

Осенью 1835 г. польские эмигранты из Российской империи основали в вольном городе Кракове политическую организацию «Союз польского народа», целью которой провозглашалось восстановление польской независимости и объединение ранее принадлежавших Польше земель. В уставе организации были подробно разработаны способы создания разветвленной структуры на местах, в частности, на территории Юго-Западного края. Для практического осуществления этих намерений организация в декабре того же года направила своего эмиссара Ш. Конарского в Волынскую губернию ¹.

В результате деятельности Конарского в губерниях Юго-Западного края была создана сеть тайных обществ, объединенных под эгидой «Союза польского народа». Первым отделением «Союза» стала организация «Вера, Надежда, Любовь», в которую входило 30 дворян Волынской губернии во главе с К. Мошковским и 6 католических священников ². Последние, пользуясь высоким моральным авторитетом у населения, вели пропаганду среди прихожан, произнося проповеди патриотического содержания и распространяя запрещенную литературу. Организация издавала периодический журнал «Друг Истины», а также занималась сбором статистических сведений, которые предполагалось использовать в будущем для ведения партизанских действий против администрации края ³.

Еще одним отделением «Союза польского народа» на территории Юго-Западного края стало «Женское демократическое общество». Эта организация возглавлялась помещицей Е. Фелинской и состояла из 12 дворянок Волынской и Подольской губерний. Одна из участниц общества, Э. Михальская, была невестой Конарского ⁴.

«Женское демократическое общество» напрямую не преследовало политических целей: его члены считали первоочередной задачей «нравственное совершенствование» женщин, как основных участниц процесса воспитания будущих поколений польских патриотов. В 1837 г. участницы общества открыли в Кременце школу для бедных девушек, в которую было принято 15 воспитанниц. Преподаванием в школе первоначально занималась графиня Э. Комаровская,

Манойленко Анна Сергеевна — заведующая архивохранилищем Российского государственного архива Военно-морского флота; *Манойленко Юрий Евгеньевич* — кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного исторического архива.

затем ее сменила Фелинская, которая вела уроки вместе со старшей дочерью и сыном⁵. За время своего существования школа стала значимым центром распространения польских патриотических идей среди молодежи.

Тайное общество, связанное с «Союзом польского народа», было создано также дворянами Подольской губернии⁶. Участниками организации стали представители наиболее обеспеченных и титулованных польских семейств: Мархоцких, Михальских, Старорыпинских и др. Основным направлением деятельности Подольского отделения «Союза» стал сбор денежных средств на нужды освободительного движения. Значительные состояния участников организации позволяли им жертвовать достаточно крупные суммы: так, например, помещик С. Грабянка внес в бюджет отделения 1000 злотых, а И. Старорыпинский — 400⁷.

Летом 1838 г. в Бердичеве должен был состояться съезд представителей вышеупомянутых тайных обществ, на котором планировалось обсудить вопросы более тесной координации действий. Однако этому помешал арест Конарского, произошедший 24 мая 1838 г. на почтовой станции между Вильно и Минском⁸. Под давлением предъявленных следствием доказательств, эmissар признался в своей принадлежности к тайной организации. За этим последовали аресты других участников «Союза польского народа».

Для расследования деятельности организации были созданы следственные комиссии в Вильно и Киеве⁹. На допросах многие участники «Союза» дали пространные показания, раскрыли различные стороны деятельности организации и назвали имена тех, кто был к ней причастен. Так, например, помещик Волынской губернии К. Олизар сообщил следствию, что являлся секретарем Луцкого уездного отделения «Союза» и указал на секретаря губернского отделения организации доктора И. Бопре. Ценную информацию о структуре «Союза» и деятельности его отделений раскрыли дворяне М. Кисель, К. Модзалевский, Н. Росевич и Э. Пининский. Подробности финансового обеспечения и особенности конспирации сообщили В. Оржешко, Олизар и Т. Янушевский¹⁰.

Следствием было установлено, что в деятельности «Союза» на территории Юго-Западного края принимали участие целые семьи польских дворян: Михальские, Бенкевичи, Олизары, Ржонжевские и др. Родственники подследственных зачастую не только не отрицали своего участия в организации, но и подчеркивали идейную связь с заговорщиками. Так, отчим И. Родзевича Ю. Олеша на допросе утверждал, что, хотя и отказался участвовать в деятельности «Союза польского народа» из-за плохого здоровья и преклонных лет, однако полностью разделял любовь его участников к Отечеству, а потому был признан членами тайного общества своим «сотоварищем»¹¹.

После семи месяцев следствия материалы по делу «Союза польского народа» были переданы в специально учрежденный военный суд¹². 4 января 1839 г. император Николай I распорядился разделить всех привлеченных к следствию на пять разрядов, учитывая при этом роль того или иного лица в деятельности тайной организации, а также степень участия в Польском восстании 1830—1831 гг. в качествеотягчающего обстоятельства¹³.

К первому разряду были отнесены главные организаторы тайных обществ в Юго-Западном крае: Мошковский, Ф. Михальский, Бопре, П. Боровский. Им вменялась в вину «организация и распространение заговора в Юго-Западных губерниях». Все четверо были приговорены к смертной казни, однако затем последовало высочайшее смягчение наказания: казнь была заменена ссылкой на каторгу в Сибирь, с последующим «вечным поселением» в тех же районах¹⁴.

Ко второму разряду были причислены члены «Союза польского народа», ранее принимавшие участие в Польском восстании и получившие «всемиловейшее прощение». Таковых оказалось 42 человека, в том числе К. Мархоцкий, И. Лесневич, Л. Михальский, М. Кисель, Олеша, братья К. и Ф. Олизары и

др. К этому же разряду были отнесены все католические священники, состоявшие в организации. Объединенные в эту группу лица были приговорены к каторжным работам сроком от 15 до 20 лет, с лишением прав состояния и конфискацией имущества¹⁵.

К третьему разряду были отнесены члены тайного общества, «не имевшие деятельного участия в нем», а также лица, перевозившие и пересылавшие переписку заговорщиков, деньги и книги¹⁶. Таковых оказалось 15 человек, в том числе А. и Ф. Бенкевичи, Борковский, В. Ильницкий, Модзалевский, Пининский и др. По отношению к этой группе осужденных не существовало единства в определении меры наказания: в каждом случае оно избиралось индивидуально.

Так, например, помещик А. Бенкевич обвинялся в том, что состоял в Подольском отделении «Союза польского народа» и намеревался принять участие в Бердичевском съезде. Суд приговорил его к смертной казни, однако генерал-губернатор Юго-Западного края Д. Г. Бибилов смягчил приговор, принимая во внимание искреннее раскаяние осужденного, его слабое здоровье и старость. В результате А. Бенкевич был наказан заключением в крепость сроком на 6 месяцев с последующим учреждением за ним строгого полицейского надзора¹⁷.

Дворянин Борковский, распространявший переписку членов тайного общества, первоначально также был приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена определением на службу унтер-офицером в Отдельный Оренбургский корпус¹⁸.

Ильницкий обвинялся «в содействии переездам мятежников» по территории края, однако, по его утверждению, он не знал о противозаконных намерениях тех, кому предоставлял лошадей. Суд не учел этого обстоятельства и приговорил помещика к смертной казни. Однако Бибилов заменил приговор ссылкой на поселение в Курск, сочтя, что это более соответствует степени его вины¹⁹.

К ссылке на поселение в Вятку и Астрахань были приговорены Модзалевский и Пининский, вступившие в Волынское отделение «Союза польского народа» и внесшие денежные средства для его поддержки. В этом случае, очевидно, сыграло роль их активное сотрудничество со следствием²⁰.

К четвертому разряду были причислены 6 дворян, знавших о существовании тайных обществ на территории края, но не сообщивших об этом властям: А. Держак, В. Пашковский, Ф. Яцковский, Ю. Пожарский, С. Прушинский и К. Таубе²¹. Первые трое были назначены на гражданскую службу во Владимир, Ярославль и Рязань²². Пожарский определен на жительство в Курск. Таубе был осужден к 10-месячному заключению в крепость, а затем возвращен в свое имение в Киевской губернии под строгий полицейский надзор²³. Прушинский отправлен на военную службу на Кавказ унтер-офицером²⁴.

К пятому разряду были отнесены 25 человек (А. Абрамович, Ц. Грабовский, А. Пуцята, Ф. Целецкий и др.), которые привлекались к следствию по оговорам со стороны других обвиняемых, однако доказать их вину не удалось²⁵. Эти лица были освобождены от наказания и возвращены на места жительства с учреждением за ними строгого полицейского надзора.

Участницы «Женского демократического общества» не были включены в разряды и не привлекались к военному суду: решение об их наказании принималось генерал-губернатором Бибиловым, а затем утверждалось императором. Фелинская, а также признанные наиболее активными участницами общества П. Вильчепольская и Ю. Ржонжевская были сосланы «на вечное жительство в дальние сибирские города»²⁶. Ф. Пининская и М. Олеша, лично знакомые с Конарским и знавшие о его деятельности, были заключены в православные монастыри: Старо-Вознесенский в Пскове и Новодевичий в Москве²⁷. Остальных женщин предписывалось, «выдержав в крепости» в течение трех месяцев, оставить под строгим надзором полиции в местах проживания²⁸. Самые моло-

дые участницы организации — Р. Зелинская и Михальская были высочайше освобождены от наказания и переданы под строгий полицейский надзор²⁹.

В связи с высылкой значительного числа дворян за пределы Юго-Западного края, возник вопрос о том, как поступать с членами их семей. Генерал-губернатор Бибиков полагал, что семьи следует высылать вместе с осужденными, поскольку, оставаясь на прежнем месте, они «будут служить предметом сострадания и воспоминания происшествия, кажущегося народным в глазах толпы»³⁰. Бибиков также высказывал опасения, что семьи осужденных станут очагом формирования новых «преступных замыслов».

Комитет Западных губерний, рассматривая этот вопрос на одном из заседаний, счел доводы генерал-губернатора убедительными, но вместе с тем посчитал несправедливым наказывать вместе с «действительными преступниками» членов их семей, непричастных к противозаконным деяниям. В итоге было принято решение не подвергать семьи осужденных принудительной ссылке, «но позволять с собою брать в виде особого милосердия, обнадеживая их при том в содействии правительства к доставлению детям приличного воспитания»³¹.

За корреспонденцией ссыльных, по личному распоряжению императора Николая I, был установлен «постоянный и бдительный надзор». Гражданские губернаторы тех губерний, где находились осужденные по делу «Союза польского народа», обязывались следить за исходившей от них корреспонденцией, а также перлюстрировать письма, приходящие на их имя из Юго-Западного края³².

Высылка осужденных по делу «Союза польского народа» вызвала обсуждение в правительственных кругах возможности уравнивания их с категорией «государственных преступников», к которой относились сосланные участники восстания декабристов. Инициатива в этом вопросе принадлежала иркутскому гражданскому губернатору А.В. Пятницкому, обратившему внимание на разницу в условиях содержания в ссылке «политических» и «государственных» преступников³³.

На «политических» ссыльных не распространялся целый ряд ограничительных мер, действовавших в отношении сосланных за «государственные преступления»: запрет покидать пределы волости поселения, поступать в услужение к частным лицам, приписываться к «гражданским сословиям» по истечении 10-летнего срока поселения и т. д. В связи с этим Пятницкий выступил за «уничтожение различия» между указанными категориями преступников³⁴.

Это предложение было поддержано главным начальником III Отделения Собственной е.и.в. канцелярии А.Ф. Орловым, подчеркивавшим, что «род преступления участников происшествия 14 декабря 1825 г., польского мятежа и вообще всех политических злоумышлений есть один и тот же». С его мнением согласился министр внутренних дел Л.А. Перовский³⁵.

Однако председатель Департамента законов Государственного Совета Д.Н. Блудов, к которому Орлов обратился по этому поводу, посчитал, что понятие «политических преступлений» в отношении польских ссыльных имеет более широкое значение, в силу тех «чрезвычайных обстоятельств, из коих Западный край Империи и Царство Польское доселе не совершенно еще вышли»³⁶.

Блудов предложил сохранить в практике категорию «политических преступников», поскольку она позволяла властям Юго-Западного края отправлять в ссылку подозреваемых в «опасных замыслах» лиц в административном порядке³⁷. По-видимому, этот аргумент послужил основной причиной того, что это мнение было принято к руководству.

Примечательно, что многие из осужденных участников тайных обществ, определенные на гражданскую службу в «великороссийские» губернии, в скором времени заслужили положительные отзывы местного начальства. Так, например, Пининский, определенный на службу в Гражданскую канцелярию астраханского военного губернатора, отличаясь «безукоризненным поведением

и должным рвением к службе», уже через два года был представлен к производству в чин коллежского регистратора ³⁸. Император Николай I дал согласие на чинопроизводство ссыльного, но последний через несколько дней умер ³⁹.

П. Прушинский, зачисленный в штат Оренбургского губернского правления, за «проявленное усердие» был переведен в Оренбургскую казенную палату, а через полтора года назначен помощником секретаря Канцелярии гражданского губернатора ⁴⁰. Еще через месяц за «отлично хорошее поведение и ревностное усердие к службе» он был представлен к производству в чин титулярного советника, на что последовало высочайшее соизволение ⁴¹.

Грабянка, определенный в штат Пудожского земского суда, за «усердие и хорошее поведение» через полтора года был представлен Олонецким губернским правлением к переводу в Петрозаводск на службу в Канцелярию олонецкого гражданского губернатора ⁴².

Ф. Бенкевич, служивший в Канцелярии пензенского гражданского губернатора, через полтора года был награжден чином коллежского регистратора, а затем переведен на службу в Подольскую губернскую комиссию народного продовольствия ⁴³.

Имперские власти трактовали подобное поведение ссыльных, как практическое подтверждение эффективности принципа «исправления службой». Следует, однако, отметить, что «ревностность по службе» обуславливалась, вероятнее всего, теми обстоятельствами, в которых оказывались сосланные в российские губернии польские патриоты: сложно было ожидать от населения этих регионов какой-либо поддержки национально-освободительных идей.

В скором времени ряд осужденных по делу «Союза польского народа» с высочайшего разрешения были возвращены в губернии Юго-Западного края. В 1840 г. к месту жительства вернулись Олеша и Родзевич. На следующий год было разрешено вернуться Держежу и Пашковскому ⁴⁴. В 1842 г. на родину возвратились И. Годлевский, Модзалевский, Е. Ручинский, В. Шуминский и Янушевский, а в 1843 г. — Вильчепольская ⁴⁵. По возвращении, все ссыльные занялись собственным хозяйством, и лишь Годлевский поступил на службу в Волынскую казенную палату ⁴⁶. За всеми был установлен полицейский надзор.

Смягчение наказания коснулось и тех участников тайных обществ, которые, будучи признаны наиболее опасными преступниками, были приговорены к каторжным работам в Сибири. Так, например, Л. Михальскому и Л. Яржине, приговоренным к 20 годам каторги в Иркутской губернии, срок был уменьшен на пять лет по случаю бракосочетания цесаревича Александра Николаевича в 1841 году. На следующий год срок был высочайше сокращен еще на пять лет, а в 1843 г. ссыльные были освобождены от каторжных работ и переведены на поселение ⁴⁷.

Олизар и А. Рошковский, определенные в 1839 г. на Александровский винокуренный и Иркутский солеваренный заводы, были через два года освобождены от каторги и переведены на поселение в Идинскую волость ⁴⁸. Приговоренный к 15 годам каторги Лесневич, отбыв меньше года на Александровском винокуренном заводе, был в 1840 г. высочайше освобожден от каторжных работ и переведен на поселение в селение Еланское Бадайской волости ⁴⁹.

Помимо освобождения от каторжных работ переведенным на поселение участникам тайных обществ была предоставлена возможность заниматься различными промыслами. Так, в 1842 г. Ф. и Л. Михальским было разрешено заняться перевозкой дров из лесосек на Александровский винокуренный завод. В том же году В. Уминский получил разрешение отправиться из Бадайской волости в Ангарск на «рыбный промысел», а в 1844 г. — заниматься работами на золотых приисках Енисейской губернии ⁵⁰.

В 1847 г. Л. Михальскому было предоставлено право заниматься частной практикой в пределах определенной ему для жительства Кудинской волости

Иркутской губернии, а Яржине было отведено 15 десятин земли «под усадьбу и сенокос»⁵¹.

Менее чем через десять лет многие ссыльные были освобождены от отбывания каторги и возвращены из Сибири. 31 декабря 1847 г. последовало высочайшее повеление перевести Михальского и Уминского на жительство в Вологодскую, Лесневича и Яржину — в Воронежскую, А. Рошковского и Ю. Ручинского — в Калужскую губернию⁵².

В 1851 г. одному из наиболее видных участников польского патриотического движения в Юго-Западном крае Олизару было высочайше разрешено «иметь жительство» в пограничной с краем Черниговской губернии. В 1852 г. аналогичное распоряжение последовало в отношении Лесневича, однако переводу помешала скоропостижная смерть последнего. В том же году в Херсонскую губернию был переведен Мархоцкий, а в Вятскую — Кисель⁵³.

Интересно упомянуть о том, что в мае 1853 г., находясь в Вологде, ссыльный Л. Михальский подал прошение на высочайшее имя об утверждении своего 14-летнего сына Люциана-Леона в дворянском достоинстве. В прошении отмечалось, что сын, «прижитый» в январе 1839 г., еще до вступления в силу приговора о лишении его отца прав состояния, «должен пользоваться прежними дворянскими правами». В апреле 1854 г. Подольское дворянское депутатское собрание, рассмотрев прошение Михальского, согласилось с этим доводом и вынесло определение о признании Люциана-Леона в дворянском достоинстве. Это решение, однако, было впоследствии отменено Департаментом герольдии Правительствующего Сената, посчитавшим, что Люциан-Леон Михальский родился после высочайшего утверждения приговора его отцу, а, следовательно, не имеет прав на дворянство⁵⁴.

Таким образом, вопреки распространенному в отечественной и зарубежной историографии мнению о крайне суровом наказании участников национально-освободительного движения, политика властей в отношении членов тайных обществ на территории Юго-Западного края отличалась непоследовательностью и тенденцией к скорому смягчению вынесенных приговоров. Особую сложность ситуации придавал преимущественно дворянский состав участников оппозиционного движения. В результате задачи противодействия последнему входили в противоречие с общим направлением социальной политики государства, рассматривавшей дворянство в качестве опоры существующего строя. Вероятно, смягчая наказания и возвращая сосланных в места постоянного жительства, имперская администрация рассчитывала на «исправление нравов» и «благодарность» со стороны участников тайных организаций. Во многих случаях этим надеждам не суждено было сбыться.

Примечания

1. Ш. Конарский был уроженцем Царства Польского, выходцем из шляхетской семьи. В 1826 г. поступил на службу в 1-й Егерский полк, через год был произведен в унтер-офицеры. Во время Польского восстания 1830—1831 гг. перешел на сторону повстанцев, участвовал в сражениях с российскими войсками. В конце 1831 г. бежал за границу, где занялся активной политической деятельностью. См.: Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 106—107.
2. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 859, карт. 4, № 12, л. 39—39об.
3. РГИА, ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 261об.
4. ОР РНБ, ф. 859, карт. 4, № 12, л. 54—55об., 316об.—317.
5. РГИА, ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 75об.—76.

6. Там же, л. 307об.—308.
7. ОР РНБ, ф. 859, карт. 4, № 12, л. 47; РГИА, ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 280об., 370об.
8. РГИА, ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 8. 15 февраля 1839 г. Конарский был расстрелян в Вильно по приговору военного суда. См.: ОР РНБ, ф. 629, оп. 1, д. 80, л. 68—69.
9. РГИА, ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 8об., 87; ОР РНБ, ф. 859, карт. 4, № 12, л. 31об.
10. РГИА, ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 88, 98—99, 103.
11. Там же, л. 329об.
12. Там же, л. 165.
13. Там же, л. 164—164об.
14. Приговор учрежденного в Киеве военного суда над лицами, принадлежащими губерниям Подольской, Волынской и Киевской. — Виленские губернские ведомости. 1839, № 50, официальные прибавления, с. I.
15. РГИА, ф. 1284, оп. 23. I отд. I ст., д. 102, л. 164, 254—403.
16. Там же, л. 164.
17. Там же, л. 257об.—258.
18. Там же, л. 263.
19. Там же, л. 292об.—293.
20. Там же, л. 318об.—319, 341об.—343.
21. Там же, л. 288об.—404.
22. Там же, л. 288об.—290, 339об.—341, 402об.—404.
23. Там же, л. 346об.—348, 377об.—379.
24. Там же, л. 349об.—351.
25. Там же, л. 254—403.
26. Там же, л. 268об.—269об., 353об.—354, 380об.—381.
27. Там же, л. 330об.—331, 342об.—344.
28. Там же, л. 296об.—298, 370об.—372.
29. Там же, л. 290об.—292, 316об.—317.
30. Там же, ф. 1266, оп. 1, д. 24, л. 10об.
31. Там же, л. 12об.
32. Там же, ф. 1286, оп. 7, д. 32, л. 20, 88
33. Там же, ф. 1250, оп. 1, д. 48, л. 21.
34. Там же.
35. Там же, л. 22.
36. Там же, л. 26об.—27.
37. Там же, л. 28—28об.
38. Там же, ф. 1286, оп. 7, д. 12, л. 117об.; ф. 1349, оп. 4. 1840 г., д. 188, ч. 2, л. 201—202.
39. Там же, л. 121.
40. Там же, л. 128—133.
41. Государственный архив Оренбургской области (ГА ОО), ф. 6, оп. 6, д. 11765, л. 1—3; РГИА, ф. 1286, оп. 7, д. 12, л. 127. До ссылки в Оренбург П. Прушинский состоял на гражданской службе в Волынской губернии и дослужился до чина коллежского секретаря.
42. Национальный архив Республики Карелия (НА РК), ф. 1, оп. 36, д. 54, л. 4об.—5, 43об.—44.
43. РГИА, ф. 1286, оп. 7, д. 12, л. 153—167об.
44. Там же, оп. 9, д. 476, л. 476об.—477, 479об.—480; оп. 7, д. 12, л. 89.
45. Там же, л. 456об.—457, 458об.—459, 477об.—478; оп. 9, д. 476, л. 474об.—475, 480об.—481.
46. Там же, оп. 9, д. 476, л. 462об.—463.
47. Государственный архив Иркутской области (ГА ИО), ф. 24, оп. 3, карт. 34, д. 18, л. 81, 100.
48. Там же, л. 88, 90.
49. Там же, л. 75.
50. Там же, карт. 19, д. 555, л. 4—4об.; д. 565, л. 3; карт. 31, д. 50, л. 1—2об.
51. Там же, карт. 34, д. 27, л. 2—2об.; д. 29, л. 1—2.
52. Там же, карт. 16, д. 432, л. 88об.—89, 91об.—92, 97об.—98, 107об.—108; РГИА, ф. 1286, оп. 11, д. 678, л. 1, 2—2об.
53. РГИА, ф. 1286, оп. 11, д. 678, л. 89, 106—106об., 111; оп. 13, д. 848, л. 106об.—107.
54. Там же, ф. 1343, оп. 25, д. 4899, л. 216—216об., 219—220, 228—231.

Русь в период распада в 40-е гг. X в.

Е.Н. Шумилов

После смерти правителя Руси Олега, обычно датируемой на основании «Повести временных лет» 912 г., и похода русов на Каспий в 913—914 гг., закончившегося гибелью значительной массы воинства¹, на Руси происходили события, незафиксированные русским летописцем, но угадываемые по материалам археологических раскопок и подтверждаемые сведениями восточных авторов. Эти данные свидетельствуют о том, что хрупкое единство Руси, державшееся на власти сильного правителя и военной мощи, было подорвано, что привело к ее временному распаду.

Время распада Руси можно определить только условно — 910-е—930-е годы. Во всяком случае, арабский путешественник Ибн-Фадлан (922 г.) об этом еще ничего не знал, сообщая лишь об одном царе русов, в котором нетрудно увидеть Игоря². А исламский энциклопедист аль-Балхи (850—934 гг.) в своей книге «Виды стран» уже отмечал существование трех русских областей (племен). Согласно общепринятому мнению, книга аль-Балхи была написана в 920—921 гг., хотя эта дата вызывает некоторые сомнения. По данным аль-Балхи, повторенным затем арабским ученым аль-Истархи, «Русы состоят из трех племен, из коих одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, [живущее] дальше первого, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу; что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтоб кто-нибудь из иностранцев странствовал там, ибо они убивают всякого иноземца, путешествующего по их земле. Только они отправляются по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары, и не допускают никого провожать их и вступить в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец...Русы эти ведут торг с Хазаром, Румом и Великим Булгаром. Они граничат с Румом на севере. Они многочисленны и так сильны, что наложили дань на пограничные области из Рума»³.

Если области Славия и Куяба не вызывают особых сомнений у большинства исследователей — это киевская и новгородская земли — то относительно Артании существует большое число вариантов. Но в последнее время становится все более очевидным, что это ростовская (сарская) земля. Данную точку зрения последовательно и убедительно отстаивал И.В. Дубов⁴.

Шумилов Евгений Николаевич — кандидат исторических наук. Пермь.

Можно с уверенностью говорить о существовании в первой половине X в. Южной (Киевской), Северной (Новгородской) и Восточной (Сарской) областей Руси. Из данных аль-Балхи следует, что все области были самостоятельными и имели собственных царей, среди которых не было главного.

Примечателен еще один факт из сообщения аль-Балхи: купцы Артании предпочитали торговать сами и старались не допускать в свои земли конкурентов. Видимо, именно купцов-русов из Артании, торговавших соболями и рабами, видел ибн-Фадлан на Волге в 922 году ⁵.

В то же время город Куяба (Киев — единственный из резиденций царей именуемый аль-Балхи городом) был доступен для мусульманских и еврейских купцов. Более того, еврейские купцы постоянно жили в Киеве в первой половине X века ⁶. Скорее всего, их привлекал здесь специфический и весьма доходный товар — рабы. В этот период еврейские купцы специализировались в Европе на торговле рабами-славянами, которых поставляли ко дворам мусульманских правителей Кордовского халифата и Северной Африки. И эта торговля получила широкое распространение ⁷.

Арабский географ X в. ибн-Хаукаль повторяет рассказ своих предшественников аль-Балхи и аль-Истархи о трех областях Руси, но при этом дополняет их сведения небольшой, но очень важной ремаркой: «самая высшая (главная) из них, называют ее ас-Славийа, и царь их в городе Салау» ⁸. Отсюда следует, что уже обозначилась главная область Руси — Северная Русь, и центром ее был город.

Данные археологии позволяют заметно расширить сообщения восточных авторов и определить конкретные причины распада Руси. В первой половине X в. в целом ряде мест Северной Руси фиксировалось появление скандинавов. В частности, в Ладоге на рубеже 920—930-х гг. происходили значительные изменения, выразившиеся в формировании регулярной застройки и создании укреплений, отражавших скандинавское влияние ⁹. Скандинавские вещи обнаруживаются в наиболее ранних отложениях культурного слоя Новгорода, относящихся примерно к 930-м гг., включая «доярусный слой» ¹⁰. На первую половину и середину X в. приходится расцвет Михайловского, Тимеревского и Петровского поселений у впадения реки Которосль в Волгу. В них зафиксировано пребывание выходцев из Восточной Швеции (Бирка), Готланда и Аландских островов, осевших здесь в X веке ¹¹.

В тот же период активно функционировал торговый путь из Булгарии в Прибалтику: он пролегал от верховий Волги через район озера Ильмень. Примечательно, что и старый «меховой» путь из Заволочья в Прибалтику был изменен и перенаправлен из Юго-Восточного Приладожья, минуя Ладогу ¹². Здесь, у места соединения двух торговых путей, был основан новый город — Новгород. Из последних работ археологов известно, что самый ранний культурный («мостовой») слой в Людином конце Новгорода относится примерно к 930-м годам ¹³.

Еще один важный торговый путь, связывавший тогда Булгарию и Прибалтику, хорошо прослеживается по находкам болгарских монет, чеканка которых началась в 918 году. Он шел по Волге и Клязьме в Тверскую, Новгородскую и Псковскую земли, в Беларусь и Прибалтику; очень много болгарских монет обнаружено на территории Эстонии и острове Готланд ¹⁴.

Следует отметить, что оба пути географически совпадают с путями скандинавского проникновения на Русь — через Финский пролив и по Западной Двине ¹⁵. Таким образом, причину распада страны и возникновение Северной Руси можно видеть в появлении скандинавов, исторически связанных со Швецией. Это были воины-торговцы, стремившиеся подчинить себе торговые пути русского Севера, в первую очередь, связанные со странами Востока и восточным серебром.

Но для того, чтобы это осуществить, им требовалось подчинить Восточную (Сарскую) Русь. Упоминание ее в восточных источниках дает нам основание говорить, что эта область вступила с Северной Русью в какие-то договорные отношения, сохранив при этом определенную самостоятельность. В поселениях у реки Которосль в X в. появились «дружинные» гарнизоны, контролировавшие волжские «ворота» в Северную Русь¹⁶.

О напряженной обстановке на Руси в первой половине X в. свидетельствует существование «дружинных» гарнизонов на стратегически важных для Киева водных путях: в Гнёздово и Шестовицах — близ Чернигова¹⁷. Одним из постоянных объектов раздора являлось Гнёздово, где в 920—950-х гг. были зарыты семь кладов восточного (саманидского) серебра¹⁸.

Восточные товары для транзитной торговли, перевозимые по волжско-прибалтийским путям, приобретались в Булгарии, а меха добывались в результате грабительских походов на соседние финские племена. От этого в первую очередь страдали те племена, на землях которых водились ценные пушные звери. Ближайшим районом для экспансии были земли веси в Белозерье. Объясачивание веси происходило одновременно с двух территорий — с запада (из Юго-Восточного Приладожья) и юга (из Поволжья). Определенную роль здесь, видимо, играла и добыча рабов. Все это привело, в конечном итоге, к бегству значительной части веси на восток — в бассейн Вычегды и верховья Камы, где они известны восточным авторам как вису¹⁹.

В какой-то момент правителям Северной Руси стало недостаточно волжско-прибалтийских маршрутов: надо было наладить напрямую торговлю с Византийской империей в обход Киевской Руси и с державой Саманидов через Хазарию в обход Булгарии. И такой путь был проложен. Он проходил по маршруту: Ока — Очка — волок — Снова — Тускарь — Сейм — волок — Северский Донец — Дон²⁰. Это были земли вятичей, северян и ясов, ранее находившиеся под контролем Хазарского каганата, пришедшего в упадок. Реальную угрозу торговцам с Севера могли представлять лишь черные болгары, обитавшие в междуречье Днепра и Дона, а также на Кубани²¹. Недружественность отношений между ними подтверждает «Житие Василия Нового»²². Новый маршрут являлся, с одной стороны, альтернативой Днепровскому пути, а, с другой стороны, — Волжскому пути.

Транзитной базой здесь стали верховья реки Сейм и ее притоков, а центром — Курск²³. Из этого торгового перекрестка, связывавшего Север и Юг Руси с исламским миром, дирхемы Саманидов расходились по всей русской земле, а его население участвовало в посреднической торговле. Об этом свидетельствует обилие в этом районе кладов монет Саманидов X века²⁴. Именно здесь, в Посемье, на Курской земле к середине X в. начал складываться северный вариант новой денежно-весовой системы, получивший затем распространение на Новгородчине, Псковщине, в междуречье Волги и Оки, по течению рек Оки и Десны, то есть по всей Северной Руси. Новые денежно-весовые единицы были напрямую связаны с дирхемами Саманидов. В свою очередь, на землях Южной (Киевской) Руси, охватывавших территорию Поднепровья, Смоленщины и часть восточной Беларуси, новые денежно-весовые нормы стали соотноситься с византийскими²⁵. В торговых отношениях Северная Русь отдавала свое предпочтение Скандинавии, Северной Европе и исламскому Востоку, тогда как Южная Русь с центром в Киеве — Центральной Европе, Причерноморью и Византии²⁶.

Новый южный торговый путь «северян» выходил в Азовское море. Из анонимного хазарского источника мы узнаем, кто и когда проложил его сюда. Им был царь Руси Х-л-гу (Хельгу). Не вызывает сомнения, что именно он являлся главным русским царем и правителем Северной Руси. Около 939 г.

Хельгу захватил город Самкерц (Таматарха) — хазарский таможенный пункт на Таманском полуострове, через который шла торговля Хазарии с Византией. Это должно было привести к конфликту с хазарами. Однако заявление анонимного хазарского автора о действиях Хельгу, то в интересах Византии, то — Хазарии, а также о поражении Хельгу в ходе войны с хазарами и полном подчинении его им ²⁷ можно считать преувеличением: не мог обладатель такой обширной территории быть марионеткой в руках Византии и Хазарии.

В скандинавских источниках сохранились смутные воспоминания о существовании некогда на востоке Европы в районе Дона страны Великая Свитьод (Швеция). Частью этого государства являлась Руссия ²⁸, в которой можно видеть киевские земли. Очевидно, Великая Свитьод и была владением Хельгу.

Русско-византийскую войну 941 г. обычно представляют, следуя данным, представленным в русской летописи, как поход киевского князя Игоря на Византию. Но хазарский источник однозначно указывает на то, что эта морская экспедиция была организована Хельгу и его воинством ²⁹. В пользу того, что ни войско Игоря, ни он сам не принимали участия в данном походе, можно привести целый ряд аргументов. Во-первых, в летописном тексте об этой экспедиции нет никаких упоминаний о составе войска, хотя они есть в рассказах летописца о походе Олега и походе, который историки датируют 943 годом. Во-вторых, поход 941 г. был совершен исключительно на ладьях, тогда как в двух других походах участвовали флот и конница. В-третьих, ладьи русов отправлялись в плавание вниз по Днепру в июне месяце и добирались до Константинополя в течение 25—30 дней, а в 941 г. флот русов появился у столицы Византии значительно раньше — 11 июня ³⁰, то есть он прибыл с иной, чем Киев, территории, и, скорее всего, из Посемья. Это предположение подтверждает «Житие Василия Великого». В русском переводе «Жития» указано, что сначала весть о начале похода русов принесли византийцам черные болгары, затем, спустя много дней, корсунцы и, наконец, «Корсунский стратиг оуже темь явившемся и тоу ся имъ приближившемъ» ³¹. По этому сообщению мы можем проследить маршрут воинства Хельгу: он пролегал сначала через земли черных болгар, затем корсунцев и последним, кто видел флот русов, проплывавший мимо Корсуна, был «стратиг». Поэтому неправ византийский историк Лев Диакон, обвинявший Игоря в нарушении «клятвенного договора» ³².

В основных византийских источниках, освещающих данные события, нет имени Игоря. Оно отмечено у более поздних авторов, таких как Лев Диакон и Лиутпранд Кремонский ³³. Из всего выше сказанного можно сделать вывод: имя Игоря вписал в текст задним числом русский летописец, не знавший о подлинных реалиях тех событий.

Византийские и другие европейские авторы, описывая события X в., постоянно смешивают русов (росов) и скандинавов ³⁴. Это можно объяснить тем, что в дружинах северных «скифов» были представлены на равных и те и другие.

Поход для Хельгу закончился катастрофой. Сначала его флот понес большие потери в сражении у Константинополя 11 июня ³⁵. При этом русам все же удалось пробиться к побережью Малой Азии, где они «стали разорять страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили» ³⁶. Ввиду того, что ладьи русов не были приспособлены к плаванию в открытом море, они не могли пересечь напрямую Черное море и уйти беспрепятственно домой с награбленным добром. Русы попытались пройти мимо Константинополя незаметно ночью, но здесь их уже поджидал византийский флот с «греческим огнем». Уцелели лишь те ладьи русов, которые смогли достичь мелководья, недостижимого для греческих судов ³⁷.

По данным Льва Диакона, остатки флота — «едва лишь с десятков лодок» — из огромного флота, насчитывавшего по разным данным от одной до десяти тысяч судов, прибыли к Киммерийскому Боспору³⁸, то есть к Керченскому проливу, что еще раз доказывает, что суда русов пришли со стороны Самкерца.

Поражение в конфликте с Византией могло подтолкнуть Хельгу к союзу с Южной (Киевской) Русью. Летописец датирует сообщение о том, что Игорю «привели ... жену из Пскова, именем Ольгу» 903 годом. Но здесь, скорее всего, он перепутал имена Олега — основателя Русского государства, и Хельгу, поскольку это варианты одного имени. Женидьба Игоря на Ольге могла иметь место около 941 г. (в пользу этого говорит рождение сына Святослава в 942 г.)³⁹. Происхождение Ольги спорно, но наиболее убедительна ее связь с Северной Русью, в первую очередь, с землей Псковщины⁴⁰. Вместе с Ольгой в Киев прибыла дружина, возглавляемая Свенельдом (косвенным образом это подтверждают дальнейшие события: месть Ольги после убийства Игоря осуществляла дружина Свенельда). Еще один важный персонаж — Асмуд — кормилец (воспитатель) Святослава⁴¹. Воспитателем нередко выступал брат матери; подобное было и позднее: Добрыня и его племянник князь Владимир I. Похоже, что брак Игорю был навязан, чтобы подчинить его Северной Руси.

В 943 г. состоялся новый, уже совместный поход «северян» и «южан» против Византии. Были мобилизованы все силы Руси, способные и имеющие право носить оружие — варяги, русь, поляне, словене, кривичи, тиверцы и даже наняты печенеги. Киевским войском руководил Игорь⁴². Греки предприняли превентивные меры и смогли с помощью даров убедить киевлян прекратить поход⁴³. Но Хельгу, желавший отомстить за свое поражение и надеявшийся получить большие трофеи, не мог с этим смириться. Однако самостоятельно вести войну с Византией он не решился, а со своим войском двинулся через земли хазар на Каспий грабить мусульман. Этот поход стал последним для Хельгу и многих его воинов⁴⁴.

Договор с Византией уже заключали мужи Игоря в Константинополе, а византийские бояре и сановники записывали их и свои речи. Внимательное прочтение договора 944 г. не оставляет сомнений в том, что начало и конец его составили русы, а основное содержание подготовили греки (в нем изложены лишь обязательства русов перед греками). Из этого следует, что побежденные продиктовали свои условия победителям. Что это — словесная манипуляция или более позднее фальсифицирование документа греками, или же речь идет о явном просчете окружения Игоря, не понимавшего сути того, что оно подписывало? Как бы то там ни было, но все это свидетельствует, в первую очередь, о неадекватности самого князя. Вызывает также удивление тот факт, что в тексте договора нет имен Свенельда и Асмуда⁴⁵, но это можно объяснить тем, что они в это время находились вместе с Хельгу на Каспии.

Игорь пребывал в полной зависимости от своего ближайшего окружения — бояр — малой дружины. Именно они, испытывая зависть даже к отрокам Свенельда — его вооруженной охране и слугам, которые вернулись из похода с богатыми трофеями, — «изоделися суть оружьем и порты» (здесь явно прослеживается противостояние двух дружин), спровоцировали Игоря на нарушение установленных правил сбора дани. Идя у них на поводу, Игорь предпринял повторный сбор дани и был убит древлянами⁴⁶. Летописец, сообщая об этом, допускает явную неточность. Полюдье проходило, как сообщает Константин Багрянородный, с ноября по апрель месяц⁴⁷. При круговом обходе подвластных Киеву славянских племен собиралась дань, которая, скорее всего, уже была подготовлена и свезена в определенные места князьями — наместниками над славянскими землями (в скандинавском варианте — ярлами), существование которых подтверждает договор с греками⁴⁸. Смерть Игоря имела место уже

после полюдья, но еще до отправки торгового каравана вниз по Днепру в июне месяце⁴⁹. Это могло произойти в апреле-мае, когда еще было время для действий, правда, весьма ограниченное, но Игорь мог добраться с малой дружиной лишь до ближайших к Киеву древлян. Лев Диакон сообщает очень важную деталь смерти князя: он был «привязан к стволам деревьев и разорван надвое»⁵⁰. Зимой деревья очень хрупкие и только весной, когда они оживают и обретают прежнюю гибкость, это можно осуществить.

Традиционно считается, что Мал — правитель древлян и организатор убийства Игоря — был славянским князем. Однако для скандинавов и русов большая часть славян являлась рабами и потенциальным экспортным товаром. Хотя из заявления древлян: «наши князи добри суть»⁵¹ видно, что Мал и его окружение не отличались большой алчностью по отношению к подвластному населению.

Месть Ольги убийцам Игоря, которой в летописи посвящено достаточно много места, изобилует деталями, в которых явно прослеживаются фольклорные мотивы. Создается впечатление, что это цельное произведение, созданное кем-то из киевского княжеского окружения. Но настораживает одно: кто-то вполне сознательно старался представить ее жестокой и вероломной женщиной с садистскими наклонностями. Более того, и сам Игорь в речах древлян представлен алчным человеком, сравнимым с волком. И с ними явно солидарен автор описания мести.

Если мы уберем из текста варианты мести Ольги, то получается совсем иная картина, которую можно свести к следующему: безвольный престарелый князь порядком всем надоел, против него созрел заговор. Мал, будучи князем — наместником великого князя, устранил его при первой возможности и после этого мог претендовать на руку Ольги (против чего та не возражала), а женившись занять киевский престол. С этой целью после совета с древлянами Малом была перебита малая дружина Игоря — боярская верхушка — его опора. В результате обезглавленная дружина великого князя отошла на задний план, а истинным хозяином в Киеве стал Свенельд со своей дружиной. Это позволяет нам понять сложившийся парадокс: погибла часть дружины Игоря, а мстила за это дружина Свенельда. Но Свенельд и Асмуд, не поддержав бунт Мала, жестоко расправились с ним и его окружением. При этом больше всего досталось рядовым древлянам. Каков же результат мести, приписываемой Ольге? На древлян была наложена «тяжкая» дань, но две трети дани получил Киев в лице дружины Свенельда, треть — Ольга (хотя как великая княгиня и правительница страны она должна была получить всю дань)⁵². Более того, похоже, что ее отправили в почетную ссылку в Вышгород, находившийся относительно далеко от столицы — в 16-ти верстах. Это был град Ольгин, то есть вместо страны ей дали во владение лишь город. А страной правил, опираясь на военную силу, Свенельд. Примечательно, что и при последующих великих князьях Свенельд продолжал сохранять свое особое привилегированное положение в иерархии руководства страной⁵³.

Гибель Хельгу и Игоря во многом изменила расстановку сил. Теперь уже киевская элита во главе со Свенельдом начала претендовать на господство на русских землях. В Киеве к этому времени сформировался особый смешанный тип евразийской дружинной культуры, который сочетал в себе скандинавские, византийские, арабские, венгерские и великоморавские элементы, трансформированные в единое стилистическое направление. Эта культура, распространившись во второй половине X — начале XI в. на всю территорию Руси, стала во многом определять лицо русской цивилизации⁵⁴.

О том, что присоединение Северной Руси происходило далеко не мирным путем, говорят раскопки археологов. Около середины X в. ряд укрепленных поселений — локальных центров Севера — Надбелье на Орездеже, Курская

Гора в верховьях Луги — прекращают свое существование. Другие — Которск, Передольский погост, Городец под Лугой — испытав пожары, вызванные военной катастрофой, перерастают в древнерусские погосты⁵⁵. Это наблюдается как раз в тех местах, откуда могла происходить Ольга. Летопись увязывает происшедшие здесь изменения с пребыванием Ольги в 947 году⁵⁶. Но, вероятнее, во главе воинства находился Свенельд. Все завершилось к 954 г. взятием Ладоги⁵⁷.

Торговля в Северной Руси была поставлена под контроль Киева. Но со скандинавским засильем покончено не было. Скандинавы закрепились в отдельных районах, в частности, в Полоцке, где был известен Рогволод⁵⁸. Еще в 960-е гг. в войске Святослава говорили на двух языках⁵⁹. Скандинавские рецидивы имели место и позднее — при Владимире I и Ярославе Мудром, когда те приглашали иностранных наемников⁶⁰.

В данной работе дано общее, во многом схематичное представление о событиях, происходивших в 940-х гг. на Руси. Дальнейшие исследования данной проблемы позволят более полно и детально представить этот важный период в становлении русской государственности.

Примечания

1. Повесть временных лет (ПВЛ). Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб. 1997, с. 91; ГАРКАВИ А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб. 1870, с. 130—134.
2. КОВАЛЕВСКИЙ А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о своем путешествии на Волгу в 921—922 г. Харьков. 1956, с. 146.
3. ГАРКАВИ А.Я. Ук. соч., с. 272—278.
4. ДУБОВ И.В. Великий Волжский путь. Л. 1989, с. 152; Славяне и скандинавы. М. 1986, с. 206.
5. КОВАЛЕВСКИЙ А.П. Ук. соч., с. 141—142.
6. ПУЗАНОВ В.В. «Киевское письмо» как источник эпохи становления древнерусской государственности. Российская государственность: история и современность. СПб. 2003, с. 6—14.
7. МИШИН Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М. 2002, с. 28—289.
8. Древнейшие государства Восточной Европы. М. 2000, с. 316—317.
9. КИРПИЧНИКОВ А. Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований). В кн.: Средневековая Ладога. Л. 1985, с. 25.
10. СЕДОВА М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М. 1981, с. 181.
11. Славяне и скандинавы, с. 212; ДУБОВ И.В. Ук. соч., с. 118, 121; Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М. 1987, с. 77.
12. БОГУСЛАВСКИЙ О.И. Южное Приладожье в системе трансевразийских связей IX—XII вв. В кн.: Древности Северо-Запада России. СПб. 1993, с. 132—157.
13. ЯНИН В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М. 2008, с. 28.
14. КРОПОТКИН В.В. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики. В кн.: Волжская Булгария и Русь. Казань. 1986, с. 38, 41.
15. ДЖАКСОН Т.Н. Север Восточной Европы в этногеографических традициях древнескандинавской письменности (к постановке проблемы). В кн.: Славяне: Этногенез и этническая история. Л. 1989, с. 133.
16. ФЕТИСОВ А.А. Численность «дружинных» гарнизонов на торговых путях Восточной Европы. XVI конференция по изучению Скандинавских стран и Финляндии. М.-Архангельск. 2008, ч. 1, с. 225—227; Славяне и скандинавы. М. 1986, с. 234.
17. Там же.
18. ПУШКИНА Т.А. Монетные находки Гнездова. Тезисы докладов IX Всесоюзной конференции по истории, экономике, литературе и языку Скандинавских стран и Финляндии. Тарту. 1982, ч. 1, с. 192—193.

19. ТАЛИЦКИЙ М.В. К этногенезу коми. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.-Л. 1941, с. 47.
20. ЕНУКОВ В.В. История Посемья — Курской волости на рубеже эпох (IX—XI века): автореф. дис. докт. ист. наук. Курск. 2007.
21. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении Империей. М. 1989, прим. 1 к гл. 12.
22. ВИЛИНСКИЙ С.Г. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса. 1911, ч. II, с. 458.
23. ЕНУКОВ В.В. О топографии Курска в древнерусское время. В кн.: Историческая археология: Традиции и перспективы. М. 1998, с. 82—91.
24. ЕГО ЖЕ. Феномен средневекового социума «Посемье» в свете последних исследований. Ученые записки КГУ. Серия гуманитарных наук. 2004, № 1, с. 229—241.
25. ЯНИН В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М. 1956, с. 141—152, 160.
26. ДУБОВ И.В. Ук. соч., с. 167.
27. КОКОВЦОВ П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. 1932, с. 117—120.
28. ДЖАКСОН Т.Н. Суздаль в древнескандинавской письменности. В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М. 1985, с. 223.
29. КОКОВЦОВ П.К. Ук. соч., с. 117—120.
30. ПВЛ, с. 83, 97; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М. 1999, с. 116.
31. ВИЛИНСКИЙ С.Г. Ук. соч., с. 458.
32. ЛЕВ ДИАКОН. История. М. 1988, с. 57.
33. Там же; ЛИУТПРАНД КРЕМОНСКИЙ. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М. 2006, с. 96—97.
34. Там же.
35. Древняя Русь в свете зарубежных источников, с. 116.
36. ПВЛ, с. 95.
37. ЛИУТПРАНД КРЕМОНСКИЙ. Ук. соч., с. 96—97.
38. ЛЕВ ДИАКОН. Ук. соч., с. 57.
39. ПВЛ, с. 83, 95.
40. НИКОЛЬСКИЙ Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности. Сборник отделения русского языка и словесности. Т. 82. СПб. 1907, с. 88—94; ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. Т. 1. М.-Л. 1962, с. 112.
41. ПВЛ, с. 105.
42. Там же, с. 97, 105.
43. Там же, с. 97.
44. КОКОВЦОВ П.К. Ук. соч., с. 117—120.
45. ПВЛ, с. 97—103.
46. Там же, с. 104—105, 498.
47. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 45—51.
48. ПВЛ, с. 97.
49. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 45—51.
50. ЛЕВ ДИАКОН. Ук. соч., с. 57.
51. ПВЛ, с. 105.
52. Там же, с. 105—107.
53. ЛУШИН В.Г. Свенельд: князь или воевода? Историко-археологические записки. [Кн.] I. Зимовники. 2009, с. 45—57.
54. Славяне и скандинавы, с. 237, 240, 262.
55. КУЗЬМИН С. Л. Которской погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы. Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М. 1991, с. 153—168.
56. ПВЛ, с. 109.
57. РЯБЕНИН Е.А., ЧЕРНЫХ Н.Б. Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований. — Советская археология. 1988, № 1, с. 96—97.
58. ПВЛ, с. 125.
59. ЛЕВ ДИАКОН. Ук. соч., с. 58.
60. ПВЛ, с. 125, 173.

«Новая Вандея». Феномен образа врага

И. Рождественский

Одно из крупнейших восстаний времен Революции во Франции унесло десятки тысяч жизней и привело к тому, что целый регион был предан огню и мечу. Впоследствии эти события не только стали неотъемлемым элементом самоидентификации вандейцев¹, но и отразились на республиканском мировоззрении. Вандея воплотилась в символе, «идеальном восстании», угрожавшем поглотить все государство. Остальные мятежи и волнения отныне в основном измерялись по одной шкале и назывались «Новая Вандея».

Стоит, впрочем, напомнить хронологию событий. За оружие местные жители взялись в марте 1793 года. На протяжении двух столетий причины бунта вызывали споры среди исследователей. Лишь в современной историографии сформировался консенсус относительно этой проблемы. Историки постарались учесть максимальное число факторов, которые легли в основу действий крестьян: и особый менталитет, и стремление защитить своих священников, и недовольство реформой церкви, и тяжелая экономическая ситуация, и возмущение принудительным набором в армию и новым административно-территориальным делением².

К концу декабря восстание постепенно пошло на спад. В начале 1794 г. Вандея практически не представляла опасности. Тем не менее, республиканцы на этом не остановились. Конвент одобрил план, предполагавший уничтожение всех мятежников, которых также следовало изолировать от помощи извне. Кроме того, войска должны были расправиться еще и с теми, кто содействовал восставшим или сочувствовал им. Претворить замысел в жизнь было поручено генералу Л. Тюрро и войскам, получившим название «адские колонны». Масштаб катастрофы сложно оценить и по сей день: некоторые историки уверены, что в ходе «замирения» погибли около полумиллиона вандейцев, хотя более реальной все же представляется цифра в 140—190 тысяч³. Существует также точка зрения, согласно которой действия республиканских войск можно назвать геноцидом⁴.

Причины, по которым была разгромлена Вандея, привлекали внимание специалистов в меньшей степени, чем причины непосредственно восстания. В связи с этим существующие трактовки жестокости республиканцев подчас про-

Рождественский Илья — аспирант исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

тиворечивы и недостаточно проработаны. Анализ историографии позволяет выделить несколько основных версий: ответ на зверства самих мятежников; следствие революционного образа мысли, пропитанного насилием; отношение к вандейцам как к «низшей расе»; стремление власти закрепить за собой право на агрессию⁵. Однако каждая из этих концепций объясняет феномен лишь частично. Более системной выглядит идея, согласно которой у республиканцев сформировалось устойчивое представление о мятеже, определенная образная структура, которая предопределила дальнейший ход событий.

В настоящей работе предполагается дать расшифровку определенного культурного кода, раскрыть своего рода матрицы мышления⁶, деконструкцию мифа в понимании Ролана Барта⁷.

Исходя из этой точки зрения, можно утверждать, что республиканцы видели перед собой суверенных, агрессивных и никого не щадивших бунтовщиков⁸. Во главе восстания, по их мнению, стояли священники, которые всегда были весьма влиятельны в регионе, а после реформы церкви 1790 г. смогли дополнительно укрепить свои позиции на фоне всеобщего недовольства этими нововведениями⁹. Фактически, как полагали республиканцы, кюре в Вандее узурпировали отправление культа: «Перед тем, как неприсягнувших священников заменили, наиболее экзальтированные из них успели воспользоваться всей своей властью над духовной жизнью прихода, чтобы напугать верующих. Они объявили, что таинства, которые будут осуществлять их преемники, лишены какой-либо ценности»¹⁰. Кроме того, духовенство довело свою паству до состояния крайней экзальтации или, как было принято говорить в то время, «фанатизировало» крестьян: «Вандейцы, опьяненные ядом фанатизма, покидали церкви лишь затем, чтобы преследовать противника, пренебречь самыми страшными опасностями, уверенные в победе или в том, что после смерти они получат мученический венец»¹¹. Чуть позже к этому союзу простых вандейцев и священников присоединились дворяне¹². Вместе они угрожали нивелировать все достижения революции: «Орда разбойников, изрыгающая фанатизм, отравляет наши земли и стремится основать там свое логово. Храбрые республиканцы, вы должны подняться и использовать все средства, которые находятся в вашем распоряжении, чтобы их уничтожить. Свобода и равенство в опасности, у вас есть долг, судьба заставляет вас его выполнить. Чего хотят эти монстры? Предать вас огню, восстановить Старый порядок и вместе с ним десятину, барщину, талью, габель, подати, право охоты, баналитет, все феодальные налоги, одним словом, все злоупотребления, от которых мы с таким трудом избавились»¹³.

Как полагали многие депутаты Конвента, немалую помощь вандейцам оказали и внешние силы. Так в республиканских текстах присутствует мысль о Вандее, как о главной надежде европейских держав: только война в западных департаментах могла уничтожить Францию. И именно поэтому якобы мятежников поддерживали иностранные державы и, прежде всего, Англия: «Кто нанес Республике мучительную рану — Вандею — гражданскую войну, питаемую тайными агентами, которые посреди наших департаментов подсчитывают доходы и расходы от войны? Кто наполнил наши земли разбойниками, не присягнувшими священниками и предателями-эмигрантами?... Кто поставлял злодеям в Вандее оружие, порох, пушки, на которых были написаны имена этих корыстных тиранов Европы? Правительство Британии»¹⁴.

Налицо определенная матрица восприятия действительности, которая сформировалась за первые месяцы восстания и после этого существовала в течение долгого времени. Она диктовала образ мышления и образ поведения, не позволяла предположить, что существовало несколько вариантов решения вандейского вопроса. Лишь самые решительные действия могли принести мир: «Имен-

но в Вандее наши враги должны были нанести свой удар. Все свое внимание и заботу вам следует обратить на Вандею; в Вандее вы должны проявить весь национальный пыл и объединить все силы и ресурсы, которые есть в распоряжении Республики... Уничтожьте Вандею, и Лион не устоит, Тулон восстанет против испанцев и англичан, а дух марсельцев поднимется до республиканских высот. Наконец, каждый удар, который вы нанесете по Вандее, отзовется в мятежных городах, в департаментах, покоренных федерализмом, на нарушенных границах. Вандея и еще раз Вандея! Это политическая язва, которая разъедает сердце Республики. Сюда-то и следует нанести удар»¹⁵.

Впрочем, подобные представления республиканцев воплотились в еще одну важную культурологическую и отчасти лингвистическую особенность: Вандея отныне стала фактически синонимом восстания. В чем причина этого феномена? С одной стороны, безусловно, мятеж на западе страны был одним из первых в череде волнений 1793 года. Кроме того, это был один из наиболее проблемных регионов на протяжении нескольких лет и до диктатуры монтаньяров. Недаром в 1791 г. там побывала комиссия Законодательного собрания, выводы которой были подробно изложены в отчете. Именно в этом тексте уже можно проследить зарождение тех представлений, которые потом лягут в основу культурного кода Вандеи¹⁶. Однако, с другой стороны, не стоит забывать, что вся Франция представляла собой кипящий котел: в различных уголках страны волнения возникали постоянно. Однако ни одно из них не дало названия остальным и не стало нарицательным. В обиход вошло понятие «Новая Вандея» (также употребляются «Вторая Вандея» и «Малая Вандея») ¹⁷. Вандея, как следует из текстов документов, распространялась по всей Франции, поглощала страну. Каждый новый мятеж теперь воспринимался сквозь призму столь хорошо знакомой войны.

Очевидно, что хронологически первым проявлением этой матрицы представлений становится федералистский мятеж, разгоревшийся летом 1793 года. Департаменты восстали против Парижа сразу после событий 31 мая — 2 июня, когда монтаньярам удалось сместить жирондистов с политического олимпа, арестовать их и захватить власть в Конвенте. Федерализм как ответ на эти события предполагал большее распределение властных полномочий в пользу провинций¹⁸. Мятеж охватил несколько десятков департаментов: «В июле наиболее прочные позиции федералисты сохраняли на северо-западе — в департаментах Бретани и Нормандии и на юге — в Эро, Гар, Буш-дю-Рон. Следует также упомянуть цепочку департаментов вдоль юго-восточной границы: Ду, Юра, Эн, Рона-и-Луара, Изер, Верхние и Нижние Альпы»¹⁹. Многие из них были названы Новой Вандеей. Основных критериев в данном случае несколько: это набирающий силы роялизм, вмешательство иностранных держав, но, прежде всего, участие кюре: «Я боюсь, что, если мы, наконец, не обуздаем нетерпимость и непатриотичность священников, заставив их вспомнить, что они являются гражданами, то мы станем свидетелями и жертвами всеобщей Вандеи»²⁰.

Так, например, характеристики «Новая Вандея» удостоился Марсель: «Настало время остановить этих безумцев или уничтожить их, — взывал в своей прокламации к согражданам представитель Конвента при Альпийской армии А.Л. Альбит. — Если они раскроют глаза и поймут, какой великодушный подарок мы им предлагаем, если они согласятся на мир, мы осыпем их братскими поцелуями. Но если они будут упорствовать в своем преступном гневе,... готовьте оружие, мы уничтожим эту Новую Вандею»²¹.

В чем-то ситуация действительно напоминала положение на западе. Так, например, в департаменте были сильны позиции неприсягнувшего духовенства, а сами марсельцы фактически отказались служить в республиканской

армии: шеститысячный корпус, который предназначался для Итальянской армии, так и не был отправлен. Поучаствовали в этих событиях и роялисты, которые начали переговоры с англичанами и попросили их о помощи²². Наконец, Марсель вступил в сношения с южными городами, в которых положение монтаньяров было не менее шатким.

Аналогично, благодаря определенному сходству с восстанием в Вандее, воспринимался и мятеж в Лионе: «Лионской Вандее более не существует, федерализм, монстр, родившийся в грязи болот, прикован к победоносной колеснице Горы»²³. При этом набор признаков для такой идентификации был несколько иным. Командование армией восставших было поручено роялистам, в том числе графу де Преси, Франсуа-Анри де Вирьё и Шарлю Гаспару, маркизу Клермон-Тоннеру²⁴. Кроме того, воспользовавшись тяжелым положением Франции, с юга вторглись войска другой державы: речь в данном случае идет о двадцатитысячном корпусе пьемонтцев, в чьи планы входило помочь лионским роялистам. На подавление восстания ушло несколько месяцев. В результате, в октябре 1793 г. Конвент принял декрет, согласно которому город терял свое имя и отныне должен был называться «Освобожденным городом» (*Ville Affranchie*)²⁵.

Новой Вандеей стал и департамент Монблан, который был создан на территории Савойского герцогства, отторгнутого у королевства Сардиния в сентябре 1792 года²⁶. Депутат Конвента Ф. Карелли де Басси отмечал, что, хотя большинство граждан были настроено патриотично, существовала небольшая горстка предателей, которые стремились фанатизировать патриотов и организовать мятеж²⁷.

Схожая схема применялась и к департаменту Кальвадос²⁸. Причем мятежники пытались повлиять и на соседние территории: «Восставшие администрации не отказались от своих планов разжечь пожар гражданской войны, они отправили комиссаров, чтобы ускорить прибытие помощи, которую они ожидали из департамента Кальвадос. Эти войска прошли форсированным маршем. Мятежники, опьяненные своими самыми смелыми надеждами, составили отважный план завоевания Вернона, который был местом сбора республиканских войск. Они даже взяли с собой артиллерию. Но как только они увидели наши батальоны, приближающиеся к ним, они бежали и рассеялись, и невозможно было найти остатки тех войск, что угрожали превратить департаменты Эр и Кальвадос во вторую Вандею»²⁹.

Другая важная черта, которая позволяет говорить не о локальном феномене, а именно о когнитивной матрице — это повсеместность использования шаблона «Новая Вандея». Пока были упомянуты относительно крупные очаги сопротивления, однако следует заметить, что география была куда шире. Как утверждают республиканцы, практически вся страна оказалась «заражена». Департаменты Иль и Вилен, Майенн, Ду, Луара, Арьеж и Верхняя Гарона, Ним, Монпелье и Тулон, Верхняя Луара, Лозер и Пюи-де-Дом, Буш-дю-Рон, Аверон и Ла-Манш — и это еще не полный список³⁰. Каждый новый мятеж подобен пожару в небольшом средневековом городе, где постройки расположены слишком близко друг от друга. Огонь распространяется молниеносно, уничтожая все на своем пути: «Вы не знали, что Лион был в состоянии оказать сопротивление, что жители департамента были сбиты с толку, что в нашей армии было полно шпионов и мздоимцев, что не хватало припасов для осады, а также что, не имея возможности контролировать подходы к региону Форез, вероятно, было бы более благоразумно не теснить столь упорно мятежников до того, как у нас появились бы силы, чтобы остановить формирование Новой Вандее в горах»³¹. И это лишь случаи, зафиксированные в текстах источников до конца 1793 г., то есть в то время, когда волнения на

западе страны еще представляли реальную угрозу. Впрочем, восстание могло быть локализовано не только на территории коммуны или целого департамента. Республиканцы писали о Новой Вандее, например, в лесах Брие (регион Лотарингия)³².

Важно подчеркнуть не только широкую применимость данного познавательного шаблона, но и тот факт, что он существовал в течение большого отрезка времени. После того, как к середине 1794 г. первая волна мятежа был практически подавлена, Новая Вандея не ушла из республиканского лексикона. Напротив, употребление этого выражения стало едва ли не более интенсивным, хотя восстание, переживавшее спады и подъемы, уже никогда более не было столь грозным: «Значительная часть департамента Пюи-де-Дом поражена духом фанатизма, что грозит нам Второй Вандеей, если правительство не найдет способ быстро и эффективно остановить распространение мятежа»³³. Масштабы применения термина по-прежнему поражают: восстание затронуло департаменты Канталь, Йонна, Па-де-Кале, Сена и Марна, Юра, Эн, Рона и Луара, Ле-Ман, Верхняя Луара и многие другие: «Эта несчастная страна стала Малой Вандеей: заблуждения, ложь, злодеяния, коварство аристократии и фанатиков, кажется, устроили себе там логово»³⁴.

Неудивительно, что в революционном сознании сформировалось представление о Всеобщей Вандее. В различных посланиях и мемуарах можно обнаружить идею о Южной Вандее, то есть о мятеже, который должен был поразить юг страны, а затем и о том, что вся Франция могла стать кровотокающей раной восстания: «Эти негодяи решили, что, если лишит людей всего, что они любили и что почитали, то те немедленно впадут в отчаяние и взбунтуются, а в стране вспыхнет гражданская война. Они решили, что им удастся превратить всю Францию в Единую Вандею»³⁵.

На этом характеристики Новой Вандеи не исчерпываются. Ранее были указаны основные признаки этого феномена. Однако матрица может редуцировать буквально до одной черты, когда речь идет о событии, которое малоизвестно для большинства республиканцев. Так, например, восстание в Швейцарии было на слуху, но информации о нем было явно меньше, чем о движениях внутри страны. Вот почему опасность мятежа в кантонах стала определяться через Новую Вандею³⁶. Впоследствии в случае с Испанией Новая Вандея стала применяться в качестве символа затяжной кровопролитной войны, далеко не всегда удачно складывавшейся для французских войск: «Англия, ловко заключив несколько союзов, воскресила былую храбрость... и оказала помощь Испании, которая теперь стала Новой Вандеей. Именно в Испании войска Наполеона потерпели сокрушительное поражение»³⁷. Иначе говоря, познавательная матрица выходит за пределы Франции.

Можно также сделать предположение, что этот когнитивный шаблон задавал определенную планку жестокости по отношению к восставшим департаментам. То есть не имело значения, сколь велики были преступления мятежников. Их оценивали в любом случае по шкале Вандеи. Все были равны перед праведным гневом Республики. Ни у кого не оставалось надежды на компромисс: можно было либо полностью покориться, либо ожидать уничтожения³⁸. Эта идея дополняет концепцию Террора как узаконенного насилия. Власть приостанавливала действие основных принципов 1789 г. во имя защиты Республики, узурпировала право на жестокость и уничтожала своих противников, руководствуясь сформировавшейся образной системой³⁹.

Кроме того, есть несколько моментов, на которые следует обратить внимание. Во-первых, это абсолютно будничное употребление термина. Не требуется специального пояснения, что конкретно имеется в виду. Это определенный культурный код, который все расшифровывают одинаково и вкладывают

схожий смысл. Во-вторых, это код, существующий в течение длительного временного промежутка. Независимо от того, шло восстание непосредственно на западе страны на спад или мятежники вновь набирали силу, республиканцы с завидным постоянством вспоминали о событиях в Вандее, а следом непосредственно и о Новой Вандее. Некоторые исследователи вскользь пишут об этом термине как об общем обозначении для контрреволюции, акцентируя свое внимание лишь на внешних сходствах череды восстаний времен Революции⁴⁰. Представляется, что эта гипотеза справедлива лишь отчасти: это определенная мировоззренческая матрица, которая применялась ко многим мятежам. Пожалуй, было бы излишне смело говорить о том, что эта матрица была свойственна абсолютно всем республиканцам революционной Франции, однако она определенно была широко распространена и представляет собой важный культурный и психологический феномен той эпохи.

Возможно ли, что словосочетание «Новая Вандея» — это своего рода выражение-паразит, которое используется бессознательно и не несет особой смысловой нагрузки? На этот вопрос можно было бы ответить положительно лишь в том случае, если бы данное наименование встречалось только в выступлениях и дискуссиях, то есть в устной речи. Однако проанализированы были не только эти типы источников, но и мемуары, доклады, послания и т.д. Тексты, зафиксированные на бумаге, практически исключают бессознательное использование бытовой лексики. Тот факт, что о Новой Ванде, как пишут, так и говорят, представляется достаточным основанием, чтобы считать этот феномен значимым.

Новая Вандея — это явление культурно-психологическое, своеобразная матрица, которая накладывала особый отпечаток на восприятие реальности республиканцами, влияла на то, какие решения они принимали. Это сложная структура образов, которая зародилась из представлений непосредственно о войне на западе страны и впоследствии применялась фактически ко всем мятежам на территории Франции, а также к отдельным конфликтам за рубежом.

Примечания

1. MARTIN J.-CL. La Vendée de la mémoire, 1800—1980. P. 1989, p. 227—228.
2. CLÉNET L.-M. La Contre-Révolution. P. 1992; GÉRARD A. Pourquoi la Vendée. P. 1990; HUGUET J. Un c ur d'étoffe rouge: France et Vendée 1793. Le mythe et l'histoire. P. 1985; SECHER R. La génocide Franco-français: la Vendée-Vengé. P. 1986; МЯГКОВА Е.М. Необъяснимая Вандея: сельский мир на западе Франции в XVII—XVIII веках. М. 2006.
3. HUSSENET J. Comment dénombrer les morts de la Vendée. In: La Vendée après la Terreur, la reconstruction. Actes du Colloque tenu à La Roche-Sur-Yon les 25, 26 et 26 avril 1996. Saint-Amand-Montrond. 1997, p. 237—246.
4. SECHER R. Op. cit., p. 293—295.
5. BLUCHE F., RIALS S., TULARD J. La Révolution française. P. 1989, p. 92—93; BREGEON J.-J. Carrier et la terreur nantaise. P. 1987, p. 278; CASTELNAU J. Histoire de la Terreur. P. 1970, p. 224; GODECHOT J. La Contre-Révolution. P. 1961, p. 229; ГЕНИФЕ П. Политика революционного террора, 1789—1794. М. 2003, с. 17—22, 33—34, 174—175; ТЭН И. Происхождение современной Франции. Т. 4. СПб. 1907, с. 134—139; ТЬЕР А. История французской революции. (1788—1799). Т. 3. СПб. 1874, с. 168—169.
6. В дальнейшем речь будет идти о когнитивной матрице или когнитивной метафоре, которая «рассматривается как видение одного объекта через другой и в этом смысле является одним из способов репрезентации знания в языковой форме». Краткий словарь когнитивных терминов. М. 1997, с. 55—56.

7. БАРТ Р. Миф сегодня. В кн.: Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. 1980, с. 72, 78, 94—95, 121—122.
8. См., например, письмо администрации департамента Атлантическая Луара. 31 марта 1793 г. Archives parlementaires. Т. 61. P. 1902, p. 12; письмо комиссара Конвента Ж.-Л. Кара. 15 апреля 1793 г. Ibid., t. 62, p. 113; доклад Б. Барера от имени Комитета общественного спасения. 6 мая 1793 г. Ibid. Т. 64. P. 1903, p. 219—220; письмо генерала Л. Тюрро. 17 августа 1793 г. Ibid. Т. 72. P. 1907, p. 285—286; выступление члена Комитета общественного просвещения А. Тибодо. 1 июля 1794 г. Ibid. Т. 92. P. 1980, p. 316; письмо общества коммуны Машекуль. 15 августа 1794 г. Ibid. Т. 95. P. 1987, p. 119.
9. См. выступление депутата Ж.-П. Бриссо. 27 апреля 1793 г. Ibid. Т. 65. P. 1904, p. 409; проект прокламации Конвента. 24 июня 1793 г. Ibid. Т. 67. P. 1905, p. 315—317; выступление депутата М. Вадье. 15 июня 1794 г. Ibid. Т. 91. P. 1976, p. 643; выступление генерала Л. Тюрро. 27 июня 1794 г. Ibid, t. 92, p. 227—228.
10. AUBERTIN D. Mémoires sur la guerre de la Vendée en 1793 et 1794. P. 1823, p. 164.
11. TURREAU L.-M. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre de la Vendée. P. 1795, p. 69.
12. Послание генерального совета города Тюль, департамент Коррез. 5 апреля 1793 г. AP. Т. 61. P. 1902, p. 319; прокламация депутатов Ф. Грос-Дюроше и Ж. Бисси. 4 ноября 1793 г. Ibid. Т. 78. P. 1911, p. 282; речь депутата П.Р. Шудье. 6 февраля 1794 г. Ibid., т. 84, p. 377.
13. Прокламация депутатов Ж. Ф. ле Жёна и Г. дю Роше. 4 ноября 1793 г. Ibid. Т. 78. P. 1911, p. 282.
14. Доклад Б. Барера от имени Комитета общественного спасения. 21 сентября 1793 г. Ibid. Т. 74. P. 1909, p. 599. См.: выступление депутата Ж.Б. Буае-Фонфреда. 1 мая 1793 г. Ibid. Т. 63. P. 1903, p. 685; выступления депутатов Л. де Шайи. 16 апреля 1793 г. Ibid. Т. 62. P. 1902, p. 201; Ж. Тальена. 23 сентября 1795 г. Réimpression de l'ancien Moniteur. Т. 26. P. 1862, p. 3—4; генерала Ж. Беруйе. 14 октября 1795 г. Ibid., p. 175; отчет депутата П. Барраса. 28 октября 1795 г. Ibid., p. 282; BOISSY-D'ANGLAS F. Discours prononcé, sur les négociations avec l'Angleterre. P. 1793, p. 3—4.
15. Доклад Б. Барера от имени Комитета общественного спасения. 1 октября 1793 г. AP. Т. 75. P. 1909, p. 421.
16. Kléber en Vendée (1793—1794), documents publiés pour la Société d'histoire contemporaine, par H. Vaguenier-Desormeaux. P. 1907, p. 47—68.
17. См. например: доклад Б. Барера от имени Комитета общественного спасения. 24 декабря 1793 г. Réimpression de l'ancien Moniteur. Т. 19. P. 1863, p. 31; выступление депутата Ж. Тальена. 23 сентября 1795 г. Ibid. Т. 26. P. 1862, p. 3—4; письмо от члена администрации департамента Лозер. 4 декабря 1795 г. Ibid., p. 582; обращение Совета пятисот. 29 августа 1796 г. Ibid. Т. 28. P. 1863, p. 410; письмо представителя Конвента Э.К. Маинье. 17 мая 1794 г. AP. Т. 90. P. 1972, p. 393.
18. DORIGNY M. Fédéralisme. In: Dictionnaire historique de la Révolution française. P. 1989, p. 437—438; OZOUF M. Fédéralisme. In: Dictionnaire critique de la Révolution française. P. 1988, p. 85—95.
19. ГОРДОН А.В. Федералистский мятеж. Французский ежегодник. 1967. М. 1968.
20. Письмо гражданина Лакруа. 23 августа 1793 г. Т. 72. AP. P. 1907, p. 663.
21. 23 июля 1793 г. AP. Т. 69. P. 1906, p. 381.
22. VOVELLE M. Marseille. In: Dictionnaire historique de la Révolution française, p. 720—722.
23. Обращение администрации департамента Луара. 19 ноября 1793 г. Т. 79. AP. P. 1911, p. 489—490.
24. COURCELLES J.B. Histoire genealogique et heraldique des Pairs de France, des grands dignitaires de la couronne des principales familles nobles du royaume et des maisons princieres de l'Europe. Т. 7. P. 1826, p. 49.
25. AP. Т. 76. P. 1910, p. 458.
26. SAINT-GENIS V. Histoire de Savoie d'apres les documents originaux. Т. 3. P. 1869, p. 150—156.
27. 20 августа 1793 г. AP. Т. 72. P. 1907, p. 486.
28. Обращение народного общества города Кан, департамент Кальвадос. 21 августа 1793 г. Ibid., p. 528.

29. Доклад от имени Комитетов по наблюдению и общественной безопасности депутата Ж. Жюльена. 19 сентября 1793 г. Ibid. Т. 74. P. 1909, p. 436.
30. 6 сентября 1793 г. *La vedette, ou journal du département du Doubs*, t. 3, № 70, p. 580; 1 октября 1793 г. MERCIER L. *Les Annales patriotiques et littéraires de la France, et affaires politiques de l'Europe*, № 273, p. 1245; послание комиссара Ж.-Б. Каррье. 6 сентября 1793 г. AULARD A. *Recueil des actes...*, t. 6, p. 311, послание представителя Конвента Г. Шодрон-Руссо. 7 сентября 1793 г. Ibid, p. 342—345.
31. Письмо комиссара Э. Дюбуа-Крансэ. 10 сентября 1793 г. AULARD A. *Recueil des actes...*, t. 6, p. 412.
32. Письмо депутата Конвента Ж. Кюссе. 2 октября 1793 г. Т. 75. AP. P. 1909, p. 435; послание депутата Ж. Кюссе. 2 сентября 1793 г. AULARD A. *Recueil des actes...*, t. 6, p. 244; послание представителя Конвента Ж. Ревершона. 11 сентября 1793 г. Ibid., p. 438—439.
33. 2 ноября 1795 г. *Annales de la religion, ou Mémoires pour servir à l'histoire de l'Eglise de France sur la fin du XVIIIe siècle*. Т. 2. P. 1795, № 2, p. 43—44.
34. Послание революционного общества коммуны Санс. 1 июля 1794 г. AULARD A. *La Société des Jacobins: recueil de documents pour l'histoire du club des Jacobins de Paris*. Т. 6. P. 1895, p. 201.
35. GUILLAUME M. J. *Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale*. Т. 4. P. 1901, p. 32.
36. Выступление депутата Ж. Колло д'Эрбуа. 24 февраля 1794 г. AULARD A. *La Société ...*, t. 5, p. 662.
37. BEAUCHAMP A. *Histoire de la guerre de la Vendée et des Chouans, depuis son origine jusqu'à la pacification de 1800*. Т. 4. P. 1806, p. 530.
38. См. например: прокламация представителя Конвента А.Л. Альбита. 23 июля 1793 г. AP. Т. 69. P. 1906, p. 381; доклад Б. Барера от имени Комитета общественного спасения. 1 октября 1793 г. Ibid. Т. 75. P. 1909, p. 421.
39. BOULOISEAU M. *La République jacobine*. 10 août 1792 — 9 thermidor an II. P. 1972, p. 15—16, 36, 106, 175; FURET F. *La Révolution: de Turgot à Jules Ferry 1770—1880*. P. 1988, p. 130—131, 135, 138, 146; GREER D. *The incidence of the terror*. Cambridge. 1935, p. 40—42, 68—69, 86—97, 127—128; JAUME L. *Le discours jacobin et la démocratie*. P. 1989, p. 115—116, 122; PALMER R.R. *The World of the French Revolution*. N.-Y. 1967, p. 114—116.
40. LEWIS G. *The Second Vendée : the continuity of counter-revolution in the department of the Gard, 1789—1815*. Oxford. 1978.

Приходские училища в Смоленской губернии в XIX в.

Н.А. Иванова

Приходские училища стояли у истоков просвещения населения, а зачастую знания, полученные в них, для большинства учащихся являлись единственным этапом в процессе образования. Эти учебные заведения должны были содействовать распространению первоначальных знаний среди людей «самых нижних сословий»¹, — говорилось в их основополагающем документе, которым являлся «Устав гимназий и училищ уездных и приходских» (УГУУП) от 8 декабря 1828 года.

К 1859 г. в Смоленской губернии было 17 приходских училищ, в которых обучалось 857 чел., из них 768 — мальчиков и 89 — девочек². Эпоха Великих реформ не уничтожила приходские училища, в 1864 г. их было 18. Как разновидность начальных народных училищ приходские училища продолжили свою работу и в начале XX в. (в 14 приходских училищах обучалось 1811 учащихся, из них 1345 мальчиков и 466 девочек).

Материальная база училищ зависела от финансовых возможностей их учредителей, которыми могли быть городские или сельские общества, а также частные лица. Выделяемые суммы составляли от 100 до 500 руб. в год и расходовались на наем помещения, оплату труда учителей и, иногда, на учебные пособия. Для сокращения расходов на содержание приходских училищ их зачастую размещали в домах вместе с уездными училищами. Например, в отчете попечителя Московского учебного округа (МУО), в который входила Смоленская губерния, за 1863 г. отмечалось, что такое соседство в городе Дорогобуже очень «стесняло» оба училища и не давало им возможности нормально функционировать³. В 1864 г. из 18 приходских училищ 7 размещались в одном здании с уездными училищами, 5 в наемных помещениях, 4 в домах, предоставленных в бесплатное пользование, где находились еще два училища — установить не удалось. Дома, в которых располагались училища, особенно арендованные, нередко находились в плохом техническом состоянии. В начале 70-х гг. XIX в. начальство, осматривая здание приходского училища в городе Красном, пришло к выводу, что «помещение училища тесно, темно и вообще не удобно»⁴. Дом, в котором снималось помещение для 2-го Смоленского приходского училища, «находился в самой грязной части города, воздух здесь летом удушлив от находящейся рядом мясной торговли»⁵.

Иванова Надежда Алексеевна — ассистент. Смоленский государственный университет.

Сохранилась жалоба (1880 г.) учителя 2-го Смоленского приходского училища Д. Алексеева на хозяина дома, в котором размещалось училище, на то, что тот своевременно не заботился о проведении ремонтных работ. Учитель указывал, что в некоторых дверях отсутствовали затворы и зимою, из-за холода, в классах нельзя было проводить занятия. Стекла в оконных рамах закреплены плохо и при «малейшем ветерке производится дрожание... в зимнее время нет возможности простоять близ окна несколько минут, а ученикам приходится сидеть по нескольку часов»⁶. Все это, по мнению учителя, приводило к частым детским болезням и пропуску занятий. Да и учителю преподавать в таких условиях было некомфортно. В начале XX в. картина несколько улучшилась: из 14 приходских училищ 7 имели собственные здания, 4 размещались в бесплатных, 3 располагались в наемных помещениях⁷.

В приходские училища принимались дети с восьми лет, обоего пола, всех сословий, предварительных знаний от них не требовалось. Учащиеся изучали такие предметы, как Закон Божий, чтение — по книгам церковной и гражданской печати, чтение рукописей, чистописание, первые четыре действия арифметики. Преподавание возлагалось на законоучителя — местного священника, который вел только Закон Божий и учителя, который обучал всем остальным предметам, на него также возлагались непосредственное руководство училищем и полная ответственность за его благосостояние.

Срок обучения в приходском училище обычно составлял три года. По времени поступления и успеваемости ученики делились на три отделения (класса): младшее, среднее, старшее. Учебный год в приходских училищах губернии начинался не одновременно и мог зависеть от сроков проведения хозяйственных работ в уезде. Даже наполняемость классов (отделений) учениками могла зависеть от того, когда родители разрешали детям посещать училище. Так, например, «ученики в Гжатское приходское училище, по домашним обстоятельствам, не могут поступать в одно время»⁸. Для учителя это было очень неудобно, так как, приступив к занятиям с учениками, он был вынужден через какое-то время начинать все с начала с вновь прибывшими детьми, «вследствие чего по познаниям ученики дробятся, в сущности, не на три, а на десять отделений»⁹. Еще одной причиной задержки начала занятий могло быть отсутствие денег на покупку письменных принадлежностей у родителей учеников и, чтобы приступить к занятиям, некоторые учителя тратили на это свои скромные сбережения. Так, учитель Поречского приходского училища при жаловании 130 руб. в год, «покупал из него своим ученикам перья, чернила, карандаши и пр., потому что городское общество не отпускало на этот предмет ничего»¹⁰.

В течение учебного года были случаи, когда занятия в училищах не проводились. Поводом служили местные праздники и другие важные мероприятия, а также сельскохозяйственные работы, когда дети помогали своим родителям и не посещали училище. Например, ученики освобождались от занятий, с разрешения попечителя МУО, ежегодно с 8 по 16 сентября по случаю проведения в городе Поречье в это время восьмидневной ярмарки¹¹.

Родители не придавали особой важности посещению детьми училища. Например, в городе Красном по субботним дням проходил базар, «в этот день многие из учеников помогают своим родителям в торговле и не являются в класс»¹². Как результат — эти дети отставали от своих одноклассников и учителю приходилось с ними наверстывать пропущенные уроки.

Продолжительность учебного года составляла в среднем 185 дней. Занятия проходили ежедневно, по четыре часа, кроме воскресных и праздничных дней. Все уроки начинались и заканчивались молитвою (§24 УГУУП), которую ученики читали по очереди, на учителя возлагалась обязанность пристально следить за детьми, чтобы все слушали «со вниманием и благоговением».

В §11 УГУУП 1828 г. говорилось, что учителями приходских училищ могли стать «люди всякого состояния, но не иначе как доказав на испытании в Уездном Училище, что имеют нужные для сего знания и способность обучать»¹³, то есть никакой профессиональной подготовки от учителя не требовалось. Кандидат, желающий стать учителем, письменно обращался к директору народных училищ Смоленской губернии с просьбой разрешить сдачу экзаменов¹⁴. При этом он должен был предоставить обязательный пакет документов, в который входили: свидетельство об окончании им учебного заведения, метрическое свидетельство о рождении и крещении, свидетельство о поведении с последнего места учебы или работы. Последнему документу отводилось особое внимание, чтобы не допустить в профессию лиц недостойных звания учителя. Так, например, Я. Дульковым было представлено свидетельство из Санкт-Петербургского учительского университета, о том, что «во время пребывания с 25 октября 1872 г. по 14 июня 1873 г. поведения был отличным и уволен из заведения по болезни»¹⁵. Если кандидат был выходцем из податного сословия, например, из мещан, то ему еще нужно было представить «свидетельство об увольнении из мещанского общества»¹⁶.

«Испытания» состояли из письменного и устного экзаменов, на которых оценивались знания кандидата, и двух пробных уроков с детьми в приходском училище, где экзаменаторы смотрели на то, как кандидат на практике может применять свои знания. Так, 5 марта 1874 г. выпускник уездного училища Д. Зуев, из мещан, подвергся испытанию в виде письменных ответов на предложенные вопросы по предметам: русский язык и арифметика. На следующий день по тем же предметам состоялся устный экзамен. 8 марта им был проведен пробный урок по русскому языку, а на следующий день — по арифметике в приходском училище в присутствии членов педагогического совета уездного училища. Совет, в который входили все преподаватели уездного училища под председательством штатного смотрителя, «признал сведения Зуева весьма хорошими и находит его достойным получить свидетельство на звание учителя»¹⁷.

Решение совета отправлялось в дирекцию народных училищ Смоленской губернии с приложением письменных ответов испытуемого, которые подвергались повторной проверке преподавателями гимназии. Если преподаватели гимназии соглашались с выставленными оценками, а у директора не было замечаний по документации, то он отдавал распоряжение штатному смотрителю, чтобы тот выдал свидетельство со своей подписью и датой протокола педагогического совета. За оформление свидетельства с кандидата взималась плата в размере 3 рублей. Этот документ не только давал право заниматься педагогической деятельностью, но и представлял собой аналог современной трудовой книжки, в котором делались отметки о поступлении на службу, о переводах в другие училища и об увольнении. Таким образом, работодатель мог без труда обратиться на прежнее место службы учителя и выяснить его профессиональные, личностные качества или причины увольнения.

Отметим, что экзаменаторы серьезно относились к своим обязанностям и не делали поблажек экзаменуемым. Были случаи, когда по причине плохой подготовки кандидату отказывали в выдаче свидетельства. Например, педагогический совет Смоленской гимназии постановил — «по неудовлетворительности подготовки М. Басова отказать ему в искомом им звании»¹⁸, ему было предложено повторно сдать экзамены через год. Позднее министерство народного просвещения уменьшило срок повторной сдачи экзаменов для таких кандидатов с года до полугода¹⁹.

По мнению современников, слабой стороной приходских училищ, было отсутствие в них квалифицированных педагогических кадров. Общественный деятель И.П. Корнилов указывал на необходимость профессиональной подго-

товки учителей, так как «самоучки-педагоги приобретают учительскую опытность уже в самой школе, на учениках»²⁰. Он называл это явление «педагогический дилетантизм» и считал, что учителю приходского училища просто не у кого перенять опыт и нет средств для самообразования (покупки книг, журналов и газет). Попечитель МУО отмечал, что «об опытности, о педагогических приемах у нового учителя и говорить нечего; их негде ему было не только приобрести, но даже и видеть»²¹.

Чтобы как-то компенсировать отсутствие профессионального образования у молодых учителей, за их работой устанавливалось наблюдение со стороны местного начальства, которое могло без предупреждения присутствовать на занятиях, давать практические советы, а через какое-то время проверить выполнение рекомендаций. Были случаи, когда учителя могли уволить как не справляющегося со своими обязанностями. Так, Е. Строгонов, назначенный в январе 1869 г. на должность учителя Краснинского приходского училища, был уволен через 3 месяца «за практическую неспособность преподавать»²².

В 1864 г. ни один из учителей приходских училищ Смоленской губернии не имел специального педагогического образования. Несмотря на отсутствие профессиональной подготовки, среди учителей приходских училищ были люди увлеченные, искренне преданные своему делу, которые были на хорошем счету у начальства. В документах дирекции народных училищ Смоленской губернии за 1860—1870 гг. есть многочисленные положительные отзывы о деятельности учителей приходских училищ. За успехи учеников, профессиональные качества, содержание училища им объявлялись благодарности от местного или окружного начальства. Так, учителю А. Пузыревскому в 1865 г. была объявлена благодарность попечителя МУО «за исполнение обязанностей с полным усердием и преданностью»²³.

Доказательством тому, что в профессию шли достойные люди, может послужить тот факт, что в 1869 г. в Смоленске были организованы обучающие лекции для учителей сельских народных училищ «для ознакомления с лучшими методами преподавания предметов», а лекторами были приглашены учителя приходских училищ А. Пузыревский и Я. Гаранский. Выбор этих двух кандидатов был сделан руководством не случайно — они «по усердию и знанию своего дела» неоднократно заслуживали одобрения со стороны начальства²⁴.

Первоначально в приходских училищах учительниц не было, однако, со временем эта ситуация изменилась, и уже к 1 января 1897 г. женщины составляли 25% от общего числа учителей Смоленской губернии²⁵. Со временем женщины стали доминировать в учительской профессии, в приходских училищах к 1911 г. учителей насчитывалось 41%, а учительниц — 59%. О степени подготовки и пригодности учительниц к педагогической деятельности говорит уровень полученного ими образования. К 1911 г. в Смоленской губернии из 26 учительниц приходских училищ 19 имели «высшее и среднее светское образование», 3 — «среднее духовное образование», 4 — «низшее и домашнее образование». Для сравнения: из 18 учителей-мужчин 2 имели «среднее духовное образование», 7 — «среднее специальное педагогическое» образование, 9 — «низшее и домашнее образование». То есть 73 % учительниц имели «высшее и среднее светское образование», тогда как среди учителей-выпускников этой категории вообще нет. В то же время 39 % учителей имели «среднее специальное педагогическое» образование, а из числа учительниц никто не получил профессионального образования²⁶.

В 60—70-х гг. XIX в. размер жалования учителей в губернии составлял от 86 до 200 руб. в год²⁷. Для сравнения — такое же содержание зарабатывала прислуга и чернорабочие²⁸. Этих средств хватало только на питание и покупку самого необходимого. При столь незначительных размерах окладов учителя

были «лишены средств выписывать книги или педагогические сочинения, по неволе отстают и не могут следить за движением в науке»²⁹. Библиотек при приходских училищах по сведениям за 1865 г. не было³⁰. Как правило, учителя пользовались книгами из библиотек уездных училищ, но эти учебные заведения были не во всех городах Смоленской губернии. Со временем, библиотеки стали создаваться и при приходских училищах, что, безусловно, было положительной тенденцией. Как видно из отчета о проверке Ельнинского приходского училища в 1871 г., «библиотека довольно полна и учебных пособий достаточно»³¹. А при осмотре 1-го и 2-го приходских училищ в городе Смоленске в 1876 г. директор народных училищ отметил «недостаток учебных пособий и бедность библиотеки»³².

Что же побуждало заниматься этой столь низкооплачиваемой и нелегкой профессией? По мнению И.П. Корнилова, выбирали профессию учителя приходского училища не для «снискания куска хлеба, более же всего для выхода из податного сословия»³³, путем получения чина XIV класса, который выводил из податного сословия, защищал от произвола мелких чиновников, ограждал от рекрутства и телесных наказаний. Учителя приходских училищ пользовались не только правом на чинопроизводство, но и могли получить единовременное пособие или пенсию за выслугу лет, награждались правительственными наградами. В то же время, деятельность учителя приходского училища, как государственного чиновника, строго регламентировалась различными инструкциями, предписаниями и контролировалась не только уездным и губернским училищным начальством, но и сотрудниками и руководителями МУО. Училищное начальство следило за нравственным поведением учителя на протяжении всей его педагогической деятельности. Даже при перемещении учителя из одного училища Смоленской губернии в другое, начальством собирались сведения о его «поведении и способностях». Так учителю Н.И. Зеленину при переводе в 1868 г. из Вяземского приходского училища в Сычевское была дана следующая характеристика — «постоянно вел себя хорошо; не лишен учительских способностей и настолько деятелен и любознателен, что при дальнейшей учебной практике может быть очень хорошим преподавателем»³⁴.

Длительность педагогической службы была разной и зависела от конкретных обстоятельств. Иногда учителя задерживались в профессии недолго, меньше года, и уходили, подыскав себе более выгодное в денежном выражении место³⁵. Продолжительность деятельности педагогов в 1911 г. в среднем для учителей составляла 14,9 лет, а для учительниц — 7,1 лет. Большинство учителей и учительниц оканчивали свою карьеру до достижения ими 40-летнего возраста. По продолжительности службы учащие приходских училищ в 1911 г. распределялись следующим образом: менее 5 лет работало 28 % учителей и 69 % учительниц; от 5 до 9 лет служило 28 % учителей и 11 % учительниц; от 10 до 14 лет трудились 5 % учителей и 8 % учительниц; от 15 до 19 лет — 8 % учительниц; от 20 и выше лет продолжали деятельность 39 % учителей и 4 % учительниц.

В своей педагогической деятельности (§17 УГУУП) учитель мог пользоваться двумя способами обучения: «обыкновенный или по методе Ланкастера» (метод взаимного обучения). При обучении детей учитель должен был учитывать возраст учеников и уровень их успеваемости. Слабые ученики должны были размещаться в классе ближе к учителю. Он должен был «изъясняться простым и вразумительным для каждого образом, и, обращая наибольшее внимание на малоуспевающих, не забывать, однако же, и отличать прилежных, в поощрение прочих»³⁶. В среднем на одного учителя должно было приходиться 50 учеников, но на практике их число было намного выше. В 1871 г. в 1-м Смоленском училище по списку состояло 87 учащихся, но

благодаря добросовестному труду учителя А. Пузыревского обучение шло на хорошем уровне. По мнению начальства, «меньших учеников он не оставлял без внимания, и занятия свои умеет распределять равномерно между всеми 80 учащимися, что, без сомнения, представляет большую трудность. Уважение, которым г. Пузыревский пользуется у родителей учеников и в обществе, много говорит в его пользу»³⁷.

В общении с детьми учителю рекомендовалось добиваться привязанности учащихся «не угрозами и страхом, а более кротким, ласковым убеждением и поучительным примером, удерживая их с отеческою нежностью от проступков и заблуждений, разрешая их сомнения, замечая в них и одобряя все похвальные побуждения: сострадание к несчастью, любовь к справедливости, ревность к учению, к трудам своего звания и вообще полезной деятельности»³⁸.

Учитель должен был приучать учащихся к опрятности и чистоплотности как по отношению к себе, так и к книгам, тетрадям и учебным принадлежностям. Поддерживать порядок и тишину в классе во время урока учителю рекомендовалось «исключительно нравственным влиянием на детей». Однако, требуя от учеников «должного порядка и нравственного поведения, учитель обязан относиться не менее строго и к самому себе»³⁹.

Учителю в случае необходимости разрешалось применять следующие меры для «исправления» нерадивых учеников: «увещание, выговоры, запрещение участвовать в играх, оставление ученика на несколько часов в запертом классе». Бранные выражения в адрес ребенка запрещались.

Учебные занятия заканчивались в конце мая, потом в училищах проводились переводные и выпускные экзамены. На них присутствовали родители, представитель училищного начальства и все желающие. Так, в училищах города Рославля в присутствии штатного смотрителя и некоторых родителей были произведены экзамены по всем предметам с 4 по 13 июня, а 15 июня 1864 г. «выданы свидетельства и награды и закрыты классы на каникулы»⁴⁰. Или, например, 17—18 июня 1870 г. были произведены годовичные испытания в приходских училищах города Смоленска в присутствии инспектора народных училищ, в результате которых ученики 1-го училища показали «успехи по всем предметам весьма удовлетворительные», а ученики 2-го училища показали «успехи очень удовлетворительные»⁴¹. Летние каникулы длились от 6 недель до 2 месяцев, в зависимости от местных обстоятельств, в каждом уезде.

В конце каждого учебного года учитель готовил отчет о работе училища, включавший в себя самые разные сведения. Указывалось общее число учеников (мальчиков и девочек), в сравнении с прошлыми годами, с объяснением причин увеличения или уменьшения количества учащихся. Отмечалось, сколько учеников окончило обучение в минувшем году, сколько выбыло, не завершив обучения, были ли умершие. В отчете отражалась успеваемость учащихся, указывалось количество «отличников, посредственных, слабых по успехам в учении». Учитель оговаривал, с какого числа начались и когда закончились занятия в училище, в какие дни проходили экзамены. Также говорилось о том, кто и когда посещал училище с проверкой, и какие были сделаны замечания. В заключении освещался финансовый вопрос, исправно или нет, поступают денежные средства на содержание училища. Составление такого подробного отчета о функционировании училища было очень кропотливой работой и отнимало много времени и сил у учителя.

В течение учебного года работа училища, в целом, и профессиональная деятельность учителя, в частности, подвергались контролю со стороны начальства. Во время таких проверок учащихся экзаменовали по пройденным темам, особенно строго опрашивались заканчивавшие обучение и желавшие получить свидетельства об окончании училища, которые давали льготы по воинской

повинности. Порой учитель был вынужден «натаскивать» их по дисциплинам для того, чтобы ученики успешно прошли «испытания»⁴².

Непосредственный контроль за ходом обучения, профессиональными качествами учителя осуществлялся штатным смотрителем уездного училища (пока должность не сократили в связи с реорганизацией уездных училищ), а затем инспектором народных училищ. Им ежегодно составлялся отчет по всем училищам подведомственного ему уезда, в котором давалась краткая характеристика всем проводимым урокам в училищах и оценивался уровень учительского мастерства, этот отчет затем отсылался директору. Выборочно училища посещали директор народных училищ губернии⁴³ и чиновники МУО⁴⁴. Итоги таких проверок отражались в ежегодных отчетах. Например, в отчете попечителя МУО за 1863 г. говорилось, что было обращено внимание на то, что «в ответах учеников есть твердость до такой степени книжная, что ученик почти не в силах заменить затверженных им в классе выражений своими собственными. Вместе с такою твердостью слышится в ответах какая-то торопливость и желание не просто рассказать что-либо, а как говорится, “отрезать”». Учителя сильно беспокоились, чтобы ученики, если им задавались вопросы, не молчали. Отсюда «подсказывание и наведение, со стороны большинства преподавателей, составляет характеристику педагогического такта»⁴⁵. Основная причина, по мнению попечителя, влиявшая на успехи обучения, крылась в нехватке учителей, «вполне понимающих свое дело».

От взглядов проверявших не ускользали ни слабая подготовка учителей, ни скудное обеспечение училищ учебными пособиями, ни внутреннее убранство классов. Так, 1875 г. ревизор Рославльского городского приходского училища отмечал, что «в училище замечены неопрятность и сильная порча мебели, на что и обращено внимание штатного смотрителя». Также были сделаны замечания по арифметике, в преподавании которой «было замечено отсутствие практических приемов, причем указано было на необходимость быстрого счисления на счетах, коего можно достичь, начиная учить счислению на счетах не только со среднего отделения, как-то ведется в училище, но и с младшего»⁴⁶.

Следует отметить, что профессиональная деятельность учителя, не всегда имеющего должную к ней подготовку, с одной стороны, и условия, при которых приходилось работать (техническое состояние помещений, материальная обеспеченность училища, переполненность классов учениками неодинакового возраста и разной успеваемости), были не всегда пригодны для организации учебного процесса не только для учителя, но и для учеников, с другой стороны, делали труд педагога не просто нелегким, а зачастую тяжелым, требующим большой самоотдачи, но таким необходимым и социально значимым для развития общества и государства.

Примечания

1. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. СПб. 1834, с. 5.
2. Список населенных мест по сведениям 1859 года. XL. Смоленская губерния. СПб. 1868, с. LXXX—LXXXI.
3. Извлечение из отчета по управлению Московским учебным округом, за 1863 год. — Журнал министерства народного просвещения (ЖМНП). 1864, № 7—9, с. 784.
4. Низшие училища. — ЖМНП. 1872, № 5—6, с. 50.
5. ОЛОНЦЕВ Н. Одноклассные и двухклассные начальные народные училища Смоленской губернии. — ЖМНП. 1871, № 9—10, с. 285.

6. Государственный архив Смоленской области (ГА СО), ф. 65, оп. 1, д. 382, л. 13—13об.
7. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 г. Московский учебный округ. СПб. 1913, с. 49.
8. ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 2310, л. 4.
9. ОЛОНЦЕВ Н. Ук. соч., с. 284.
10. Несколько слов о приходских училищах в некоторых губерниях Московского учебного округа. — ЖМНП. 1860, № 7—9, с. 101.
11. ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 2317, л. 7.
12. Низшие училища, с. 51
13. Устав гимназий и училищ уездных и приходских..., с. 7.
14. ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 2643, л. 10, 13, 37, 67.
15. Там же, л. 73.
16. Там же, л. 60.
17. Там же, л. 55.
18. Там же, д. 2415, л. 3.
19. Правительственные распоряжения. — ЖМНП. 1873, № 7—8, с. 23.
20. КОРНИЛОВ И.П. Замечания о народных училищах Министерства народного просвещения. СПб. 1862, с. 10.
21. Извлечение из отчета по управлению Московским учебным округом, за 1863 год, с. 801.
22. ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 2393, л. 3.
23. Там же, д. 2312, л. 30об. — 31.
24. Там же, д. 2371, л. 22; д. 2126, л. 69об.
25. ФАРМАКОВСКИЙ В. Начальная школа Министерства Народного Просвещения (по официальным источникам). СПб. 1900, с. 133.
26. Однодневная перепись начальных школ в Империи..., с. 114.
27. ГА СО, ф. 2, оп. 42, д. 337, л. 4об.; д. 580, л. 1—2об.; ф. 45, оп. 1, д. 2269, л. 8; Низшие училища, с. 49—50; Приходские училища в г. Рославле. — ЖМНП. 1876, № 5, с. 55.
28. БУДАЕВ Д.И. Краснинский уезд в дореволюционное время (по материалам первой Всероссийской переписи населения). — Смоленщина в российской истории. Люди. События. Мнения: Сб. научных работ. Смоленск. 2005, с.166.
29. Несколько слов о приходских училищах..., с. 102.
30. Извлечение из отчета по управлению Московским учебным округом за 1865 год. — ЖМНП. 1866, № 4—6, с. 550—551.
31. Низшие училища, с. 50.
32. ГА СО, ф. 65, оп. 1, д. 68, л. 110.
33. КОРНИЛОВ И.П. Ук. соч., с. 10.
34. ГАСО, ф. 45, оп. 1, д. 2407, л. 5.
35. Там же, ф. 65, оп. 1, д. 86, л. 35.
36. Устав гимназий и училищ уездных и приходских..., с. 15.
37. ОЛОНЦЕВ Н. Ук. соч., с. 282.
38. ПРУГАВИН А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб. 1904, с. 21.
39. ВОЙКОВ В.П. Сборник сведений о правах и обязанностях училищных советов, инспекторов народных училищ и преподавателей народной школы. М. 1916, с. 48.
40. ГА СО, ф. 45, оп. 1, д. 2124, л. 122об.
41. Там же, ф. 405, оп. 1, д. 6, л. 7об. — 8.
42. Там же, д. 19, л. 15об.
43. Там же, ф. 45, оп. 1, д. 2196, л. 10—11, 39—41, 61; д. 2124, л. 114об.
44. Там же, л. 60об.
45. Извлечение из мнения г. попечителя Московского учебного округа. — Журнал для родителей и наставников. 1864, № 21, с. 92.
46. Приходские училища в городе Рославле, с. 55.

М.А. ПОЛЯКОВА. *Усадьба Поречье Уваровых в культуре России*. М. 2013. 176 с.

Книга, написанная кандидатом исторических наук, доцентом РГГУ Мартой Александровной Поляковой, посвящена графскому роду Уваровых и его легендарной подмосковной усадьбе Поречье, ставшей в XIX — начале XX в. одним из культурных центров Российской империи. Представленное исследование является результатом многолетних исследований автора в области изучения дворянских усадеб вообще и уникального уваровского имения в частности.

В предисловии к книге автор всесторонне рассматривает феномен «дворянских культурных гнезд». Переходя к характеристике Поречья, занимающего среди них доминирующие позиции, Полякова обращается к древнейшей истории усадьбы, упоминаемой впервые в конце XVI века. Особое внимание уделяется предшественникам Уваровых — Разумовским, которые владели усадьбой с 1742 г. (Алексею и Кириллу Григорьевичам, а также Льву Кирилловичу).

Сергею Семеновичу Уварову (1786—1855), министру народного просвещения и создателю теории официальной народности, государственной идеологии дореволюционной России, посвящен раздел «Православие. Самодержавие. Народность». В разделе «Подмосковный Тускулум» Уваров представлен основателем знаменитого Поречья, ставшего крупным центром культурной жизни империи. Граф Уваров

основал Порецкий музей, славившийся своим собранием античного искусства и коллекцией живописных произведений. Центральное место в уваровском собрании, бесспорно, занимала Альтемпская урна, находящаяся в наше время в экспозиции ГМИИ им. А.С. Пушкина. Современники с восторгом писали о замечательной библиотеке графа, насчитывающей в 1852 г. 25 тыс. томов. Будучи поклонником творчества В.А. Жуковского, Сергей Семенович построил в Поречье копию дома поэта и установил ему памятник в усадебном парке. По его инициативе в Поречье проводились знаменитые Академические беседы, гостями усадьбы были представители интеллектуальной элиты России: Т.Н. Грановский, И.И. Давыдов, М.П. Погодин, С.П. Шевырёв и многие другие.

Жизни и деятельности А.С. Уварова (1825—1884), сына Сергея Семеновича и выдающегося археолога, посвящен раздел «... Любовь и интерес к науке и искусству». Полякова уделяет особое внимание формированию будущего ученого: влиянию родителей, обилию раритетов в домашнем собрании, участию в знаменитых академических беседах. Граф Алексей Уваров прославился не только своими раскопками и научными сочинениями: в 1864 г. он создал Московское археологическое общество и организовал первые археологические съезды, которые стали проводиться

с 1869 года. Создание Исторического музея в Москве также является заслугой Алексея Сергеевича. Граф заметно обогатил коллекцию в Поречье, включив в нее нумизматическое собрание, археологические памятники, христианские реликвии, рукописи и старопечатные книги.

Соратником и продолжателем дела А.С. Уварова стала его жена Прасковья Сергеевна (1840—1924), жизни и деятельности которой посвящен раздел «...Трудами сравнивается с супругом». Графиня также занималась научной и научно-организационной деятельностью, способствуя развитию отечественной исторической мысли. Уварова являлась почетным членом Петербургской академии наук, большинства ведущих университетов империи, отечественных и зарубежных исторических обществ.

Полякова дает развернутую картину культурного развития усадьбы при графской чете в разделе «...“Сокровище искусства и ума” (Поречье А.С. и П.С. Уваровых)». Продолжая традицию Академических бесед, устраиваемых при С.С. Уварове, Алексей Сергеевич и Прасковья Сергеевна также приглашали в Поречье ярких представителей культурной элиты страны (братьев Жемчужниковых, А.Н. Аммосова, Г.Н. Геннади, И.И. Срезневского, В.Б. Антоновича, К.К. Герца, А.Н. Афанасьева, М.А. Веневитинова, П.И. Мельникова-Печерского, М.Н. Каткова, Д.Н. Анучина, Д.И. Багалея, Е.В. Барсова, Н.П. Лихачева, Н.П. Кондакова, Е.К. Редина). Автор монографии, реконструируя список посетителей Поречья и интеллектуальную атмосферу встреч, широко привлекает оригинальный архивный документ — «Гостевую книгу», которая велась с середины XIX до начала XX века. Значительное внимание М.А. Полякова уделяет описанию коллекции музея, заметно изменившейся после реконструкции дворца в Поречье.

Последнему владельцу дворянского гнезда Федору Алексеевичу (1866—1954) посвящен заключительный раздел книги «“Поречья экономия” Ф.А. Уварова». Автор, уделяя основное внимание экономическому развитию поречья усадьбы, не касается вопросов ее культурной жизни в начале XX в. За

угасанием культурного дворянского гнезда последовало его разрушение после революции 1917 года.

Марте Александровне Поляковой, рассмотревшей на страницах своей монографии основные этапы истории усадьбы Поречье от ее основания до гибели, безусловно, удалось воссоздать атмосферу одного из самых известных дворянских «культурных гнезд». Материал, представленный в издании, убеждает читателя в том, что графы Уваровы как «просвещенные владельцы управляли своим обширным хозяйством, занимались наукой, искусством, музыкой, превращая свои усадьбы в обители муз и красоты» (с. 124).

В книге Поляковой впервые публикуются «Записки графа С.С. Уварова», хранящиеся в ОПИ ГИМ (с. 135—171). Перевод источника с французского языка выполнен К.П. Альбок-риновым, а его подготовка к публикации — Л.В. Беловинским. Цель публикации — показать массовому читателю характер Уварова и некоторые факты его биографии.

Хотелось бы высказать некоторые замечания, предложения, рекомендации, которые в целом не умаляют высокой ценности рецензируемой монографии. Учитывая большое количество имен в тексте издания, было бы целесообразно привести в конце книги их алфавитный указатель. Думается, что более целостному восприятию материала рецензируемой монографии мог способствовать план усадьбы. Вызывает некоторое удивление то, что дважды в издании как один из владельцев и создателей усадьбы в Поречье ошибочно указан А.К. Разумовский (с. 87, 116), хотя очевидно, что речь идет о Льве Разумовском. Наконец, «Записки» С.С. Уварова, имеющие второстепенное отношение к основному содержанию книги, не сопровождаются соответствующей научной ссылкой, необходимой при публикации исторического источника.

Подводя итог, можно сказать, что рецензируемое издание вносит существенный вклад в изучение истории усадьбы Поречье и дворянских «культурных гнезд» дореволюционной России в целом.

М.А. ВИНОГРАДОВ

Монография доктора исторических наук, профессора Смоленского государственного университета Л.И. Ивониной посвящена жизни и деятельности знаменитого английского полководца и политического деятеля Джона Черчилля, первого герцога Мальборо, совпавшей с чрезвычайно важным периодом британской и европейской истории, который вполне может претендовать на определение «эпоха». Достаточно сказать, что родившись через год после провозглашения республики в Англии Мальборо ушел из жизни семь лет спустя после воцарения на престол Великобритании короля Георга I — первого представителя так называемой Ганноверской династии. То было яркое, драматичное, до предела насыщенное событиями время.

Жанр политической биографии традиционно пользуется большой популярностью в отечественной историографии. В одной из своих, может быть, самых известных книг «Три портрета эпохи Великой французской революции» профессор А.З. Манфред, как бы извиняясь, писал по этому поводу, что в последнее время у него «появилась склонность... раскрывать внутреннее содержание больших общественных процессов... через изображение отдельных их деятелей... Иногда в одном лице, — замечал историк, — как бы персонифицированы общие процессы»¹. Согласимся с авторитетным мнением этого признанного мастера биографического жанра.

Ивонина поставила перед собой нелегкую задачу — представить свою версию биографии знаменитого британского полководца и политика в контексте его эпохи. Описывать путь известнейшего военачальника и государственного мужа с почти бесспорным репутацией «великого человека» уже само по себе дело не простое и очень ответственное. Не даром братья Гонкуры как-то раз удивительно точно высказались по этому поводу: «Великие люди — это медали, на которых господь бог отчеканивает их эпоху»².

Сложность, противоречивость и многогранность фигуры герцога Мальборо делают эту задачу чрезвычайно трудной. Учитывая, что

эпоха, в которую ему довелось жить и действовать, изобиловала конфессиональными конфликтами, борьбой различных интересов, придворными интригами, партийными распрями, государственными переворотами внутри самой Англии, что, в свою очередь, накладывалось на прихотливое кружево европейской дипломатии конца XVII — начала XVIII в., следует признать, что задача, стоящая перед автором монографии, усложняется многократно.

В этой связи стоит, вероятно, отметить и тот факт, что, невзирая на то, что Мальборо — личность более чем узнаваемая на Западе, в нашей стране вплоть до последнего времени о нем не было опубликовано ни одной серьезной монографии. Как выразилась по этому поводу сама Ивонина: «В российском... книжном мире имя знаменитого английского полководца и политика пока только блистало своим отсутствием» (с. 11).

Монография состоит из введения, 14 глав, заключения, списка литературы, хронологии и помещенных в приложение иллюстраций. Во введении — «Мальбрук в поход собрался...» — автор подчеркивает, что «Мало кто из англичан достиг одновременно таких высот полководческого и дипломатического искусства». По словам автора, личность Мальборо превратилась после смерти в «Легенду о Мальборо», которая, в свою очередь, состоит из двух мифов — «мифа восхваляющего», берущего свое начало с его биографии, написанной преданным ему верховным капелланом Фэнсом Хэа, и «мифа обвинительного», у истоков которого стояли знаменитые английские просветители Джонатан Свифт и Даниэль Дефо (с. 6). В заключении, в каком-то смысле содержательно перекликающемся с введением, автор вновь подчеркивает, что «герцог Мальборо — один из столпов английской истории, заслуги которого нельзя опровергнуть или переоценить», «великий полководец, незаурядный политик и человек» (с. 451), обладавший «качествами проницательного дипломата» (с. 452), государственного деятеля, являвшийся «одним из первых образцов современного политика» (с. 453). Как бы невзначай брошен-

ная автором фраза о том, что Мальборо «отнюдь не был идеален» (с. 451), практически «тонет» в море похвал и того, что остроумный XVII в. во Франции превратил в особый литературный жанр — «mots funebres».

«Карьеру герцога Мальборо, — убежденно заявляет Иволина, — можно назвать эпической, ... его жизнь — романтической» (с. 454). С этим утверждением автора трудно не согласиться. Иволина справедливо замечает, что споры о Мальборо, начавшиеся еще при его жизни, «продолжаются, и они будут бесконечными».

Несомненным достоинством представленной на суд читателей книги является мастерски соблюденный автором баланс между личностью и эпохой, когда сама личность, пусть даже и очень значительная, не заслуживает эпоху, а эпоха, будучи представленный во всем своем многообразии, не мешает увидеть героя.

Сочинение изобилует деталями, подчас, казалось бы, крайне мелкими, вроде «парика Рамильи» (с. 268). Но, следует отдать автору должное, они приводятся отнюдь не для простого развлечения читателя, а для того, чтобы как можно точнее воссоздать дух эпохи, что в ряде случаев блестяще удается.

Помимо весьма убедительного портрета герцога Мальборо — полководца, дипломата и человека — Иволина представила в своей книге запоминающуюся галерею его современников: тут и неистовая Сара, герцогиня Мальборо, и стареющий, но мужественно сопротивляющийся ударам судьбы гуру европейских монархов «Король-Солнце», упрямая, но «обладавшая здоровым инстинктом» королева Анна, непредсказуемый и опасный для Европы и для самого себя коронованный солдат Карл XII и многие другие.

Отдельно хотелось бы остановиться на краткой характеристике использованных автором монографии источников. Источниковая база исследования Иволиной достаточно репрезентативна и включает в себя более тридцати (в том числе и многотомных) изданий на английском, французском и немецком языках. Видимо, не будет преувеличением сказать, что важнейшим из них являются, судя по количеству ссылок, письма герцога Мальборо. Это вполне оправдано.

Первые пять глав монографии, несмотря на множество затронутых в них тем, можно, с некоторой долей условности, назвать обширным «введением» в политическую биографию Мальборо. Следующие шесть глав, наиболее интересные и содержательные, представляют собой своеобразное «ядро» монографии. В них детально описывается военная и дипломатическая деятельность Мальборо от Рисвикского мира (1697 г.) до так называемой «министерской революции» Болингброка, случившейся в 1710 году. Заключительные три главы монографии повествуют о финале политической и военной карьеры «первого человека в Европе», о «деле Мальборо» и многочисленных обстоятельствах, приведших к окончанию войны за испанское наследство. Два сюжета, в равной степени знаковые, венчают повествование о жизни и деятельности Джона Черчилля, первого герцога Мальборо — описание дворца Бленхайд — «простого и величественного монумента славы Мальборо» — и уход из жизни верной спутницы знаменитого англичанина, герцогини Сары Мальборо, со смертью которой, вероятно, и завершилась окончательно «эпоха Мальборо».

В целом, думается, что профессор Иволина сумела написать исчерпывающе полную, интересную и увлекательную книгу. Однако, как и в любом масштабном исследовании, кое-что в исследовании не кажется нам бесспорным, и отдельные детали, вероятно, нуждаются в некоторой корректировке и уточнении.

В частности, несколько не умаляя роль дворов в политической жизни Классической Европы, все же представляется, что гиперболизировать их значение, как это сделала Иволина, вряд ли стоит. Очевидно, также, что сводить все различия между республиками и монархиями в Европе к простому факту отсутствия или же существования там дворов (с. 19—20) является упрощением и уже в силу одного этого обстоятельства не может быть безоговорочно принято.

Декларативным выглядит мнение автора о том, что политическое падение Польши и ее разделы в конце XVIII в. «нельзя считать неизбежными». Никакими вескими аргументами свою точку зрения автор не подтверждает.

Утверждение о том, что отсутствие поддержки России в ее борьбе с Турцией со сто-

роны западных держав было главной причиной трагической судьбы Речи Посполитой, так как это привело к тому, что Петр I был «вынужден (?) направить острие русской экспансии на Запад» (с. 306—307), кажется малоубедительным и, к тому же, противоречащим фактам. Общеизвестно, что на всем протяжении XVIII и значительной части XIX в. обострение так называемого Восточного вопроса в связи с расширением России в южном направлении, постоянно ухудшало ее отношения с западными державами, в частности, с Англией, что и привело, в конечном счете, к катастрофе Крымской войны 1853—1856 годов.

Несколько слов по поводу более мелких, так сказать, частных замечаний. Полагаю, что сравнение Мальборо с Веллингтоном, в том плане, что последний, по мнению Ивоиной, был обычным солдафоном, который «лишь благодаря благоприятным обстоятельствам одержал победу над императором Наполеоном» (с. 6) не совсем корректно, так как «Железный герцог» был не просто воякой, но и дипломатом, а одно время даже премьер-министром Великобритании.

Тезис автора о том, что «важной чертой Классической Европы была относительная гуманизация ведения военных действий...» (р. 33) вряд ли может быть доказан. Достаточно, в этой связи, вспомнить варварское опустошение Нидерландов французскими войсками в 1683 г. или, например, погром ими Пфальца во время войны с Аугсбургской лигой.

Думается, что использование автором выражения «милицейские ополченцы» (с. 102),

исходя из того, что слово милиция в Англии как раз и означает ополчение, не совсем удачно чисто этимологически.

Цитируя одно из осенних (1709 г.) писем Мальборо его жене Саре, автор приводит слова герцога о том, что он «не намерен быть во власти вилланов». И далее поясняет, что скорее всего словом вилланы он обозвал тори (с. 353). Не подвергая сомнению то, что так оно могло и быть, все же заметим, что английское слово villain (равно, впрочем, как и французское vilain) можно перевести и по-другому, — как мерзкий, гадкий, злой — иными словами, негодяй. Возможно, здесь был бы уместнее «буквальный» перевод: «не намерен быть во власти негодяев».

Сделанные замечания, разумеется, ни в малейшей степени не снижают общего благоприятного впечатления от проделанной автором монографии большой и кропотливой работы. Книга несомненно будет интересна как специалистам, так и обычным читателям, интересующимся «эпохой дворов и королей», ярчайшим представителем которой был Джон Черчилль, первый герцог Мальборо.

А.А. ЕГОРОВ

Примечания

1. МАНФРЕД А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М. 1978, с. 19—20.
2. ГОНКУР Э. и Ж. де. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы. Т.1 М. 1964, с. 56.

Р.Г. ЛАНДА. *Судьба морисков*. М. Институт востоковедения РАН. 2013. 399 с.

Мориски — мусульмане Испании, принудительно обращенные в христианство, — сыграли важную и положительную роль в новой истории Испании. Унаследовав богатое достояние средневековой культуры аль-Андалуса, они многие десятилетия тайно соблюдали мусульманские обычаи и образ жизни, сурово преследовались королевской властью и инквизицией и в начале XVII в. были изгнаны из Испании. Благодаря их трудолюбию, корпо-

ративному духу и высокой культуре труда достижения аль-Андалуса наполнили собой быт и нравы Магриба, Арабского Востока, повлияли на культурное и экономическое развитие Испании, Португалии, Латинской Америки. Какую бы монографию о прошлом арабов или испанцев мы не взяли в руки, в ней непременно упоминаются мориски и их судьбы. Однако такое «сквозное» исследование, как рецензируемый труд известного российского ис-

ламоведа, историка-арабиста и социолога Р.Г. Ланды — это первая в отечественной историографии книга, целиком посвященная морискам и их роли в истории.

В течение более двадцати лет автор исследовал общественные позиции, бытовую культуру, религиозные воззрения, экономическую деятельность морисков в Испании, проблемы их адаптации на новой родине — в Магрибе. Будучи единственным в России знатоком и специалистом по истории морисков, Ланда многократно участвовал в международных форумах и симпозиумах, сотрудничал и дискутировал с видными морискологами Испании (Мерседес Гарсия-Ареналь, Мануэлой Марин), Франции (Бернаром Венсаном, Луи Кардайяком), арабского мира (туниисцем Абд аль-Джалилем Темими, египтянином Гамалем Абд ар-Рахманом, алжирцем Ахмадом Абу Айядом, иракцем Микдадом Рахимом) и многими другими. Перед нами — солидное, глубоко продуманное и документированное обобщающее исследование, отличающееся не только научной новизной, но и превосходной, логически выверенной критикой богатых историографических традиций современной морискологии. Последнее обстоятельство существенно, поскольку до сих пор среди тысяч работ о морисках мы сталкивались и с их апологетикой, и с твердым желанием консервативной части историков Испании всячески замалчивать и преуменьшать их роль в истории стран Иберийского полуострова.

То обстоятельство, что Ланда далеко не впервые обращается к проблематике морисков, заметно усложняет стоящую перед ним задачу. Автор стремится не повторить или дополнить результаты своих многолетних исследований, а философски обобщить и переосмыслить богатую и малоизвестную российскому читателю политическую и культурную историю мусульман Андалусии, отказавшихся от исламского наследия, чтобы стать подданными испанских королей. Справедливо отмечая важность развития изучения всех сторон жизни морисков, Ланда ставит перед собой более скромную задачу — понять причины их исторической драмы и ответить на ключевой вопрос — какие уроки могут и должны быть из нее извлечены.

В первых двух главах своего труда автор прослеживает вехи истории мусульманской Испании и испанского общества «Золотого века» (XVI столетия), анализирует само происхождение и содержание понятий *мавры*, *мориски*, *мудехары*, рассматривает уникальный арабо-иберийский опыт цивилизационного синтеза, позволивший исламской, иудейской и христианской общинам Испании внести свой вклад в общую для них культуру аль-Андалуса. Оценивая экономическую и социальную роль морисков в католической Испании, Ланда подчеркивает их постепенную маргинализацию, сосредоточение на хозяйственной деятельности, принудительное отстранение от возможностей государственной или церковной карьеры и неприемлемость для католического духовенства самого факта сосуществования с устойчивым и самобытным в культурно-религиозном отношении сообществом (с. 62—63). И хотя к концу XVI в. произошло относительное обнищание морисков и сокращение их численности из-за репрессий инквизиции и эмиграции в Северную Африку, тем не менее, они продолжали занимать свою нишу в хозяйственном развитии Испании. Автор детально воспроизводит мотивы и методы создания «образа врага» в лице морисков, которыми руководствовались испанская монархия, дворянство, духовенство и фанатизированная чернь. В качестве отдельного сюжета в книге демонстрируются разносторонние функции женщин в социуме морисков — хранительницы семейных ценностей и корпоративных традиций, делавших морисков одновременно неотъемлемой частью испанского общества и в то же время чужеродным элементом в его составе. Свобода и образованность морисских женщин, практически невозможные как в арабо-мусульманском мире, так и в среде «старых христиан» Испании, составили отличительную черту культуры морисков и содействовали сохранению идентичности их общины.

На протяжении третьей главы книги в фокусе внимания Ланды находится трагический процесс исхода морисских общин из Испании. Не обходя вниманием последствия восстания морисков в Альпухарре (1568—1571 гг.), воскресившего с обеих сторон жестокости

эпохи Реконксты, автор обращается к внутренним (морально-психологическим и социальным), а также в внешним (противостояние Габсбургов и Османов на Средиземном море) факторам взаимного неприятия «старых» и «новых» христиан Испании. Повстанческая война в Альпухарре, по мнению автора, явилась не просто эпизодом в противостоянии властей Испании и морисков. Она сопровождалась столь массовыми убийствами, насилием, разрушением жилищ и обращением в рабство, что сделала призрачными любые надежды Филиппа II на ассимиляцию морисков (с. 162—163). Справедливо и замечание автора о том, что события в Альпухарре оказались сплетены для испанских властей в сложный узел геополитических и военно-стратегических противоречий с Османской империей. Этот узел попытка разрубить в 1609—1617 гг. Филиппе III за счет повального изгнания морисков из Испании.

Несомненной заслугой Ланды является глубокое и нюансированное рассмотрение всей богатой палитры последствий этого грандиозного события. Королевский двор, духовенство и широкие слои современников-католиков восприняли маргинализацию и изгнание морисков как «торжество истинной веры» и «избавление от мусульманской угрозы». Позже эти идеи многократно воспроизводились в апологетической литературе, доказывающей, что изгнание морисков было не только справедливым, но и неизбежным решением. На деле же, как показывают исследования Ланды и других морискологов, исторический крах морисков обошелся Испании чрезвычайно дорого: зарастали поля, пришла в упадок ирригация, сократилось производство олив, риса, зерновых культур, почти прекратился экспорт шелка, шерсти, сукна, керамики. Даже безопасность Испании пострадала от отсутствия искусных оружейников, моряков, опытных военных инженеров из числа морисков, которые теперь сражались на стороне Османов (с. 234—242). На протяжении XVII—XVIII столетий испанская армия не выиграла ни одной войны, а через 100 лет после депортации морисков Испания стала объектом притязаний великих держав. В «войне за испанское наследство» (1701—1714 гг.) она потеряла свои владения в

Европе и крепость Гибралтар на собственной территории.

В четвертой главе автор подвергает многоплановому и принципиальному анализу ход и итоги адаптации морисков вне их исторической родины. Здесь Ланда дает неординарную оценку феномену морискской культуры в Европе и Америке, прослеживает морискское влияние в произведениях Мигеля Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона де ла Барки, Яна Потоцкого, Эжена Скриба, анализирует образ морисков в живописи и на театральной сцене Европы. Можно согласиться с автором в том, что адаптацию морисков в мусульманском мире облегчили их квалификация, трудовые навыки, упорство и заинтересованность в результатах производства. Ланда не обходит вниманием и трудности, возникшие перед общинами морисков в Магрибе в силу культурных, языковых и психологических барьеров между «испанизированными» мусульманами-морисками и их местными единоверцами (с. 250—251). Однако, по его мнению, успех адаптации (но отнюдь не ассимиляции) морисков был предопределен сложным синкретизмом их культуры, которая (подобно некоторым другим культурам Средиземноморья) носила переходный и пограничный характер (с. 318). Увы, этнокультурная миссия морисков так и не была оценена по достоинству ни на Западе, ни на Востоке.

Дискуссии вокруг судьбы морисков продолжают и, несомненно, будут продолжаться долго. В наше время, когда бурно растет интерес к проблемам национального достоинства, когда на наших глазах создаются самопровозглашенные государства, когда в центре благополучной Европы желает автономии и независимости добрый десяток этносов (включая шотландцев и каталонцев), национальное самоотождествление и цивилизационная самобытность остаются в центре профессионального внимания историков. Разумеется, можно долго и аргументированно спорить о том, каков был «вклад» ухода морисков в то, что Испания вскоре перестала быть великой державой. Не менее спорный вопрос, тесно связанный с судьбой морисков, — насколько национально-религиозная непримиримость испанской монархии и ее, по сути, расистские законы «о чистоте крови» привели в состоя-

ние упадка и разрухи как хозяйство, так и политические структуры страны. Любопытна и дискуссия о том, были ли мориски «предбуржуазным классом» в Испании или Магрибе. Но ясно одно — искусственное возрождение испанской знати XVI в. идеалов Реконкисты, уже отошедших в века, оказалось нежизненным решением, тогда как мориски (и до изгнания из Испании, и после него) продолжали воплощать общность истории, культуры и образа жизни народов Средиземноморья.

Книга Ланды «Судьба морисков» вносит важный вклад в изучение прошлого и настоящего арабо-мусульманского и европейского миров Нового времени. Она, бесспорно, привлечет внимание российских специалистов-

исламоведов, а также историков Магриба и Испании. Думается, что они по достоинству оценят поднятый в этой новаторской работе круг проблем и характер их рассмотрения. Более широкую читательскую аудиторию не оставят равнодушной актуальность и полемическая острота высказанных положений, свойственные Ланде живость и сюжетная свобода авторской мысли, яркая и неординарная манера подачи сложного, а порой крайне противоречивого материала. Предпринятая ученым обстоятельная ретроспекция судеб морисков обогащает наши знания об истории Испании и Северной Африки.

В.В. ОРЛОВ

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.А. Лагода, Е.П. Лебедева, Б.В. Левшин, В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский,
В.В. Шелохаев, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 2, 2015

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.01.2015. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1600. Заказ 380-2015. Индекс 70145.

ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**